

**Берега
АНГРАЛЫ
1'2005**

**Солдатам войны
посвящается...**

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

**БЕРЕГА
АНГРАПЫ
1'2005**

Редакционная коллегия:
И.В.Ерофеев – главный редактор,
Г.В.Каштанова-Ерофеева –
ответственный секретарь,
Г.И.Ваткеева,
А.К.Гахов,
В.Н. Хабибуллин

ББК 84Р7 + 63 Клд
Б 48 Берега Анграпы. 2005: Художественно-публицистический альманах. - Калининград: ОАО Янтарный сказ, 2005. - 210 с.: ил.

Б 48

По заказу
администрации муниципального образования
«Черняховский район»

В оформлении использованы: на обложке - фотография П.А. Локтионова (Инстербург, 1945г.); на страницах рубрик «Версты времени», «Живой голос истории» - фотографии из архивного отдела Черняховской администрации, фондов Музея боевой славы им. И.Д. Черняховского (ДЮО, г.Черняховск), музея историко-краеведческой информации Черняховской ЦГБ им. А.П. Чехова, личных архивов авторов публикаций, ветеранов Великой Отечественной войны, руководителей и членов поисковых отрядов; в разделе «Языком поэзии и прозы» (повесть А. Гахова «Операция “Волхвы”») - акварели П.Б. Косованова (виды старого Кёнигсберга).

Автор фоторабот на наклейках - Сергей Трень

Уважаемые читатели!

К Дню Великой Победы наш редакционный коллектив и его добровольные помощники – юные и взрослые знатоки истории края, а также люди, работающие с художественным словом, - по инициативе администрации муниципального образования «Черняховский район», подготовили первый, «стартовый» номер нового, художественно-публицистического альманаха «Берега Анграпы». Альманах и в дальнейшем будет освещать наиболее значимые события в жизни общества, знакомить читателей с произведениями уже известных или начинающих авторов-земляков, с творчеством гостей города.

Особенность этого выпуска в том, что большинство его материалов имеет документальную основу и посвящено реальным событиям, еще не отделившимся от нас на большую временную дистанцию. Среди наших авторов – и сами ветераны войны, и труженики тыла, и люди, пережившие гитлеровскую оккупацию или даже ужасы лагерей смерти. Это очевидцы, свидетели Истории. Они, испытавшие на себе все тяготы войны и восстановившие мирную жизнь, поражают своей стойкостью, мужеством и громадной любовью к жизни. Их невыдуманные рассказы о пережитом, удивительные судьбы трогают до глубины души, оставляют неизгладимое впечатление. В их неприхотливом, безыскусном повествовании - живая история нашего Отечества, богатство нашей общей Памяти, если хотите – национальное достояние.

Помимо воспоминаний, писем, дневниковых записей, в альманахе помещены историко-краеведческие очерки, знакомящие с хроникой военных событий - в первую очередь речь пойдет о штурме Инстербурга и о деятельности военачальников, руководивших взятием города, о трагической судьбе разведгруппы «Сокол», о славном боевом прошлом воинов 16-й гвардейской дивизии. Думаем, материалы этого блока станут хорошим подспорьем для школьников и студентов, изучающих историю нашего края, и будут интересны для многих других из тех, кто ею увлечен. Мы расскажем читателям и о жизни города в первые послевоенные годы, и о той поисковой работе, которую в дальнейшем на протяжении не одного десятка лет вели подвижники-следопыты.

Языком художественных образов выразили свое видение событий, свое отношение к ним авторы стихотворений о войне и мире – Петр Жуков, Вячеслав Бобрик, Игорь Ерофеев, Александра Бурова, Любовь Мазалова, Ирина Мялицина. Александр Гахов, помимо стихов, представил на суд читателей написанную недавно военно-приключенческую повесть.

В числе тех, кому мы выражаем благодарность за помощь и содействие, - глава администрации муниципального образования «Черняховский район» А.О. Виноградов; заведующая архивным отделом администрации О.Б. Квитченко; руководитель Музея боевой славы имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра Н.Н. Юрьева; основательница городского штаба красных следопытов, ветеран труда М.А. Костина; руководитель музея Дома пионеров и штаба «Факел» в 1970-80-е годы А.Е. Зайцева; кандидат исторических наук, доцент КГУ В.Н. Хабибуллин; заведующая краеведческим отделом Центральной городской библиотеки имени А.П. Чехова Н.М. Филиппова; журналистка газеты «Полюс + ТВ» Л.Н. Охота; фотохудожник С.А. Трень; оператор компьютерной верстки Е.Г. Дорофеев; секретарь литобъединения «Рассвет» Н.В. Гахова и ее сын С.А. Гахов; руководитель музея лицея №7 С.В. Кожевникова.

Мы поздравляем ветеранов войны, желаем им здоровья, благополучия и склоняем головы перед памятью павших.

Дорогие ветераны, черняховцы!

В этом году мы отмечаем 60-ю годовщину Великой Победы. Это событие заслуженно стало достоянием всемирной истории.

Человечество знает тысячи войн, больших и малых, кровопролитных и не очень. Но военный ураган, ворвавшийся на советскую землю ранним утром 22 июня 1941 года, был самым свирепым и разрушительным. Германская армия численностью более пяти миллионов человек противостояла России. Ни один народ не устоял бы под ударом такой разрушительной силы. Ни один, кроме русского. Мы всегда исключение. Именно на советско-германском фронте был предрешен исход Второй мировой войны. Более шестисот вражеских дивизий было разгромлено на этом театре военных действий. Именно наши солдаты водрузили Знамя Победы над поверженным Берлином. Каким мерилom оценить подвиг русского солдата, остановившего распространение «коричневой чумы»? Вечная ему память и слава! Нам не забыть, какой дорогой ценой оплачена победа. В этот праздник «со слезами на глазах» скорбной минутой молчания вся страна почтит тех, кто не вернулся с полей сражений.

День Победы вновь возвращает нас к памяти тех лет. У славян «победа» обозначается словом «перемога». Наши солдаты перемогли за четыре года войны такое, что не способен выдержать ни один народ в мире.

Сегодня мы чествуем тех, кто клялся служить России и кто своей жизнью доказал верность этой клятве. Мы гордимся боевыми и трудовыми подвигами своих дедов и отцов. История не знала такого небывалого размаха массового героизма, отваги и стойкости при защите Отечества.

Люди военного поколения всегда для меня были и останутся теми, с чьей нравственной позицией я сверяю свою жизнь, свои поступки. Их мудрость, жизненный опыт очень нужны нашей России. Они – «золотой фонд нации», который нужно беречь, как зеницу ока.

История Калининградской области неразрывно связана с событиями последних месяцев войны, с победами наших воинов в Восточной Пруссии. И сегодня от нас зависит, какой станет жизнь на этой земле, политой кровью бойцов Великой Отечественной.

Сердечно поздравляю всех ветеранов Великой отечественной войны, ветеранов трудового фронта, блокадников Ленинграда, бывших узников фашистских лагерей, воинов-интернационалистов, ветеранов Вооруженных Сил, воинов Черняховского гарнизона и всех жителей района с 60-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией.

Счастья Вам, дорогие наши ветераны! Счастья и здоровья!

С уважением

Глава муниципального образования «Черняховский район»
А.О. ВИНОГРАДОВ

Черняховцы - ветераны Великой Отечественной войны

Авраменко Мария Дмитриевна	Буряк Александр Ефимович
Агарков Василий Иванович	Быструшкина Евдокия Антиповна
Айриян Сурен Баласович	Бычкова Раиса Афанасьевна
Акопян Валентина Петровна	Варзилов Николай Павлович
Алипатов Николай Романович	Варлашина Александра Михайловна
Анашкин Александр Ермолаевич	Варюшкина Мария Алексеевна
Андрияускас Казис Юзович	Васильев Евгений Петрович
Аносова Тамара Васильевна	Васильев Иван Иванович
Антропов Михаил Степанович	Васильев Иван Егорович
Анурин Сергей Иванович	Васильев Петр Максимович
Архипов Владимир Васильевич	Васильева Серафима Алексеевна
Базылев Иван Пантелеевич	Васильева Валентина Поликарповна
Балдин Григорий Иванович	Васильева Таисия Алексеевна
Балаев Иван Абрамович	Вешинина Анна Дмитриевна
Бандурина Римма Исааковна	Веселов Александр Яковлевич
Барабанов Гурий Сидорович	Веселов Павел Павлович
Барабанова Мария Яковлевна	Вечерская Вера Иосифовна
Баранова Фаина Кузьминична	Виноградов Валентин Леонтьевич
Баранова Ефросиния Алексеевна	Волдыненко Виктор Яковлевич
Батанов Валентин Владимирович	Волкова Раиса Антоновна
Бацев Яков Иванович	Волкова Лидия Кузьминична
Беда Игнат Максимович	Воробьева Александра Ивановна
Безрукова Анна Матвеевна	Воропаев Николай Григорьевич
Белая Зинаида Михайловна	Врублевский Петр Трофимович
Белоусов Василий Федорович	Гагарин Иван Дмитриевич
Беляев Константин Ильич	Гаршина Мария Николаевна
Бескоровальный Михаил Иванович	Гектор Ксения Дмитриевна
Бирюков Семен Васильевич	Герасименко Николай Александрович
Блинов Иван Тимофеевич	Гераскин Алексей Степанович
Блохина Раиса Андреевна	Глушак Мелания Григорьевна
Богданова Раиса Александровна	Гнездилов Василий Васильевич
Боева Анастасия Сергеевна	Голонская Александра Иосифовна
Боженко Зинаида Александровна	Гончаров Григорий Сидорович
Бойко Анастасия Иосифовна	Гостинский Владимир Владимирович
Большакова Тамара Александровна	Горбачев Сергей Семенович
Брехов Петр Михайлович	Горбачева Анна Илларионовна
Букин Алексей Тимофеевич	Горбунов Николай Сергеевич
Бушенов Георгий Николаевич	Гордеева Анна Ивановна
Буренин Борис Степанович	Грабарь Иван Александрович
Бурмистров Константин Иванович	Грачев Александр Иванович
Бурова Александра Петровна	Гречко Григорий Степанович
Бурулев Петр Михайлович	Григорьева Анна Александровна
Бурыко Алексей Иванович	Гринчак Дмитрий Филиппович
Бурыко Татьяна Федоровна	Гришин Николай Андреевич

Грошова Мария Петровна
 Гудаев Александр Михайлович
 Гуреев Иван Емельянович
 Гуржа Филипп Спиридонович
 Гуркова Евдокия Федоровна
 Гурьев Василий Дмитриевич
 Гусейнов Али Ага Касум Оглы
 Гутмахер Семен Владимирович
 Данилова Валентина Александровна
 Данилюк Николай Захарович
 Даньшина Анна Петровна
 Дацюк Нина Петровна
 Двойченков Василий Иванович
 Девяткова Мария Ивановна
 Демиденко Евгений Иванович
 Демичев Леонид Григорьевич
 Добринский Алексей Григорьевич
 Добросельская Мария Васильевна
 Долженков Михаил Прокофьевич
 Долженкова Зоя Кузьминична
 Донская Таисия Корнеевна
 Донская Екатерина Ивановна
 Дорофеева Ольга Федоровна
 Доронина Зинаида Федоровна
 Дроздов Василий Павлович
 Дубовский Виктор Антонович
 Дудкин Павел Васильевич
 Евзрезов Сергей Васильевич
 Егорова Вера Александровна
 Елсуков Александр Иванович
 Еремихин Иван Семенович
 Ерш Михаил Андреевич
 Ефимова Анастасия Алексеевна
 Ефимчик Василий Тимофеевич
 Ефремов Иван Дмитриевич
 Жаворонкова Елена Федоровна
 Жаситис Альбинас Петро
 Жилинская Надежда Андреевна
 Жукова София Дмитриевна
 Журихин Александр Михайлович
 Заморуев Иван Иванович
 Захарова Татьяна Васильевна
 Заходяйченко Зинаида Степановна
 Звягинцев Федор Филиппович
 Зуйкова Евдокия Дмитриевна
 Зыкин Василий Петрович

Зюзин Иван Петрович
 Иванов Иван Петрович
 Иванов Ростислав Михайлович
 Иванова Мария Ефимовна
 Иванченко Анастасия Михайловна
 Иванченкова Надежда Васильевна
 Игнатовский Дмитрий Панфилович
 Ильина Мария Ивановна
 Казак Макар Дмитриевич
 Казакова Светлана Александровна
 Каленчук Дарья Михайловна
 Калинина Валентина Ивановна
 Калужская Зоя Николаевна
 Канатьева Раиса Никитовна
 Капралов Сергей Яковлевич
 Каркушин Виктор Иванович
 Квачук Александр Аксентьевич
 Кинчина Юлия Георгиевна
 Кирипов Федор Александрович
 Киселева Анна Григорьевна
 Кладова Надежда Федоровна
 Коберник Михаил Леонтьевич
 Ковалева Мария Тимофеевна
 Ковеев Абдул Якубович
 Кожевников Семен Ксенофонтович
 Кожушко Иван Захарович
 Козабродская Елена Алексеевна
 Козлова Наталья Дмитриевна
 Козловская Елизавета Гавриловна
 Кокурина Мария Петровна
 Колесникова Мария Васильевна
 Комарова Мария Дмитриевна
 Коновальчик Надежда Никитична
 Корнеев Анатолий Васильевич
 Корнеева Елена Лаврентьевна
 Коростылев Николай Александрович
 Корсунь Николай Харитонович
 Коруненко Валентина Алексеевна
 Коршунова Анна Михайловна
 Копычев Александр Алексеевич
 Костоглод Валентина Гавриловна
 Костылев Леонид Васильевич
 Котова Раиса Павловна
 Котова Екатерина Прокофьевна
 Коханчик Андрей Матвеевич
 Клейменов Иван Семенович

Ключников Иван Никитович
 Кореньков Григорий Иосифович
 Костромитилова Евгения Константиновна
 Красницкий Петр Сергеевич
 Красоткина Юлия Николаевна
 Крупова Евгения Александровна
 Крылов Василий Михайлович
 Кузавко Иван Селиверстович
 Кузьмин Анатолий Васильевич
 Кузьмин Петр Степанович
 Кузьмин Геннадий Николаевич
 Кулик Мария Никитична
 Куликова Анна Андреевна
 Кунцевич Нина Ивановна
 Куприянов Леонид Кузьмич
 Курлютов Алексей Васильевич
 Курочкина Ирина Трофимовна
 Лазарь Анна Васильевна
 Лактионова Валентина Акимовна
 Лашков Александр Петрович
 Ларионов Иван Петрович
 Ларионов Иван Ильич
 Лапин Борис Ильич
 Летягин Афанасий Васильевич
 Лимонова Евдокия Дмитриевна
 Лисовская Ольга Васильевна
 Литов Борис Иванович
 Литова Лидия Алексеевна
 Логуненок Борис Акимович
 Ломакин Александр Иванович
 Лосева Надежда Павловна
 Луценко Александра Антоновна
 Лыткин Василий Глебович
 Лыткина Тамара Алексеевна
 Львова Зоя Николаевна
 Лядов Василий Васильевич
 Лялякин Павел Николаевич
 Мазепова Ефросинья Семеновна
 Макарова Любовь Григорьевна
 Малашенко Василий Егорович
 Малкова Людмила Даниловна
 Манохин Иван Семенович
 Манушин Алексей Иванович
 Манчук Михаил Степанович
 Маричев Егор Семенович
 Мартынов Дмитрий Кузьмич

Маслова Тамара Гавриловна
 Матвеев Анатолий Иванович
 Маскаев Евгений Сергеевич
 Матва Иван Михайлович
 Матусевич Владимир Николаевич
 Махнев Аркадий Иванович
 Медведев Иван Михайлович
 Мельников Анатолий Илларионович
 Мельниченко Яков Яковлевич
 Минакова Татьяна Антоновна
 Михайлов Александр Семенович
 Михайлова Анна Ивановна
 Михайлюк Клавдия Васильевна
 Мищенко Иван Савельевич
 Молунов Григорий Андреевич
 Морозова Вера Александровна
 Мутовкина Екатерина Викентьевна
 Мухина Антонина Васильевна
 Невешкин Юрий Степанович
 Невмержицкий Николай Александрович
 Некрасов Василий Пахомович
 Никитина Валентина Владимировна
 Николаева Надежда Григорьевна
 Никулина Антонина Ивановна
 Новиков Иван Дмитриевич
 Новиков Евгений Кирсантьевич
 Новикова Анна Денисовна
 Носов Владимир Афанасьевич
 Овчинникова Тамара Дмитриевна
 Огонек Алексей Алексеевич
 Одинокое Александр Иванович
 Ознобишина Мария Семеновна
 Осокин Юрий Иванович
 Павлихин Иван Васильевич
 Павлова Татьяна Ивановна
 Павлючкова Февронья Семеновна
 Палатова Антонина Андреевна
 Панкратов Федор Андреевич
 Пастухова Мария Борисовна
 Пашенко Евгения Павловна
 Перевозчиков Николай Федорович
 Перепедченко Мария Михайловна
 Петракова Пелагея Петровна
 Петров Анатолий Иванович
 Петрова Зоя Васильевна
 Пиджаков Василий Романович

Писянков Василий Петрович
 Плисов Александр Осипович
 Пожарицкий Василий Маркович
 Пожидаева Клавдия Степановна
 Покровский Юрий Григорьевич
 Пономарев Сергей Федорович
 Попекова Мария Антоновна
 Попов Владимир Борисович
 Попов Илларион Анисимович
 Потапова Дарья Никифоровна
 Потеенко Сергей Андреевич
 Прокофьева Ольга Ивановна
 Пронина Александра Ивановна
 Прощенков Григорий Иванович
 Пряников Анатолий Иванович
 Пургин Георгий Алексеевич
 Пуськов Аркадий Андреевич
 Пушкина Ромуальда Ивановна
 Пушлинкова Надежда Трофимовна
 Пятаков Николай Иванович
 Ракштылис Альфонсас Матвеевич
 Ратманова Зоя Федоровна
 Рогачев Владимир Васильевич
 Родионова Александра Васильевна
 Романова Мария Андреевна
 Романченко Иван Михайлович
 Рудь Иван Парфентьевич
 Ружков Александр Сидорович
 Ружников Георгий Александрович
 Рябышкин Валентин Федорович
 Савченко Надежда Федоровна
 Савченкова Мария Леонтьевна
 Самозвон Екатерина Никитична
 Самонов Иван Степанович
 Сафонов Григорий Иванович
 Сахаров Евгений Михайлович
 Сараев Серафим Федорович
 Салихов Зия Салихович
 Сатин Иван Павлович
 Сверкунов Николай Андрианович
 Свиридов Степан Алексеевич
 Себина Антонина Ивановна
 Селезнев Иван Захарович
 Селиверстова Мария Прохоровна
 Семенова Августа Петровна
 Сизова Нина Филипповна

Симонян Тигран Карамович
 Синицина Вера Дмитриевна
 Синицкая Антонина Ивановна
 Сиротина Александра Ильинична
 Сироткина Мария Устиновна
 Ситников Сергей Петрович
 Слепцов Виктор Яковлевич
 Смирнов Григорий Иванович
 Смирнова Анна Борисовна
 Смирнова Зинаида Антоновна
 Соболева Раиса Савельевна
 Соловьев Николай Петрович
 Столяров Николай Максимович
 Стадников Иван Иванович
 Степаненко Анна Сергеевна
 Стехов Михаил Петрович
 Строкова Надежда Александровна
 Субботин Василий Демьянович
 Суркова Екатерина Митрофановна
 Сучков Николай Васильевич
 Сушкова Нина Андреевна
 Сыромятников Василий Карпович
 Тарасов Иван Павлович
 Тарасов Петр Михайлович
 Тарасевич Петр Иванович
 Тайков Михаил Сергеевич
 Терентьева Галина Федоровна
 Терещенко Илья Терентьевич
 Терпугов Виктор Алексеевич
 Тимонина Елена Афанасьевна
 Тимохова Фаина Михайловна
 Тимофеев Николай Андреевич
 Тимофеева Екатерина Александровна
 Тимошенко Михаил Иванович
 Тишкевич Иосиф Николаевич
 Тихов Николай Иванович
 Трусова Анна Павловна
 Трынчикова Анна Елисеевна
 Удалищев Алексей Павлович
 Усапова Ольга Ильинична
 Утиралов Алексей Федорович
 Ушкалова Клавдия Ивановна
 Федоренко Григорий Лаврентьевич
 Федоров Михаил Тимофеевич
 Федосеев Александр Васильевич
 Фесенко Василий Васильевич

Филимонов Аркадий Александрович
 Филипенков Виктор Филимонович
 Фирсов Николай Михайлович
 Филипковский Александр Григорьевич
 Филиппов Иван Гаврилович
 Филиппова Любовь Алексеевна
 Фильшин Марат Александрович
 Фокина Екатерина Маркеловна
 Хворост Мария Григорьевна
 Хижняков Михаил Иванович
 Хляпов Алексей Дмитриевич
 Хриченко Александр Иванович
 Чаркин Иван Петрович
 Чебышева Анна Борисовна
 Чернышов Николай Сергеевич
 Чертилин Иван Леонтьевич
 Чинчик Владимир Иванович

Шапиро Софья Петровна
 Шарапова Екатерина Афанасьевна
 Шахов Николай Никанорович
 Шацкая Надежда Давыдовна
 Шевчук Максим Прокофьевич
 Шелест Валентин Мартынович
 Шемякин Сергей Павлович
 Шилкин Николай Ефимович
 Шилов Александр Ильич
 Шилов Павел Петрович
 Шиловский Илья Степанович
 Шпаков Иван Федорович
 Штаханов Николай Кириллович
 Шубенок Мария Михайловна
 Шукуров Гафур
 Щипачева Александра Семеновна
 Юзвик Борис Доминикович

ВЕРСТЫ ВРЕМЕНИ

История и краеведение:
очерки, заметки

«В ночь на понедельник...» – так называлась статья И.В. Ерофеева, представлявшая собой сокращенный вариант большого материала, который посвящен драматическим событиям штурма Инстербурга, и опубликованная в журнале «Мой город Черняховск» (2004, №9). Учитывая все больший интерес черняховцев к истории края, в первую очередь студентов и школьников, изучающих краеведение как самостоятельный предмет учебной программы, мы печатаем полную версию статьи о взятии советскими войсками города, в котором живем, с которым так или иначе связана судьба каждого из нас. Автор в своей работе опирается на ряд вышедших в разные годы военно-исторических исследований, мемуары и документы, публикации в местной прессе, сведения, почерпнутые в личных беседах с ветеранами, сопоставляет данные в разном изложении факты, выстраивает общую хронологическую канву событий той поры, говорит о цене и значимости этой победы наших войск.

Игорь ЕРОФЕЕВ

ВЗЯТИЕ ИНСТЕРБУРГА

В октябре 1944 года командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И.Д. Черняховский получил приказ Ставки Верховного Главнокомандования провести наступательную операцию силами трех общевойсковых армий (5-й, 28-й и 11-й гвардейской) во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом с целью разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника. Главный удар должен был наноситься смежными флангами 5-й и 11-й гвардейской армий (всего 18 дивизий) по сильно укрепленным пунктам в глубине обороны противника с дальнейшей задачей – овладением рубежом Инстербург – Даркемен – Гольдап не позже чем через 8-10 дней с начала наступления.

13 октября из Ставки поступил новый приказ: нанести главный удар из района Вилкавишкиса на Инстербург и выйти на рубеж Гумбиннен – Гольдап. Этот удар отвлекал бы силы восточнопрусской группировки противника и способствовал бы, в случае успешного осуществления, наступлению Прибалтийских фронтов в Курляндии (Курземе, часть территории Латвии).

Наступление главных сил фронта в направлении на Гумбиннен началось 16 октября. Главная цель наступления – перенос боевых действий на вражескую территорию. В полосе фронта находились три укрепленных района – Хейльсбергский, Лётценский и Ильменхорстский. В первый день войска с тяжелыми боями продвинулись на 11 километров. Был взят укрепленный опорный пункт Науместис. Развернулись бои за пограничный восточнопрусский город Ширвиндт, который был взят 17 октября войсками 5-й армии при содействии 39-й армии.

18 октября войска 11-й гвардейской армии после артподготовки, накрывшей оборону противника до 10 километров в глубину, перешли государственную границу СССР. Первыми пересекли границу у пограничных столбов №127, 128 и 130 танкисты 1-го и 3-го танковых батальонов 213-й Оршанской Краснознаменной ордена Кутузова танковой бригады. В этот же день войска 5-й армии при содействии 83-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии овладели вторым немецким городом – Эйдткуненом. Вместе со 2-м гвардейским танковым корпусом А.С. Бурдейного 11-я гвардейская дивизия развивала прорыв в обход Шталлупёнена и Гумбиннена с юга. 31-я гвардейская стрелковая дивизия выдвинулась к реке Анграпп.

Беженцы Восточной Пруссии. 1944 год.

Успешно начатое наступление и прорыв второй линии вражеской обороны вынудили германское командование срочно перебросить в Восточную Пруссию танковые дивизии «Герман Геринг» и «Великая Германия». В результате войска главной группировки 3-го Белорусского фронта были скованы контратаками, в которых участвовало до 500 немецких танков.

23 октября войска 3-го Белорусского фронта вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 км в глубину и 140 км по фронту. 31-я армия овладела городами Филипув и Сувалки (Польша). 25 октября после взятия Шталлупёнена войсками 3-го гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии генерал-лейтенанта А.А. Лучинского начался общий спад наступления главных сил 3-го Белорусского фронта.

27 октября И.Д. Черняховский, с разрешения Ставки, отдал приказ о переходе к обороне на достигнутом рубеже: Судар-

ги – Шилленен – Пилькаллен – Вальтеркемен – Гольдап – Филипув – Августов. Первый этап Инстербургской наступательной операции завершился весьма скромными успехами, которые обошлись войскам фронта многими человеческими жизнями. Требовалась перегруппировка сил, подготовка пополнения к боевым действиям. Предстояло передислоцировать около полумиллиона солдат и офицеров со всей боевой техникой. Во втором эшелоне стали активно вестись учебные занятия, отрабатывались задачи по боевой подготовке.

Второе наступление войск 3-го Белорусского фронта в направлении Кёнигсберга началось 13 января 1945 года двухчасовой артподготовкой. В ударную группировку фронта входили 5-я, 28-я и 39-я армии, 2-я и 3-я гвардейские артиллерийские дивизии прорыва резерва Верховного Главнокомандования и 4-я гвардейская пушечная артиллерий-

ская дивизия. Несмотря на упорное сопротивление противника, его оборона была прорвана, но не взломана в глубину. Наступление вновь пошло на спад. Противник маневрировал своими резервами, отправляя их на самые опасные участки фронта. И все же войска ударной группировки фронта прорвали оборону противника и, проникнув на глубину до 15 км, подошли к гумбинненскому рубежу. 15 января войска 39-й армии овладели городом Пилькалленом.

Используя брешь, И.Д. Черняховский ввел в сражение в полосе 5-й армии генерал-полковника Н.И. Крылова 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус (229 танков и самоходно-артиллерийских установок) под командованием генерал-лейтенанта А.С. Бурдейного.

Перед 11-й гвардейской армией генерал-полковника К.Н. Галицкого была поставлена задача: выдвинуться севернее намеченного ранее района, чтобы отрезать пути отхода тильзитской группировке на

запад, а затем, развернувшись на рубеже реки Инстер, нанести удар по флангу инстербургской группировки противника в главном направлении – на Инстербург. 1-й гвардейский танковый корпус направлялся с отдельными частями 11-й армии в обход Инстербурга для совместного удара с запада.

На правом крыле фронта наступил решительный перелом. Особенно упорные бои развернулись в полосе наступления 5-й и 28-й армий. 1-й Краснознаменный танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова форсировал Инстер севернее Краупишкена и, продвинувшись на 25 км, закрепился на западном берегу реки. 18 января танки пересекли железнодорожную линию Инстербург – Тильзит в районе Жиллена и Грюнхайде. В результате маневра тильзитская группировка была отрезана от инстербургской. Используя успех танкового корпуса, войска 39-й армии прошли за день до 20 км, и к исходу дня ее передовые части

Жители покидают приграничные восточнопруссские города. 1944 год.

вышли на реку Инстер, отбросив на западный берег 1-ю и 69-ю пехотные дивизии противника. Всего за шесть дней боев двумя фронтами были прорваны Млавский и частично Ильменхорстский укрепрайоны, разгромлены три немецких дивизии, захвачено около 500 населенных пунктов. После налета эскадрильи старшего лейтенанта Н.П. Мирошниченко, воевавшей в составе 34-го гвардейского бомбардировочного авиаполка 276-й бомбардировочной авиадивизии 1-й воздушной армии, железнодорожный узел Инстербург был фактически на несколько дней выведен из строя. В воздушном бою над Инстербургом эскадрилей 976-го истребительного авиаполка 259-й истребительной авиадивизии 3-й воздушной армии (командир эскадрильи – майор Д.В. Гудков) было сбито сразу 9 вражеских машин. Эскадрилья Гудкова получила благодарность от командования 3-го Белорусского фронта.

19 января советские войска перешли границы округа Инстербург. Ночью командир 18-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г.И. Карижский получил приказ: «К 20.00 сосредоточиться в районе Мекшен – Грюнталь и быть готовыми к наступлению в первом эшелоне». Полки соединения сосредоточились на восточном берегу реки Инстер в лесу. Разведгруппы сразу выдвинулись вперед к реке, покрытой льдом. Противник вел артобстрел из крупнокалиберных орудий. Во время обстрела на командном пункте осколком был убит командир 58-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник С.Г. Белов. Командование полком принял на себя заместитель командира полка по политчасти подполковник А.А. Григорьев.

Менее чем за сутки саперы построили на реке Инстер мост длиной 24 метра под нагрузку 70 тонн на двойных свайных опорах. К 23 часам полк преодолел реку.

Завязался бой с подразделениями 1-й Восточно-Прусской дивизии. Во время этого боя отличился гвардеец Алексей Петрасенко, парторг 8-й стрелковой роты. Ворвавшись в траншею противника, он уничтожил десять и пленил восемь фашистов. К шести часам утра первые оборонительные рубежи на подступах к городу – населенные пункты Ереллен и Гудашен были взяты. На рубеже Грюнхайде – Плядден (Бадупёнен) – Вашенингкен немцы, подтянув штурмовые орудия, перешли в контратаку, которую безуспешно повторили еще несколько раз. Атаки противника продолжались до самого вечера.

Глубокое вклинивание в оборону противника к исходу дня 20 января, достигнутое 26-й дивизией на правом фланге армии, показало, что 8-й корпус успешно выполнил поставленную задачу, выдвинувшись вперед на 12-15 км. Успех 26-й дивизии определял дальнейший ход армейской операции. Фактически были созданы все условия для осуществления быстрого и полного раскола тильзитско-инстербургской группировки противника. Дальнейшее уничтожение ее по частям могло ускорить выполнение всей фронтовой операции. Следовательно, надо было продолжать сосредоточение главных сил на правом фланге 11-й армии, чтобы быстрее захватить Велау. Но тогда в тылу оставался бы Инстербург, который необходимо было брать. Вставал вопрос: когда? Если сосредоточить основные силы у Инстербурга и взять город, то будет упущен выгодный момент для развития наступления на правом фланге, на Велау. Если блокировать город, то противник сможет нанести серьезный контрудар с юга во фланг 11-й армии и затем ворваться в тылы советских войск.

На Военном совете 11-й армии было принято решение: главными силами, 8-м и 16-м гвардейскими корпусами, продолжать наступление на правом фланге и

развивать успех в направлении на Велау; одновременно левофланговым 36-м гвардейским корпусом (двумя дивизиями) во взаимодействии с соединениями 5-й армии овладеть Инстербургом.

В ночь на 20 января 1945 года части 43-й армии форсировали Неман по льду и совместно с войсками 39-й армии под командованием И.И. Людникова штурмом овладели Тильзитом. Введенный в прорыв 1-й танковый корпус овладел городом Гросс Скайсгиррен. 11-я гвардейская армия, вошедшая в прорыв, преодолела на всем фронте своего наступления первую оборонительную полосу, а на правом фланге и вторую.

Вот хроника дальнейших событий.

20 января, 9 часов 30 минут. Началась массированная воздушная бомбардировка Инстербурга зажигательными и фугасными бомбами. Большим разрушениям подверглись Гинденбургштрассе (ныне ул.Ленина), Луизенштрассе (ныне ул.Тельмана), Вильгельмштрассе (ныне ул.Пионерская), Зирштрассе (ныне ул.Калининградская), Маркграфенплац (территория между совр. ул. Пионерской и Суворова, где располагается Свято-Михайловский собор), Альтер Маркт (ныне пл.Ленина) и район у Каралененского шлюза.

Соединения 11-й гвардейской армии, в течение дня продвинувшись вперед на 15-25 км, вышли на рубеж Ауловёнен – Гросс Францдорф – Зесселякен, создав серьезную угрозу инстербургско-гумбиненской группировке с севера.

Правофланговый 8-й гвардейский стрелковый корпус 11-й гвардейской армии и 1-й Краснознаменный танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта В.В. Буткова обошли инстербургскую группировку с запада, а 16-й и 36-й гвардейские корпуса во взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом вышли на подступы к Инстер-

бургу с севера. Войска 5-й армии охватили Инстербург с востока. 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта А.А. Лучинского при поддержке артиллерии в результате тяжелых кровопролитных боев захватила Гумбиннен.

21 января, 0 часов 40 минут. Командующий 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховский поставил штабу 11-й гвардейской армии задачу: с утра 21 января продолжать стремительное наступление и во взаимодействии с 5-й, 28-й армиями и 1-м Краснознаменным танковым корпусом ударом частью сил с севера и северо-запада овладеть Инстербургом, главными же силами выйти на фронт Ной Ширау – Вирбельн – Штеркенингкен. Прорыв обороны противника на участке Гросс Шункерн – Георгенбург возлагался на 36-й гвардейский стрелковый корпус, наступавший в направлении Нойнишкен – Инстербург.

Согласно приказу, 8-й и 16-й гвардейские стрелковые корпуса продолжили наступление на правом фланге, стремясь с ходу прорвать главную полосу Ильменхорстского укрепленного района и развить успех на Велау, обходя с севера и запада инстербургскую группировку. 36-й гвардейский стрелковый корпус, в свою очередь, вел на левом фланге 11-й гвардейской армии упорные бои на инстербургском направлении.

Инстербург – важный узел железных и шоссейных дорог. Уже задолго до войны город был превращен в опорный пункт обороны. Немцы еще более усилили его укрепления после вступления наших войск в Восточную Пруссию в октябре 1944 года. С севера его прикрывали мощные оборонительные сооружения, а также реки Инстер и танконедоступная с крутым восточным берегом Анграпп. Ожидая штурма города, немецко-фашистское командование усилило группировку своих войск на подступах к нему. Согласно показаниям допрашиваемых пленных,

против 36-го корпуса были брошены части 56-й, 69-й, 1-й пехотных и 5-й танковой дивизий. Из состава 4-й армии сюда прибыл 505-й батальон танков «тигр». В районе Инстербурга находился аэродром оперативного резерва 6-го воздушного флота немцев, обнаруженный с воздуха летчиком 11-го отдельного разведывательного авиаполка 3-й воздушной армии старшим лейтенантом С.И. Мосиенко.

Накануне штурма у погибшего немецкого полковника, офицера штаба 26-го армейского корпуса, располагавшегося в Хорстенау, была найдена карта с обозначением частей и оборонительных рубежей, отображавшая оперативную обстановку на фронте в районе Инстербурга¹. После ее изучения выяснилось, что непосредственно в Инстербурге войск было гораздо меньше, чем предполагалось, – не больше двух полков пехоты, 15-20 танков, двух-трех дивизионов артиллерии и четырех-пяти минометных батарей².

Стало ясно, что штурмовать город следовало немедленно, пока его гарнизон не был усилен другими воинскими подразделениями. Инстербург служил источником постоянной угрозы неожиданных контрударов. Кроме того, 36-й стрелковый корпус мог быть вовлечен в затяжные бои, что исключило бы переброску его в короткие сроки на главное направление, предусмотренное общим планом операции. Инстербургский гарнизон сковывал и войска 5-й армии. Задача осложнялась тем, что город был защищен с севера не только прочными оборонительными сооружениями – дотами, стальными ежами, минными полями, – но и еще двумя реками. Взорванная плотина затопила поймы рек Анграпп и Инстер. Наступавшие справа и слева подразделения отстали.

В ночь на 21 января неожиданно потеплело, пошел дождь. За несколько часов растаял снег и раскисла почва.

Обучение фолькенштурмовцев военному делу.

Вокзал Инстербурга. 22 января 1945г. Фото П.А. Локтионова.

А днем дождь вновь сменился снегом, температура понизилась.

В течение дня войска обеих дивизий продвинулись всего на 8-10 километров. При этом каждые 2-3 километра приходилось останавливаться, проводить перегруппировку и начинать наступление после артподготовки. Весь день противник подводил из Инстербурга свежие охранные батальоны и другие подразделения, поддерживаемые танками и штурмовыми орудиями. Несмотря на сложные погодные условия, корпус разгромил более десяти опорных пунктов и к 20 часам вышел на ближайшие подступы к Инстербургу. До города оставалось около шести километров. Здесь проходила последняя полоса обороны с полевыми и долговременными инженерными оборонительными сооружениями.

21 января, 20 часов 30 минут. Командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник К.Н. Галицкий вместе с членом Военного совета армии генерал-майором танковых войск П.Н. Куликовым

и оперативной группой штаба прибыл в 36-й гвардейский корпус, чтобы на месте проверить подготовку войск к штурму.

Командир корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант П.К. Кошевой доложил свой план штурма Инстербурга. Он намечал нанести главный удар, с севера вдоль шоссе Тильзит – Инстербург, войсками 18-й дивизии, усиленной 75-м тяжелым танковым и шестью артиллерийскими и минометными полками, а вспомогательный, на юго-запад через Гильшкен (Гиллишкен) – Шприндт, – войсками 16-й дивизии, усиленной 350-м самоходно-артиллерийским, двумя артиллерийскими и минометными полками, пушечной артиллерийской бригадой, двумя дивизионами гвардейских минометов³. П.К. Кошевой просил командующего в случае необходимости подчинить ему 84-ю дивизию для наращивания главного удара в направлении Гросс Шункерн – Штеркенингкен и обхода города с запада. Согласно оперативному плану, Инстербург должен быть взят к 6 часам утра 22 января.

Затем начальник политотдела корпуса полковник Н.В. Кутин доложил о проделанной работе по подготовке воинов к трудному штурму. На партийных и комсомольских собраниях обсуждались задачи предстоящего штурма. Главное внимание в повседневной партполитработе уделялось практике уличных боев и авангардной роли в них коммунистов⁴.

После решения всех вопросов по организации боя командующий вместе с П.К. Кошевым выехал в 18-ю гвардейскую дивизию, чтобы на месте разобраться в обстановке на главном направлении и, если потребуется, помочь спланировать военные действия командиру дивизии генерал-майору Г.И. Карижскому: ему предстояло вести ночной бой на подступах к Инстербургу и в самом городе. До начала боя П.К. Кошевой находился в расположении 18-й дивизии, прорабатывая с командирами подразделений детали предстоящей операции.

21 января, 22 часа 00 минут. После 20-минутной артиллерийской подготовки орудиями, «катюшами» и минометами началось наступление на Инстербург. 18-я дивизия наносила главный удар двумя (51-м и 53-м) стрелковыми полками, усиленными танками 75-го танкового полка, вдоль шоссе, стремясь овладеть переправами через Инстер в районе Георгенбурга и ворваться в город с севера. Третий (58-й) полк должен был, наступая из района Падройена через лес Штаатс Форст Падройн, переправиться через Прегель в районе Неттинена и ворваться в город с запада и северо-запада.

16-я дивизия, имея в первом эшелоне полки 43-й и 49-й, наступала в общем направлении на Шприндт; левофланговый 49-й полк был усилен 350-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полком. Находившемуся во втором эшелоне 46-му полку предстояло после форсирования Инстера ударом с севера, пере-

правившись через Ангерапп, прорвать внешний укрепленный рубеж обороны и войти в город.

Немецко-фашистские войска оказывали упорное огневое сопротивление. Первая атака обеих дивизий при поддержке 23-й гвардейской самоходной артиллерийской дивизии около полуночи была отбита. Наша артиллерия не подавила огневые точки, расположенные в каменных зданиях. Повторная атака через 45 минут также не дала существенных результатов. Немцы снова встретили наступающие части сильным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем и яростными контратаками. Особенно сильное сопротивление враг оказал в районе Пагелинена и Жилийтшена.

Резкие порывы ветра и мокрый снег затрудняли продвижение наших подразделений: шинели и обувь бойцов промокли, было нелегко продвигаться по обледеневшему снегу. Зима выдалась снежной (глубина снежного покрова на окраине города доходила до 40 сантиметров), с температурой до 15 градусов ниже нуля.

Лишь на фронте 18-й дивизии добился успеха 58-й полк (командир – подполковник В.Г. Кривич, в будущем руководитель крупного колхоза, Герой Социалистического Труда), который, развернувшись двумя батальонами севернее Падройена, решительным ударом выбил противника из этого опорного пункта и почти полностью уничтожил его гарнизон. После ожесточенного боя была захвачена и железнодорожная станция Грюнхайде. На снегу остались более сотни вражеских солдат и офицеров. У деревни Бадупёнен (Плядден, в двух километрах западнее Грюнхайде) отличились разведчики под командованием гвардии старшины П.К. Кобозева (97-й гвардейский стрелковый полк), посеявшие панику в тылу немцев. Позже за этот рейд старшина был награжден орденом Славы 1-й степени.

21 января, 23 часа 00 минут. Батальон гвардии майора Н.М. Абатурова 53-го гвардейского полка, с танками и самоходными установками, атаковал населенный пункт Пагелинен и разгромил гарнизон. Развивая наступление, подразделения полка вышли на южную опушку леса западнее Георгенбурга. Тем самым они глубоко обошли левый фланг немецкой группировки, оборонявшейся на участке наступления главных сил корпуса, и создали угрозу выхода ей в тыл. Однако, вместо ожидаемого отступления к югу, противник произвел перегруппировку сил и, подтянув в район Россталя (стык дивизий 36-го корпуса) до двух батальонов пехоты с танками, продолжал настойчиво сдерживать наступление наших дивизий, а на отдельных участках даже предпринимал контратаки.

Более того, усилив двумя ротами пехоты и танками отходившие подразделения 69-й пехотной дивизии в районе Виллиамсфельде, фашисты попытались отбросить 58-й полк в северном направлении. До 24 часов полк отразил четыре атаки пехоты и танков.

Столь же яростно сопротивлялись немцы в это время и в полосе наступления главных сил корпуса. Наши дивизии продвигались очень медленно. С НП корпуса было отчетливо видно, как горели немецкие и наши танки, как взрывались в небе сотни ракет, как трассирующие пули секли темноту. По их траекториям можно было безошибочно определить, где наши и где немцы.

Равномерное распределение артиллерии и танков перед началом наступления давало свои отрицательные результаты. На направлении главного удара 18-я дивизия застопорилась, наступление замедлилось, хотя с начала атаки уже прошло два часа. Но все же события развивались в пользу наших войск. Трудности при взятии такого укрепленного

города были неизбежны. Командир корпуса уверенно управлял ночным боем, проявляя выдержку и рассудительность. В этот сложный момент, проанализировав ситуацию, Петр Кириллович Кошевой принял решение ввести 84-ю дивизию в район действий 58-го стрелкового полка, чтобы использовать успех последнего, обойти Инстербург с запада и этим облегчить выполнение задач 18-й и 16-й дивизиям.

22 января, 0 часов 30 минут. Части 84-й дивизии, развернувшись на участке Хорстенау – Падройен, из-за правого фланга 18-й дивизии перешли в наступление в юго-западном направлении. Очистив от регулярных частей и инстербургского фольксштурма лес Штаатс Форст Падройн, ее полки решительными атаками овладели опорными пунктами Гросс Шункерн и Цвион. Остатки народного ополчения передислоцировались в Альтхоф. Командир 84-й дивизии генерал-майор И.К. Щербина умело воспользовался этим успехом и смелым маневром отрезал противнику пути отхода на запад севернее реки Прегель. Немцы забеспокоились: они боялись «котлов», в их действиях все сильнее стала наблюдаться нервозность.

Наступающие одновременно 18-я и 16-я дивизии, прорвав оборону противника, ввели в бой передовые подвижные отряды, которые, пользуясь ночной темнотой, стали быстро продвигаться во вражеском тылу в направлении Георгенбурга.

Поначалу Георгенбургом овладеть не удалось. С запада мощный опорный пункт было не обойти: тяжелые танки не могли преодолеть заболоченную низину. Кроме того, на дороге, ведущей в город, гитлеровцы подожгли две машины с боеприпасами, и снаряды непрерывно взрывались, поражая осколками все вокруг. Захват Инстербурга оттягивался. Время работало на противника.

Советские танки на улицах Инстербурга 22 января 1945 года. Фото П.А. Локтионова.

В этой ситуации генерал П.К. Кошевой приказал командиру 53-го стрелкового полка вести огневой бой, отвлекая на себя основные силы врага, а 51-му и 58-му полкам нанести удар с северо-запада, продвигаясь вдоль берега реки Инстер.

22 января, 1 час 00 минут. Успешно действует передовой отряд 18-й дивизии, и в первую очередь батальон гвардии майора Н.М. Абатурова. Выйдя к северной окраине Георгенбурга, вместе с другими частями 18-й дивизии он с ходу овладел этим населенным пунктом, затем ворвался на мост через реку Инстер, уже подготовленный к взрыву, и, уничтожив охрану, захватил его.

В разминировании моста отличились бойцы саперного взвода лейтенанта Шапошникова. Часовых бесшумно снять не удалось, поэтому завязался короткий бой. Под прикрытием батальона саперы – старший сержант Осипов и командир

отделения Ганишев – быстро разгадали систему минирования и ликвидировали подрыв, перерезав 14 контактных проводов. Бойцы Аристов и Родин нашли и удалили проводку, обезвредив шесть фугасных мин. Всего было снято около трехсот килограммов взрывчатки.

При взятии Георгенбурга враг потерял 6 танков, 8 самоходных орудий и более 200 человек живой силы. В плен попали 1250 солдат и офицеров. Захвачен продовольственный склад.

Первым проскочил мост танковый экипаж гвардии капитана Федорова, уничтоживший при этом два орудия и более десяти гитлеровцев. Вскоре танк был подбит. Тогда танкисты из пулемета начали расстреливать вражеских солдат, помогая наступать своей пехоте⁵.

Не менее успешно вел бой и передовой отряд 16-й дивизии. Овладев опорным пунктом Гильшкен (Гиллишкен), он

настиг неприятельскую колонну общей численностью до батальона пехоты с тремя танками и, разгромив ее, овладел переправой через Инстер у Шприндта.

После захвата переправ в районе Георгенбурга и Шприндта немецко-фашистские войска начали поспешно отходить на Инстербург, их преследовали главные силы 16-й и 18-й дивизий, переправлявшиеся на южный берег Инстера. 58-й полк к этому времени прорвал укрепления внешнего обвода Инстербурга и вел упорный бой на его северо-западной окраине.

Командир 18-й дивизии генерал-майор Г.И. Карижский, стремясь окончательно сломить сопротивление противника, ввел в бой приданный ему 75-й танковый полк.

22 января, 2 часа 00 минут. Боевые машины 75-го танкового полка с десантом автоматчиков под командованием майора Николая Михайловича Абатурова ворвались на северную окраину города и вышли к мосту через реку Анграпп.

Передовой отряд 16-й дивизии овладел в упорном бою населенным пунктом Шприндт, после чего, прорвавшись к переправам через Анграпп на северо-восточной окраине Инстербурга и с ходу форсировав реку, занял небольшой плацдарм на южном берегу. Сюда была переправлена артиллерия, благодаря чему 43-й и 49-й полки смогли прорвать оборонительный рубеж и выйти к северной окраине Инстербурга.

Таким образом, за четыре часа ночного боя соединения 36-го гвардейского стрелкового корпуса, сломив сопротивление противника на ближних подступах к Инстербургу, завязали бои на его окраинах. В районе инстербургской тюрьмы гвардейцы уничтожили до двух рот противника. Немецко-фашистские войска не выдержали удара советских войск и оказались вынужденными отойти в город.

Гарнизон Инстербурга сопротивлялся упорно. Гитлеровцы заняли все приспособленные к обороне здания на северной окраине и пытались сильным огнем из пулеметов, минометов и артиллерии задержать продвижение наших войск, не дать переправиться через Анграпп. Однако, преодолевая сопротивление, части корпуса продолжали успешно наступать.

В городе на момент штурма находились вражеские части общей численностью до 6,5 тысяч человек (среди них танковый и артиллерийский полки, батальоны фолькштурма, полицейские, пожарные, эвакуационные, санитарные команды и другие подразделения). Буквально каждое здание было подготовлено к обороне, каменные дома превращены в доты с крупнокалиберными пулеметами, легкими и средними орудиями. Сооружены были на улицах и площадях траншеи с многочисленными пулеметами, заминированы мосты и многие здания, установлены на подступах к городу минные поля и проволочные заграждения, подступы хорошо простреляны. Город, оставленный жителями (последний поезд выехал в ночь на 21 января), был лишен электричества и воды, хотя и основательно укреплен фортификационно. А на массивных афишных тумбах были наклеены плакаты с обращением гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха, в котором он уверял, что русским «никогда не воевать в пределах Германии».

Западнее Инстербурга реку преодолел 58-й полк 11-й гвардейской дивизии, оседлал шоссе, ведущее в Кёнигсберг, и позже ворвался на западную окраину города.

В передовых порядках наступающих на город советских частей двигались соединения полковника Гришина. Батальону майора К.М. Васильева 18-й стрелковой дивизии была поставлена задача – с северо-запада скрытно через реку Анграпп

выйти в район городской бойни (ныне мясокомбинат), овладеть ею, нейтрализуя охрану, и сломить сопротивление инстербургского народного ополчения, засевавшего в дубовом бору. Выполнение этой задачи было возложено на заместителя командира батальона по политической части Петра Севастьяновича Лесового. Бои здесь носили особенно ожесточенный характер. В зданиях бойни укрепились большая группировка фашистов. В одном из погребов был устроен дот. Гитлеровцы простреливали местность, не давая приблизиться к мосту. Однако охрана была ликвидирована еще до подхода батальона. Пулеметную точку уничтожил гранатами комсомолец Лихачев. В большое каменное здание первыми ворвались гвардейцы Сафонов и старший сержант Павлов. Дальнейшая боевая задача состояла в том, чтобы без выстрелов перейти по льду реку правее моста, снять охраняющих его часовых и дать возможность нашим танкам по мосту войти в город. Бойцы закрепились на кладбище за кирхой. Операцию по уничтожению охраны у моста осуществил взвод разведчиков и саперов во главе с секретарем партбюро батальона старшим лейтенантом Яковом Петровичем Буденным.

Прикрывая мост через Анграпп, противник засел в четырехэтажном доме, ведя оттуда прицельный пулеметно-автоматный заградительный огонь. Командир батареи 99-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады капитан В.К. Боровик с большим трудом подтянул тяжелые гаубицы к реке и прямой наводкой поэтапно разрушил обороняющийся дом. Уничтожив противника, артиллеристы вместе с пехотой подошли к мосту и переправились на западный берег реки.

22 января, 2 часа 30 минут. Охрана моста без единого выстрела снята, и мост подготовлен к проходу передовых частей

дивизии. Его правая сторона несколько осела, но это не помешало пройти по нему тяжелым танкам. Разминированы были также и подрубленные придорожные липы, подготовленные для завала.

Батальон К.М. Васильева с частью пехоты 53-го полка при поддержке танков 75-го гвардейского тяжелого танкового полка Кудрявцева, прибывшего со стороны пригородного поселка Шприндт, под огнем немецких минометов первым устремился (с дистанцией 30 метров между машинами) по мосту в город на Театрштрассе (ныне ул. Льва Толстого). За ним последовали машины с орудиями 7-й батареи (командир – капитан А.С. Рябов) 213-го гвардейского артиллерийского полка. Миновав мост, танки остановились у крайних домов, прикрытых с запада крутым взгорьем (здесь позже расположился КП 18-й гвардейской армии), и затем с батальоном Абатурова, посаженным на них в качестве десанта, ворвались в центральную часть города. Артиллеристы батареи Рябова попали в это время под сильный обстрел. Развернув орудия, расчеты сумели наладить прицельную стрельбу при поддержке 8-й гвардейской гаубичной артбригады гвардии полковника Д.Е. Старынина. Пехотинцы вышли к лютеранской церкви, на площадь Альтер Маркт, по арочному мосту и разгромили укрепления на площади. К этому времени КП дивизии был перенесен на западную окраину города, где разворачивались главные события сражения. Четко действовала дивизионная связь (начальник связи дивизии – подполковник Моисей Львович Альтман, который в будущем, в соавторстве с журналистом и участником войны Николаем Андриановичем Жмылевым, напишет документальную повесть «Штурм Инстербурга»).

Для охвата города с левого фланга в сторону кёнигсбергского шоссе были

Инстербург после боев. Перекресток Дойчештрассе и Вильгельмштрассе.

выдвинуты батальоны 58-го полка: 2-й, гвардии капитана Андрианова, и 3-й, гвардии старшего лейтенанта Зырянова. Немецкие подразделения, потеряв связь и управление, перед рассветом устремились к западной окраине города и попытались прорваться по шоссе на Кёнигсберг, но были встречены огнем танков, самоходных орудий и крупнокалиберных пулеметов зенитной роты. Последними из граждан, покинувших город, были полицейские из участка на Шпритценштрассе (ныне ул.Водопроводная).

В ходе тяжелого ночного боя воинам 16-й и 18-й гвардейских дивизий все же удалось прорвать оборону противника. Серьезный урон врагу был нанесен в районе аэродрома и Белькештрассе (ныне ул.Чапаева). Враг дрогнул и стал отступать. Ряд подразделений в непредсказу-

емом ночном сражении не участвовал, ожидая рассвета. Вскоре к северной окраине города подтянулись и стрелковые батальоны 21-го гвардейского стрелкового полка подполковника Н.М. Прикладышева и 51-го гвардейского стрелкового полка подполковника С.Е. Павлова.

О первых результатах ночного боя генерал-полковник К.Н. Галицкий доложил по ВЧ командующему 3-м Белорусским фронтом генералу армии И.Д. Черняховскому, перечислив в донесении координаты всех подразделений корпуса. Командующий высказал опасения по поводу успешности дальнейшего хода событий, поскольку в полосе действий 5-й армии генерал-полковника Н.И. Крылова враг оказывал упорнейшее сопротивление. Правый фланг 5-й армии был на данный момент времени «провален», а для того чтобы овладеть Инстербургом, требовался и удар по немецким позициям с востока.

Пехотные войска повели уличные бои в самом городе. Наступающие увидели следы авиаудара по городу – разбитый автотранспорт, трупы людей и лошадей. Гитлеровцы, действуя мелкими группами, обороняли каждый дом, повсюду были огневые точки. Большая часть танков полка Кудрявцева прорвалась к Нойен Маркт (ныне Театральная площадь), где перед зданием Гезельшафтхауза (ныне гарнизонный Дом офицеров) остановилась на дозаправку и пополнение боекомплекта. Со всех сторон пылали дома. С крыш летела черепица, в небо поднимались огромные столбы дыма, дым стелился клубами и по улицам. Одна из машин взяла под охрану само здание театра, чтобы оно не пострадало от дальнейших разрушений. После получения очередного приказа от командира полка – помочь огнем пехоте в районе вокзала и товарной станции, превратившихся в руины, – для поддержки были выделены

«тридцатьчетверки» лейтенанта Юрия Николаевича Соллогуба, разгромившие гитлеровские оборонительные порядки, выйдя к вокзалу через туннель. Однако численный перевес оставался на стороне фашистов. Оправившись от неожиданной танковой атаки, гитлеровцы засели по дворам, подвалам и чердакам опустевших домов, держа под обстрелом улицы и подступы к площадям. В уличных боях отличился орудийный расчет гвардии старшины Каурова. Метким огнем артиллеристы расчищали путь нашей пехоте. Часть подразделений устремилась к шоссе на Кёнигсберг. Здесь завязалось настоящее сражение. Плотному огню из пулеметов и минометов гитлеровцев наступающие советские войска противопоставили артиллерию и, выдвинув орудия на прямую наводку, уничтожили основные огневые точки.

Несмотря на ночное время, в городе было светло от огня пожарниц. Рушились на мостовые стены пылающих домов. Эвакуировав жителей, гитлеровцы сжигали все, что могло гореть, пытаясь остановить наступательный порыв русских. Сильные бои шли на Вильгельмштрассе, где наши танки попали под огонь гранатометчиков. Особенно жарко было в западной части города, превращенной контратакой артиллерии в груды развалин. Тяжелые бои шли у торгового дома на углу Гинденбургштрассе и Альтер Маркт и близ универсама на перекрестке Эрих-Кох-Штрассе и Хорст-Вессель-Штрассе (ныне ул. Калининградская и Пионерская).

22 января, 4 часа 00 минут. Упорные бои на окраинах города продолжались до 4 часов. При подходе к центру полки обеих дивизий снова встретили упорное сопротивление противника. Бой принял очаговый характер, исход которого зависел от самостоятельных и инициативных действий небольших подразделений и штурмовых групп. Немцы, занимав-

шие чердаки, верхние этажи, подвалы, вели по наступавшим шквальный огонь. 53-й полк 18-й дивизии, наступавший по главной магистрали города (Гинденбургштрассе), был остановлен огнем вражеских танков у перекрестка с Дойчештрассе (ныне ул.Крупской). Тогда гвардии сержант Исмаилов, находившийся в головной штурмовой группе (4-я стрелковая рота), установил в подъезде одного из горящих домов орудие, расчетом которого командовал, и открыл огонь прямой наводкой по танкам. Парторг роты старшина Абрамов уничтожил немецкий пулемет, препятствовавший продвижению штурмовой группы, и увлек роту в атаку. Враг был уничтожен, дома на перекрестке улиц захвачены⁶.

Плотная застройка в центре города (на протяжении кварталов – от перекрестка до перекрестка – отсутствовали промежутки между отдельными домами) осложнила действия наступавших подразделений, что заставило их несколько изменить формы и методы ведения боя. Наряду с атаками зданий со стороны улиц приходилось штурмовать их через окна, двери и проломы в стенах, забрасывая предварительно ручными гранатами – основным оружием уличного боя. Серьезную опасность для наступавших представляло собой и то обстоятельство, что в городе действовало большое число немецких снайперов.

22 января, 5 часов 30 минут. Подавлены основные очаги сопротивления противника. Одновременно город атакован и с южной стороны. Стрелковому батальону под командованием гвардии капитана Николая Николаевича Андрианова (в будущем директор Черняховского авторемонтного завода) была поставлена задача – отрезать пути отхода немцам в юго-восточном направлении. Ночью в пяти километрах восточнее Инстербурга гвардейцы переправились через реку и овладели Аль-

тхофом. В здании, которое ныне занимает авторемзавод, был размещен первый в Инстербурге наблюдательный пункт наших войск. К утру была оседлана шоссе́нная дорога на Кёнигсберг.

На рассвете в город вошла и 16-я гвардейская дивизия. 46-й полк дивизии, форсировав Ангеррап, завязал бои на северо-восточной окраине. Постепенно, очищая квартал за кварталом, части обеих дивизий заняли всю центральную часть города и район Георгенхорст (местность за стадионом, близ железнодорожной линии и моста у пляжа, называемого ныне «Белой стенкой»). Инициативно действовал расчет артиллерийской самоходной установки лейтенанта Харина.

Воины всех артиллерийских бригад, пробираясь по заваленным улицам, ставили орудия и минометы и прямой наводкой уничтожали огневые точки и танки противника. В то же время в восточную часть города ворвались части 215-й (командир – Герой Советского Союза генерал армии Андроник Абрамович Казарян) и 63-й стрелковых дивизий, 954-й легкий самоходный артиллерийский полк 72-го стрелкового корпуса 5-й армии генерал-полковника Н.И. Крылова. Во взаимодействии с ними гвардейцы 36-го корпуса завершали успешные бои за Инстербург.

Тяжелые пулеметы противника преградили путь передовым ротам 346-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии, и орудийный расчет 209-го гвардейского артполка (командир расчета – гвардии старший сержант Ф.И. Игнатъев), подкатив орудие к трехэтажному зданию, где находились фашистские пулеметчики, уничтожил три огневые точки. Гитлеровцы вели огонь и с чердака; пробив в нескольких местах орудийный щит, они тяжело ранили наводчика и заряжающего. Прицельными выстрелами Ф.И. Игнатъев уничтожил врагов на чердаке. Пехотинцы ворвались в здание и доби́ли противника.

Когда части 51-го и 53-го полков вышли на западную и юго-восточную окраины города, с сопротивлением врага было покончено. Отступающие гитлеровцы ринулись по переулкам, чтобы покинуть горящий город, но были встречены и здесь плотным огнем советских гвардейцев. Последний очаг обороны противника в районе железнодорожного вокзала был подавлен к утру.

Генерал-майор Г.И. Карижский радиовал командиру корпуса о том, что Инстербург взят, противник из города выбит, и подписал оперативное донесение, в котором говорилось, что в боях на подступах к городу и в городе разгромлены части 1-й Восточно-Прусской пехотной и 5-й танковой дивизий противника.

22 января, 10 часов 00 минут. На свой командный пункт Г.И. Карижский вызвал командиров полков и батальонов и поблагодарил за самоотверженные действия во время штурма города и успешное выполнение боевой задачи.

В первой половине дня, выйдя на западную и южную окраины Инстербурга, дивизии 36-го гвардейского стрелкового корпуса продолжали уничтожать мелкие группы противника, оставшиеся в городе. Поскольку 72-й корпус 5-й армии не организовал с утра смену частей 36-го корпуса, выбитые из города немецко-фашистские войска сумели перегруппироваться и организовать оборону в 3-4 километрах западнее Инстербурга. Весь день 22 января артиллерия и минометы противника вели непрерывный огонь по нашим частям. От обстрела в городе снова возникли многочисленные пожары. Дальнейшее наступление наших войск на запад, южнее реки Прегель, приостановилось. Сказалось неудовлетворительное взаимодействие на стыке между 11-й гвардейской и 5-й армиями. Командование 11-й гвардейской армии, рассчитывая на то, что Инстербург на-

Инстербург. Разрушенное здание государственной гимназии.

ходится в полосе наступления 5-й армии, не смогло решить вовремя вопрос о дальнейших активных действиях 36-го корпуса. Да и штаб фронта не дал указаний командующим обеих армий о смене 36-го корпуса 72-м и об использовании успеха для дальнейшего развития наступления в районе Инстербурга. Не проявили инициативы в организации смены и преследования вражеских войск и командиры корпусов генералы П.К. Кошевой и А.И. Казарцев. Не исключено, что тут сыграла свою роль общая усталость войск после напряженного ночного боя.

Воспользовавшись пассивностью наших войск, немцы оправились от удара и начали непрерывные контратаки, преимущественно на позиции 18-й дивизии. Усилив свою группировку за счет частей гумбинненского гарнизона, отходивших перед правым флангом 5-й армии, немецко-фашистское командование стремилось улучшить свое положение в этом районе. Наиболее сильная атака врага была пред-

принята во второй половине дня. После мощного артиллерийского налета два-три пехотных полка с 15-20 танками нанесли удар в стык 18-й и 16-й дивизий вдоль железной дороги Тапиау – Инстербург⁷. Численное превосходство позволило немцам потеснить 58-й гвардейский полк 18-й дивизии и 46-й полк 16-й к юго-западной окраине Инстербурга.

Контрнаступление немцев поддерживала и дальняя артиллерия из лесополосы в районе аэродрома. Противник силой до 50 танков и двух батальонов пехоты снова обрушился на Инстербург и неоднократно атаковал боевые порядки дивизии Г.И. Карижского. Удар пехотными частями при поддержке танков наносился с западных высоток. На главном направлении героически сражалась батарея капитана Анатолия Афанасьевича Маркелова, уничтожившая девять немецких танков.

Всю вторую половину дня 22 января артиллерия и минометы противника вели огонь по нашим позициям в городе.

От массированного артобстрела зажигательными бомбами в Инстербурге вновь возникли пожары, многие дома в центре и западной части города были разрушены и горели. На газовом заводе у моста через Анграпп взорвался газгольдер.

22 января, 15 часов 00 минут. Гитлеровцы начали отчаянную контратаку, которая была отбита с большими потерями для врага.

Дальнейшие контратаки противника также отбивались нашими подразделениями. Обе стороны несли немалые потери живой силы. Гвардейцами было уничтожено более двух рот противника. Гитлеровцы, используя огонь бронепоезда, смогли окружить часть наших подразделений.

22 января, 17 часов 00 минут. Для ликвидации прорыва генералом Г.И. Карижским в бой были брошены резервные батальоны 58-го и 46-го полков, самоходный артиллерийский дивизион 18-й дивизии и направлен в тыл противника 53-й гвардейский полк. Эти подразделения, поддержанные сильным артиллерийским огнем, отбросили врага в исходное положение (в район Гайтцунена). В разгаре боя 3-й батальон 51-го гвардейского полка во главе с капитаном Б.Ф. Сафоновым оказался отрезанным от частей 18-й дивизии сильным огнем подошедшего бронепоезда гитлеровцев. Гвардейцы вынуждены были занять круговую оборону. Противник предпринял несколько атак пехотой и танками, которые были отбиты. За этот бой капитан Б.Ф. Сафонов был награжден орденом Александра Невского.

После введения в бой 53-го гвардейского полка, обошедшего фланг немцев вдоль линии железной дороги, гитлеровцы оставили позиции и отступили на запад в район Гайтцунена. Все их попытки отбить город были сорваны, а надежды на то, что из района Велау подоспеют машины танковой дивизии «Великая Гер-

мания», не оправдались. Смелый маневр комдива Г.И. Карижского, который направил 53-й гвардейский полк в тыл фашистам, решил исход штурма Инстербурга.

Город отныне находился под контролем наших частей. Люди, некогда угнанные в Германию на подневольный труд и томившиеся теперь за колючей проволокой на Данцигерштрассе (ныне ул.Пушкина), были освобождены.

Инстербург горел, трещала на крышах черепица, у пожарищ грелись солдаты, подходили и разворачивались госпитали.

22 января, 20 часов 00 минут. Батальоны 18-й дивизии получили приказ двигаться в направлении на Кёнигсберг между железной и шоссеиной дорогами, забитыми беженцами. В районе улицы Зирштрассе последние очаги сопротивления были подавлены. В окрестностях наполовину разрушенного города почти все усадьбы и хутора были сожжены. Часто можно было видеть трупы повешенных своими же соотечественниками немцев с табличкой «Предатель».

Чтобы сократить фронт наступления 11-й гвардейской армии и сосредоточить основные ее усилия на дальнейшем наступлении в западном и юго-западном направлениях, генерал И.Д. Черняховский приказал командующему 5-й армией сменить 36-й гвардейский стрелковый корпус в районе Инстербурга. К утру 23 января смена была произведена. Около суток очень важного для наращивания удара западнее Велау времени было упущено.

Особенность боев за Инстербург состояла в том, что они проходили на стыке двух армий, которым необходимо было осуществлять тесное взаимодействие.

Овладение Инстербургом снимало угрозу возможных контрударов противника по флангу 11-й гвардейской армии при наступлении ее на Кёнигсберг, содействовало войскам 5-й и 28-й армий (центр

фронта) в разгроме гумбинненской группировки немцев. Глубокий охват войсками 36-го гвардейского стрелкового корпуса гумбинненско-инстербургской группировки с фланга и тыла значительно облегчил войскам 5-й армии выполнение задачи. В специальной листовке, выпущенной Военным советом и политотделом 11-й армии по поводу взятия Инстербурга, давалась высокая оценка боевым действиям частей 36-го гвардейского стрелкового корпуса, войска призывались к дальнейшему наступлению на Кёнигсберг. Корпус мог бы действовать успешнее, если бы генерал Кошевой на своем правом фланге наступал более мощной группировкой войск. Это дало бы возможность окружить противника с запада и юга, а не «выталкивать» его на широком фронте (9-10 км) от Гросс Шункерна до Шприндта, вследствие чего немцам удалось отвести часть своих войск на запад.

Опыт боев за Инстербург подтвердил правильность и целесообразность применения в уличных боях штурмовых групп, танков и самоходно-артиллерийских установок, а также орудий крупных калибров для стрельбы прямой наводкой. Стремительность и безостановочность ночного штурма во многом способствовали успеху операции: штурмовать днем столь укрепленный город было бы гораздо труднее.

В ходе штурма противник понес значительные потери. Фактически были разгромлены 1-я Восточно-Прусская пехотная и 5-я танковая дивизии гитлеровцев. Уничтожено много единиц техники и боеприпасов, в частности 18 танков, 13 самоходных штурмовых установок, 9 бронетранспортеров, 19 минометов, 33 орудия. В качестве трофеев захвачено 2000 винтовок и автоматов, 233 пулемета, 45 минометов, 47 орудий, 6 самоходок с боеприпасами, 15 продовольственно-фуражных и

вещевых складов, два железнодорожных состава с различными грузами. Погибло 2050 фашистских солдат и офицеров. Только воинами 18-й дивизии взято в плен 260 человек.

Гвардейцы проявляли исключительную храбрость и героизм. Гвардии лейтенант Анатолий Медведев, пробравшись ночью в расположение врага, уничтожил экипаж немецкого танка, а машину привел в расположение батареи. Когда гитлеровцы пошли в атаку, артиллерист из танка подбил две вражеские машины. (В бою за местечко Мульдшен Анатолий Медведев погиб.) Отличились батальоны Н.Н. Андрианова, К.М. Васильева и Б.Ф. Сафонова, орудийный расчет старшины Викторова, отразивший несколько танковых атак противника.

22 января Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным был подписан приказ №240, в котором он благодарил подразделения, участвовавшие во взятии города Инстербурга – важного узла коммуникаций и мощного укрепленного обороны немцев на пути к Кёнигсбергу. В этот же день, в 19 часов, Москва салатовала в честь победы воинов 3-го Белорусского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. 18-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, которая несла основную тяжесть боев за город, в числе других соединений и частей, присвоено почетное наименование Инстербургской. Командир дивизии генерал-майор Г.И. Карижский награжден орденом Ленина. 5 мая 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за овладение городами Инстербург, Кёнигсберг и Пиллау ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» и второго ордена Ленина. Почетного наименования Инстербургских удостоены также 1-й танковый Краснознаменный корпус,

которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск В.В. Бутков, и 130-я истребительно-бомбардировочная авиадивизия полковника Ф.И. Шинкаренко, входившая в состав 1-й воздушной армии Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Т.Т. Хрюкина.

В дни штурма Инстербурга погибло около четырех тысяч советских солдат и офицеров. В братской могиле в Черняховске похоронены 3 тысячи 146 человек.

Штурм и взятие Инстербурга стали важной победой в цепи побед Красной Армии. Операция, талантливо продуманная командирами и храбро проведенная воинами 18-й гвардейской стрелковой дивизии, позволила разгромить серьезную оборонительную группировку про-

тивника, открыв путь нашим войскам на Кёнигсберг и вынудив гитлеровцев отойти из района Мазурских озер.

23 января войска 3-го Белорусского фронта завершили прорыв Ильменхорстского укрепрайона, вышли к реке Дейме, овладев городами Лабиау, Велау и Даркемен, и начали преследование противника по всему фронту. 25 января войска фронта взяли город Тапиау. К исходу дня сопротивление немецко-фашистских войск на укрепленных позициях по рекам Дейма и Алле до Фридланда было сломлено по всей линии наступления 3-го Белорусского фронта. 1-й Краснознаменный танковый корпус, 11-я гвардейская, 5-я, 39-я и 43-я армии севернее и южнее реки Прегель продолжили решительное наступление на Кёнигсберг.

ОНИ ВЕЛИ НА ШТУРМ

От кого зависел успех военных операций? Конечно же, от многих и многих солдат и офицеров, несших на своих плечах тяготы войны и преодолевавших страх смерти сознанием долга. И свою великую меру ответственности за ход военных действий несли те, кто операции планировал, ими руководил, посылая в бой десятки, сотни, тысячи «работников» войны, решая судьбы людей и городов.

Мы хотим рассказать – пусть коротко – о нескольких военачальниках, которые командовали армиями, дивизиями, корпусами, бравшими Инстербург. (Главный источник информации – книга С.В. Дриго «За подвигом – подвиг», выходящая в Калининградском книжном издательстве в 1977 и 1984 годах, а также публикации в областных и районных газетах.)

Кузьма Никитович ГАЛИЦКИЙ, генерал армии, Герой Советского Союза.

В январе 1945 года в звании генерал-полковника командовал 11-й гвардейской армией, части и соединения которой штурмовали Инстербург.

Родился в 1897 году в городе Таганроге Ростовской области. Армейская служба началась в 1918 году, в этом же году вступил в партию большевиков. Участвовал в Гражданской войне, окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. На фронтах Великой Отечественной воевал с первых ее дней, сначала на Западном фронте командовал стрелковой дивизией,

позднее на Калининском – корпусом и армией. Летом 1944 года возглавил 11-ю гвардейскую армию, принимавшую участие в освобождении Белоруссии и Литвы и воевавшую потом в Восточной Пруссии. За боевые заслуги был награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова, Суворова и Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденами Красной Звезды.

В штурме Кёнигсберга 11-я гвардейская армия наносила один из главных ударов. Ее войска успешно прорвали оборону врага в южной части города, форсировали реку Прегель и совместно с войсками, действующими с севера, окружили гарнизон крепости и разгромили его. За успешное руководство боевыми действиями армии, личную отвагу и мужество 19 апреля 1945 года гвардии генерал-полковнику К.Н. Галицкому присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны командовал Особым, Прикарпатским, Одесским и Закавказским военными округами и Северной группой войск. В 1961 году в звании генерала армии ушел в отставку. Жил в Москве.

В 1970 году издательство «Наука» выпустило его книгу «В боях за Восточную Пруссию» – одно из первых крупных исследований и описаний боевых действий в Восточной Пруссии и штурма Кёнигс-

Николай Иванович КРЫЛОВ

берга. Книге были предпосланы слова: «Боевым товарищам и друзьям из 11-й гвардейской армии, отдавшим жизнь в боях за Родину, и всем ее ветеранам, посвящая этот труд».

В 1973 году Кузьма Никитович Галицкий ушел из жизни. В его честь названа одна из улиц Калининграда.

Николай Иванович КРЫЛОВ, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

Командовал 5-й армией, взаимодействовавшей под Инстербургом с частями 11-й гвардейской армии.

Родился в 1903 году в селе Вишневое Тамалинского района Пензенской области. В 1919 году призван на службу рядовым бойцом. Окончил пехотно-пулеметные курсы красных командиров и курсы «Выстрел». Во время Гражданской войны командовал взводом, ротой и батальоном. Член партии с 1927 года. Перед Великой Отечественной занимал должность начальника штаба Дунайского укрепрайона, где и началась для него война с фашистами. Позднее ру-

Петр Кириллович КОШЕВОЙ

ководил оперативным отделом, затем штабом Приморской армии, участвуя в обороне Одессы и Севастополя. Во время Сталинградской битвы возглавлял штаб 62-й армии, сыгравшей одну из ключевых ролей во время сражения за Сталинград.

В июле 1943 года назначен командующим 21-й, а с октября того же года – 5-й армией Западного фронта. Освобождал Смоленщину, Белоруссию и Литву. Славной вехой боевого пути стали сражения на полях Восточной Пруссии. Войска армии участвовали в захвате опорного пункта фашистов – города Инстербурга. В августе-сентябре 1945 года армия генерал-полковника Н.И. Крылова принимала активное участие в разгроме японских войск на Дальнем Востоке.

Награжден четырьмя орденами Ленина и Красного Знамени, орденами Октябрьской революции, Суворова и Кутузова I-й степени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года генералу Н.И. Крылову было присвоено звание Героя Советского Союза за руководство

Григорий Иванович КАРИЖСКИЙ

армией в августовских боях 1944 года, закончившихся выходом советских войск на границу с Восточной Пруссией. Вторично звание Героя Советского Союза генерал Крылов был удостоен 8 сентября 1945 года за успешный прорыв войсками 5-й армии мощной обороны японских войск на Дальнем Востоке.

После войны командовал армией, Дальневосточным военным округом, войсками Уральского, Ленинградского и Московского военных округов. С 1963 года – Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения, заместитель Министра обороны СССР. Умер в 1972 году. Похоронен на Красной площади в Москве.

Петр Кириллович КОШЕВОЙ, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

Командовал 36-м гвардейским стрелковым корпусом 11-й гвардейской армии; успешные действия корпуса в районе Инстербурга и в самом городе способствовали разгрому гумбинненско-инстербургской группировки противника.

Василий Васильевич БУТКОВ

Родился в 1904 году в городе Александрия Кировоградской области. Службу начал в 1920 году рядовым, участвуя в гражданской войне на Украине. В 1925 году вступил в партию. Прошел путь от командира взвода до командира дивизии. Окончил кавалерийскую школу имени С.М. Буденного и Военную академию имени М.В. Фрунзе.

С ноября 1941 года на фронте. В декабре в составе ударного соединения командовал 65-й стрелковой дивизией в звании полковника. Воевал под Тихвином, где противнику было нанесено серьезное поражение. В дни Сталинградской битвы его дивизия вновь отличилась, участвуя в разгроме немецкой группировки, которая спешила на помощь окруженной в Сталинграде 6-й армии.

Воюя в Крыму, командовал стрелковым корпусом, освобождавшим Джанкой, Симферополь, штурмовавшим Сапун-гору. 16 мая 1944 года за умелое руководство войсками, личное мужество во время Крымской военной кампании П.К. Кошевой был удостоен звания Героя Советского Союза.

Позднее, уже будучи генерал-лейтенантом, возглавил 36-й гвардейский стрелковый корпус, который в ходе Восточно-Прусской операции взял ночным штурмом Инстербург, вместе с другими войсками 3-го Белорусского фронта блокировал Кёнигсберг с суши. За личную отвагу и мужество, проявленные во время боев за Кёнигсберг, 19 апреля 1945 года генерал П.К. Кошевой был награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. В числе его наград – пять орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, два ордена Кутузова 2-й степени, орден Октябрьской Революции.

После окончания Высших академических курсов при Академии Генерального штаба П.К. Кошевой занимал ряд ответственных должностей в Вооруженных Силах: командовал войсками Сибирского и Киевского военных округов, был Главнокомандующим группой советских войск в Германии, находился на руководящей работе в Министерстве обороны СССР. Умер в 1976 году.

Григорий Иванович КАРИЖСКИЙ, генерал-майор, Герой Советского Союза.

Командовал 18-й гвардейской стрелковой дивизией 11-й гвардейской армии; именно эта дивизия несла основную тяжесть боев за Инстербург. (После реформирования правопреемницей 18-й гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии стала 79-я гвардейская отдельная Краснознаменная ордена Суворова мотострелковая бригада.)

Родился в 1895 году на хуторе Фитинин Камышинского района Волгоградской области. В Красной Армии с 1918 года. Командовал ротой, батальоном, кавалерийским дивизионом в бригаде Г.И. Котовского. К началу Великой Отечественной служил

на Дальнем Востоке, был командиром воздушно-десантной бригады. На фронте с первых дней войны. С 1943 года на Западном, а позднее на Калининском, 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах возглавлял стрелковые дивизии. В 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию прибыл в первых числах января 1945 года, сменив смертельно раненного генерал-майора Г.П. Исакова. Во время штурма Инстербурга ярко проявились смелость, решительность и полководческий талант Карижского; дивизия совершила почти безостановочный стокилометровый марш-бросок, чтобы с тыла овладеть городом, и по окончании операции получила почетное наименование Инстербургской.

За боевые заслуги награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 3-й степени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1945 года за успешное руководство частями дивизии в боях за Кёнигсберг и Пиллау удостоен звания Героя Советского Союза с вручением второго ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Стал участником памятного парада в Москве.

По окончании войны продолжал службу в армии, после ухода в отставку жил в Киеве. С 1959 года был председателем военно-научного общества при Киевском окружном Доме офицеров. 5 марта 1971 года скоропостижно скончался на отчетно-выборном собрании общества. Решением исполкома Черняховского горсовета от 28 сентября 1979 года одна из новых улиц Черняховска была названа именем генерала Карижского.

Василий Васильевич БУТКОВ, генерал-полковник танковых войск, Герой Советского Союза.

Командовал 1-м танковым корпусом, действия которого сыграли важную роль

в успешном исходе операции по овладению Инстербургом.

Родился в 1900 году в поселке Большая Именная города Нижняя Тура Свердловской области. В армии с 1918 года. Член партии с 1921 года. Окончил Кремлевскую объединенную военную школу имени ВЦИК и Военную академию имени М.В. Фрунзе.

В начале войны воевал на Западном фронте. Возглавлял штаб Главного бронетанкового управления Советской Армии. С сентября 1942 года командовал 1-м танковым корпусом, который под его руководством провел ряд успешных операций – в составе Юго-Западного фронта участвовал в Сталинградской битве, в составе Западного – в сражениях на Курской дуге, в составе Брянского, а затем 2-го Прибалтийского освобож-

дал Белоруссию, позже воевал в Литве и, уже в составе 3-го Белорусского фронта, в Восточной Пруссии. 19 февраля 1945 года 1-му Краснознаменному танковому корпусу присвоено почетное наименование Инстербургского. Корпус генерал-лейтенанта Буткова первым вышел к окраинам Кёнигсберга.

В.В. Бутков награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й и 3-й степени. Звания Героя Советского Союза удостоен 19 апреля 1945 года за успешное командование частями корпуса в боевых действиях в Восточной Пруссии.

После войны В.В. Бутков продолжил службу в армии. В 1961 году ушел в отставку. Умер в 1981 году. Его имя ныне носит лицей №35 г. Калининграда.

Виктор ХАБИБУЛЛИН,
кандидат исторических наук, доцент КГУ

РАТНАЯ СЛАВА ГВАРДЕЙЦЕВ

*Посвящается ветеранам
16-й гвардейской стрелковой дивизии*

В штурме и захвате Инстербурга важную роль сыграла 16-я гвардейская Карачевская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия – прославленное соединение Красной Армии, отличившееся в ряде значительных операций Великой Отечественной войны.

В силу того что в первые дни войны части Красной Армии не сумели остановить вторжение немецко-фашистских войск и их сателлитов, 29 июня 1941 года правительство СССР приняло решение сформировать 15 стрелковых дивизий войск НКВД и возложило организационные обязанности на генерал-лейтенанта И.И. Масленникова¹. Согласно плану, было решено выделить в каждую дивизию по одной тысяче человек рядового и младшего командного состава из войск НКВД и доукомплектовать новые соединения военнослужащими, призванными из запаса.

С 5 июля 1941 года в подмосковном городе Загорске началось формирование 249-й стрелковой дивизии, командиром которой был назначен полковник пограничных войск Г.Ф. Тарасов, начальником штаба – полковник М.С. Елшинов. Уже к 15 июля дивизия насчитывала 10,8 тысяч человек. К 17 июля она была сформирована полностью (в сущности, за исключительно короткий срок); в состав формирования входили три стрелковых полка и один артиллерийский, а также ряд спецподразделений. В этот же день дивизия по железной дороге была переброшена в Калининскую область и заняла позиции в районе Осташков – Селижарово на участке глубиной до ста километров. По решению Ставки Верховного Главнокомандования здесь, на

подступах к Москве, стал создаваться новый рубеж обороны.

Командир дивизии Г.Ф. Тарасов отдал приказ приступить к созданию глубокоэшелонированной обороны, состоявшей из противотанковых рвов, завалов, эскарпов, ежей, пулеметных огневых точек, окопов, минных полей, наблюдательных и командных пунктов. Оборонительная линия сооружалась по берегам озер Селигер, Волго, Сиг и реки Волга. На строительстве оборонительного рубежа, наряду с военнослужащими, работало гражданское население из Осташковского района. Все земляные работы делались вручную, в условиях бомбежки противника.

В конце июля начались бои с наступающими немецкими войсками. 11 сентября гитлеровцы предприняли попытку прорвать оборонительную линию 249-й стрелковой дивизии, но, благодаря беспримерному мужеству советских солдат и офицеров, были отброшены и понесли большие потери.

После разгрома под Москвой немецко-фашистской группировки «Центр» Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу – продолжить наступление, начатое в январе 1942 года. С этой целью в составе Калининского фронта была создана 4-я ударная армия под командованием генерал-полковника А.И. Еременко², в которую вошла и 249-я стрелковая дивизия. Армия долж-

Ветераны 16-й гвардейской дивизии на встрече в Калининграде.

на была развернуть наступление в направлении Торопец – Велиж.

9 января 1942 года в ходе Торопецко-Холмской операции после артиллерийской подготовки войска дивизии перешли в наступление, освободив районный центр Пено, и продвинулись вперед на 25-30 километров.

Первый успех воодушевил воинов дивизии. Они продолжали наступать на запад, повсюду видя следствия так называемого «нового порядка», который пытались установить гитлеровцы, – сожженные населенные пункты, тела замученных советских людей.

Развивая успех, 16 января 249-я стрелковая дивизия освободила город Андреаполь. Отлично действовали в боях за город танки 141-го отдельного танкового батальона под командованием капитана Г.А. Половчени.

К исходу 16 января войска 4-й ударной армии, действовавшие в сложных условиях лесистой и бездорожной местности, по глубокому снегу продвинулись вперед на 60-80 километров. Фронт наступления армии увеличился почти вдвое. 21 янва-

ря тарасовцы заняли Торопец, Западную Двину, затем Старую Торопу и другие населенные пункты.

Дивизия несла потери. В начале февраля 1942 года в соединении, утомленном длительными переходами, осталось около полутора тысяч солдат и офицеров. Необходимо было остановиться, отдохнуть, но Ставка была непреклонна, и бойцы дивизии продолжали наступление, продвигаясь к городу Витебску. 249-я стрелковая дивизия 4-й ударной армии была первым соединением Красной Армии, которое начало вести бои за освобождение Белоруссии. Однако взять Витебск не удалось: части дивизии оторвались от своих соседей, потеряли с ними связь и вынуждены были 6 февраля отойти назад к Велижу и Ржеву под напором противника, получившего подкрепление. В районе Велижа упорные бои продолжались, и враг был остановлен.

15 февраля 1942 года 249-я стрелковая дивизия была преобразована в 16-ю, а с 16 февраля за проявленные ее воинами мужество и героизм получила звание гвардейской, войдя в число элитных под-

разделений Красной Армии, направляемых на самые сложные участки фронта. 44-й артиллерийский, 43-й, 46-й, 49-й стрелковые полки также стали называться гвардейскими.

Бои на фронте продолжались с неослабевающей силой. Все попытки гитлеровцев прорваться к Велижу срывались воинами-гвардейцами. В одном из боев с превосходящими силами противника западнее города погибли 42 бойца, которые, повторив подвиг воинов-панфиловцев, не пропустили врага через свои позиции.

Прорвав глубокоэшелонированную оборону противника под Юхновом, войска дивизии продвинулись на десятки километров в направлении Ельни. 16 марта 1942 года соединение было награждено орденом Ленина. Такой же награды был удостоен и командир дивизии генерал-майор Г.Ф. Тарасов.

С 30 апреля 1942 года по февраль 1943 дивизия в составе 30-й армии сражалась в районе г.Ржева. Длительное время гвардейцы находились в непривычной для них обороне, и только в феврале-марте 1943 года в составе 16-й армии под командованием И.Х. Баграмяна³ вновь прорвали глубокоэшелонированную оборону противника севернее Жиздры.

В наступлении на Ельню участвовали уже в составе 49-й армии, освободив Юхнов, Слободку и Великополье.

16 апреля 1943 года 16-я армия была переименована в 11-ю гвардейскую, в составе которой дивизия воевала до конца войны.

Летом 1943 года 11-я гвардейская армия принимала участие в Карачевской и Брянской боевых операциях в составе Западного фронта и во время наступления находилась на участке прорыва. 16-я гвардейская дивизия нанесла ощутимый удар во фланг орловской группировки противника и 15 августа освободила город Карачев, за что была удостоена

почетного наименования Карачевской. 17 сентября наши войска вступили с боями в Брянск.

13 декабря 16-я стрелковая дивизия была задействована в Городокской боевой операции, а 21 декабря 1943 года к ордену Ленина на ее знамени добавился орден Боевого Красного Знамени.

Летом 1944 года дивизия приняла активное участие в освобождении Белоруссии, народ которой около трех лет томился в фашистской неволе. Возглавивший 3-й Белорусский фронт генерал-полковник И.Д. Черняховский принял решение создать две группировки войск, которые должны были окружить белорусский город Оршу, превращенный немцами в мощный оборонительный узел, и освободить его. Операция началась 23 июня. Части и соединения 11-й гвардейской армии, совместно с войсками 31-й гвардейской, после мощной артиллерийской подготовки прорвали оборону противника и приняли участие в освобождении Орши (27 июня), затем Борисова, Молодечно, Ошмян, Алитуса и других населенных пунктов Белоруссии и Литвы.

Массовый героизм проявили воины 16-й гвардейской дивизии при форсировании реки Неман, на которую они вышли 15 июля. Общий фронт форсирования Немана в районе Алитуса и к югу от него составлял 70 километров. Особенно отличились бойцы артиллерийской батареи, которой командовал Николай Иванович Белов. Согласно приказу, батарее надлежало с ходу форсировать реку и закрепиться на западном берегу. Используя надувные лодки, плоты и подручные средства, артиллеристы с орудиями переплыли полноводный Неман. Все попытки врага сбросить наших солдат в реку были отбиты. Орудия Н.И. Белова расстреляли немецкие танки в упор, после чего противник отступил, позволив основным силам наших наступающих войск занять важный плацдарм.

12 августа 1944 года дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени. Дивизионная газета «На штурм врага» писала об этом:

«На лесной поляне стройными рядами выстроились гвардейские подразделения – краса и гордость Красной Армии. Раздалась команда: «Смирно! Равнение на середину!» Ряды гвардейцев замерли в неподвижности. Член Военного совета обошел строй, здороваясь с бойцами и офицерами. Под новую команду – «Под знамя смирно!» – было вынесено знамя дивизии – святыни соединения, на которое генерал прикрепил рядом с орденом Ленина и Боевого Красного Знамени орден Суворова 2-й степени и поздравил личный состав с высокой наградой Родины. После церемонии состоялся митинг, на котором выступили тов. Проскуряков, Головинский и Зувев. Особенно запомни-

лись слова старшины Ларионова: «Мы как святыню пронесем гвардейское знамя сквозь дым и пламя жестоких боев. Оно будет сиять нам путеводной звездой к счастливому Дню Победы».

Митинг закончился торжественным прохождением подразделений. Мимо трибуны пронесли гвардейское знамя. За знаменосцами прошли пехотинцы героического офицера тов. Коровкина, пулеметчики, автоматчики, саперы, артиллеристы под звуки духового оркестра».

16 октября 1944 года части 3-го Белорусского фронта перешли государственную границу СССР и начали боевые действия в Восточной Пруссии. На начальном этапе операции 16-я гвардейская стрелковая дивизия (командир генерал-майор М.А. Пронин) была отведена во второй эшелон и непосредственно в боях осенью 1944 года участия не принимала. Дивизия составляла резерв армии, она должна была сосредоточиться в полосе наступления 16-го гвардейского стрелкового корпуса западнее Бержины и находиться в состоянии готовности, чтобы, если потребуется, содействовать развитию успеха корпуса и отражать возможные контратаки немецкой пехоты и танков со стороны Виштынецкого озера и населенного пункта Скордупяны.

Прикрывая наступление армии с севера, 1-я и 16-я стрелковые дивизии 16-го стрелкового корпуса 20 октября вступили в бой с танками и мотопехотой из состава 102-й танковой бригады и 1-й парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг», выйдя на рубеж Урбжен – Кубиллелен – Швигзельн. Основной удар немцы нанесли по стыку 43-го и 49-го полков 16-й дивизии. В ожесточенных боях удивительную стойкость и мужество показали отбившие все атаки врага бойцы 3-го батальона 43-го гвардейского полка (командовал батальоном гвардии майор Г.П. Коровкин).

Г.П. Коровкин. Март 1963г.

М.И. Бирюков. Июнь 1943г.

По воспоминаниям ветерана дивизии М.И. Бирюкова (в те годы старшего лейтенанта), оборонительные позиции противника, находившиеся на непрерывной гряде высот, представляли собой очень мощные инженерные сооружения, состоявшие из лабиринтов траншей, окопов, блиндажей, капониров, противотанковых ежей, бетонированных колодцев, бронеколпаков, железобетонных гнезд для пулеметных и оружейных точек. Казалось, не было силы, которая смогла бы преодолеть эти заграждения, но предыдущие победы над ненавистным врагом наполняли сердца бойцов отвагой и одновременно гордостью за свою страну, вселяли веру в грядущую Победу.

Однако, несмотря на страшную мстительную силу советских войск, враг сражался на своей земле не менее стойко. Бойцы 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И.Д. Черняховского буквально прогрызали оборонительные позиции, увязая в затяжных боях и неся большие потери. За месяц

непрерывных боев продвинуться в глубь Восточной Пруссии удалось лишь на два десятка километров. В середине ноября войска фронта перешли к вынужденной обороне. Требовалось пополнить соединения людьми, техникой и боеприпасами, дать возможность воинам отдохнуть перед следующим броском на запад.

13 января 1945 года началась новая военная наступательная операция 3-го Белорусского фронта с целью разгрома группы армий «Центр», дислоцировавшейся в Восточной Пруссии. 11-й гвардейской армии была поставлена задача в ходе первого этапа операции уничтожить противника на рубеже ввода и, используя успех танкового корпуса, начать преследование отходящего врага. В первом эшелоне армия вводила в сражение четыре дивизии: 26-ю, 31-ю, 18-ю и 16-ю. Неблагоприятная погода затрудняла применение авиации, в сложных условиях приходилось действовать артиллерии. Противник же опирался на три оборонительные линии укрепленного района Ильменхорст, центром которого был Инстербург, и оказывал упорное сопротивление. 15 января распорядилось, и авиация смогла действовать более эффективно. В результате шестидневных боев к 18 января оборона противника была прорвана на глубину до 45 километров.

19 января 11-я гвардейская армия получила новый приказ командующего фронтом: к 16 часам 19 января развернуться западнее реки Инстер на участке шоссе Марунен – Краупишкен и немедленно начать стремительное наступление в общем направлении на Грюнхайде – Гросс Бершкаллен, к исходу 20 января овладеть рубежом Ауловёнен – Нойнишкен, в дальнейшем развивать энергичное наступление на Велу. 16-я гвардейская стрелковая дивизия, входившая в состав 36-го гвардейского стрелкового корпуса, выдвинулась вперед, заняв позицию за-

паднее реки Инстер на инстербургском направлении.

За день 21 января 16-я и 18-я гвардейские стрелковые дивизии смогли преодолеть всего 10 километров, при этом каждые 2-3 километра приходилось останавливаться, проводить перегруппировку и начинать наступление после мощной артподготовки.

Взять Инстербург штурмом в ночь на 22 января было приказано 36-му стрелковому корпусу силами двух дивизий. Основной удар должна была нанести 18-я гвардейская дивизия, вспомогательный (на юго-запад через район Гиллишкен – Шприндт) – 16-я (с 43-м и 49-м гвардейскими стрелковыми полками в первом эшелоне, усиленная 350-м самоходно-артиллерийским, двумя артиллерийскими и минометными полками).

В упорном бою воины 16-й дивизии прорвались к переправам через реку Ангеррапп на северо-восточной окраине Инстербурга и с ходу форсировали реку.

Заместитель командира 43-го гвардейского стрелкового полка по строевой части гвардии подполковник Герман Павлович Коровкин об этих днях вспоминал:

«Вечером 21 января 1945 года полк остановился на отдых и бойцы получили возможность поужинать горячей пищей. Недалеко от места расположения полка находился фольварк, в котором оборонялся противник. Командир полка гвардии подполковник А.М. Иванников отдал приказ самоходно-артиллерийским установкам открыть огонь по противнику. В ходе начавшейся перестрелки он получил контузию.»

Примерно около 20 часов вечера начальник штаба дивизии гвардии полковник А.П. Скрынник, узнав о контузии А.М. Иванникова, приказал мне возглавить командование частью. В это время в помещение штаба полка прибыла группа старших офицеров во главе с чле-

ном Военного совета 11-й гвардейской армии генерал-майором танковых войск П.Н. Куликовым. Генерал распорядился передать новому командиру полка 15 единиц САУ-152, на броню которых приказано было посадить пехоту и не позже 23 часов ворваться в Инстербург.

Где-то к 22 часам подвезли боеприпасы для САУ, которые вместе с десантом двинулись на город, до которого оставалось около 15 километров. С первым батальоном на головной машине выехал я, со вторым батальоном – начальник штаба полка Н.И. Соколов, а с третьим – заместитель командира полка по политической гвардии майор Арсентьев.

К 24.00 мы подошли к восточной окраине города, где вели бой другие подразделения армии.

В 2.00 22 января я получил приказ очистить от противника один из городских кварталов. К четырем часам ночи в центре города наступило затишье. С обеих сторон стрельба была прекращена. Только с рассветом уличные бои возобновились. Противник вел шквальный огонь из окон домов, подвалов и чердаков. На улицах появились танки «тигры». Сопротивление врага приняло ожесточенный характер. Наши артиллеристы выводили орудия на прямую наводку, уничтожая пулеметные и автоматные точки. Пушки закатывали прямо в подъезды и расстреливали из них броневойно-зажигательными снарядами немецкие танки, как только те выходили на уровень ствола орудия. Пехота прицельным огнем уничтожала вражеских танкистов, выскакивавших из горевших машин. После того как мы подбили два «тигра», остальные машины отступили и на улицах больше не появлялись. Бойцы полка уничтожили до роты солдат противника, часть взяли в плен во главе с майором. Город был захвачен.

Во второй половине дня 22 января части полка вышли к западным окраинам,

закрепились на захваченных позициях. Солдатам был дан отдых после тяжелых уличных боев, артиллерия получила боеприпасы. Отступающие немцы поджигали здания зажигательными снарядами, и город во многих местах горел.

Согласно новому приказу, нам предстояло передать занимаемый рубеж частям 5-й армии, оставить САУ на месте, построиться в походную колонну и, совершив 40-километровый марш, выйти к городу Велау и быть готовыми к боевым действиям».

После взятия Инстербурга, 23 января, части 16-й гвардейской дивизии двинулись в направлении Кёнигсберга. Пройдя 40-километровый марш, к исходу дня они сосредоточились в 6 километрах северовосточнее Велау в готовности к занятию рубежа обороны фронтом на юг. Через два дня обе дивизии 36-го гвардейского стрелкового корпуса, 16-я и 18-я, были переброшены с левого фланга на правый, в район восточнее Тапиау.

26 января правобережная 16-я дивизия форсировала канал западнее Биркенвальде и завязала бои на подступах к лесу восточнее Фридрихштайна. Здесь гвардейцы встретили яростное сопротивление. Нарастив удар, 16-я дивизия при поддержке 1-й гвардейской стрелковой и 311-й штурмовой авиационной дивизий продолжала наступать вдоль железной дороги в направлении Кёнигсберга. К исходу 28 января правый фланг и центр

11-й армии вплотную приблизились к внешнему обводу крепости Кёнигсберг.

Непосредственно перед штурмом Кёнигсберга 36-й гвардейский стрелковый корпус (1-я, 16-я и 18-я гвардейские стрелковые дивизии) был сосредоточен во втором эшелоне армии в районе Зеепотена.

В апреле, в дни штурма города-крепости, части корпуса вступили в ожесточенные бои с противником, во время которых был тяжело ранен командир пулеметной роты 46-го гвардейского стрелкового полка М.И. Бирюков. 7 апреля воины 16 и 18-й дивизий ворвались на территорию речного порта, северо-западнее населенного пункта Нассер Гартен. Немцы были выбиты из речного порта, и поздно вечером дивизия вышла на южный берег реки Прегель. Утром следующего дня наши войска стали теснить врага в направлении Ратсхофа, завершая окружение кёнигсбергского гарнизона.

После захвата Кёнигсберга войска 3-го Белорусского фронта быстро, без оперативной паузы, были переключены на новое оперативное направление – Земландский полуостров. 26 апреля взята крепость Пиллау.

После боев по уничтожению немецкой группировки, прижатой к морю, части дивизии были переброшены сначала в Тильзит, а затем в Инстербург, где дивизия дислоцировалась до 1960 года, пока не была расформирована.

**Игорь ЕРОФЕЕВ,
Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА**

ГОРОД С ГЕНЕРАЛЬСКИМ ЗВАНИЕМ

Иван Данилович Черняховский. Самый молодой командующий фронтом, самый молодой генерал армии времен Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза, выдающийся полководец. Уникальная, яркая личность, которая привлекала и привлекает к себе каким-то особым обаянием самобытности, гармоничным сплавом «самородного» ума, душевной силы, красоты и героизма. Такой большой человек «весь не умирает». Энергия того дела, которому он отдал все силы и самую жизнь – святого дела защиты Отечества, – энергия его души и таланта воплотилась «в пароходы, строчки и другие долгие дела». И в имя города с долгой историей и непростой судьбой.

О жизни города «с генеральским званием», о его трудовом и трудном бытии в первые послевоенные годы, о подвижниках – искателях и творцах, чьими стараниями сохранена память о герое, его облике и имени, – и пойдет сейчас речь.

1. ДРУГАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО ГОРОДА

22 января 1945 года город Инстербург – крупный узел железных и шоссейных дорог – взят после ночного штурма войсками 36-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии, входившей в состав 3-го Белорусского фронта. Более полутора лет бывший восточнопрусский город сохранял свое прежнее название, хотя в нем жили уже совершенно другие люди, создающие для чужого и в то же время своего города новую историю. Лишь 7 сентября 1946 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Инстербург был переименован в Черняховск в память о дважды Герое Советского Союза генерале армии Иване Даниловиче Черняховском.

Послевоенный город представлял собой жалкое зрелище. Центральная его часть (район совр. площади Ленина и одноименной улицы) была разрушена почти полностью, окраины – примерно на 60%. Канализация и водопровод не работали. Улицы были завалены горами кирпича, мусора, щебня и не освеща-

И.Д. Черняховский

лись, дома зияли пустыми глазницами окон. Полуразрушенные здания, стены которых могли вот-вот обвалиться, приходилось сносить танками. Железнодорожный вокзал сгорел до основания. Пассажиры станции Инстербург ютились на скамейках в бараке и на плат-

Черняховск, ул.Первомайская (ныне ул.Ленина). 1948г. Фото П.А. Локтионова.

форме. Товарную станцию загромождало «кладбище» немецкой техники. В городе оставались доты и заградительные укрепления, препятствовавшие движению транспорта. Общественный транспорт не функционировал. От троллейбусных линий оставались только металлические и бетонные столбы: перед отходом фашисты демонтировали дорогостоящее оборудование, в основном изготовленное из меди.

Самые первые российские жители изуродованного войной города занимали наспех отремонтированные квартиры в немногочисленных сохранившихся закопченных от дыма пожаров домах в основном на Вильгельмштрассе (ныне ул.Пионерская) и Беловштрассе (ныне ул.Спортивная). В свободное время они трудились на расчистке улиц, закладывали кирпичом проломы в стенах нижних этажей домов. Магазинов не было, рабо-

тали только торговые палатки с ограниченным выбором товаров. Питание получали по карточкам. В очереди за хлебом вместе с русскими стояли и немцы, которых в городе оставалось еще довольно много.

До образования 7 апреля 1946 года Калининградской области вся ее территория подчинялась временным военным органам управления. Жизнь и порядок в Инстербурге, после того как город был занят гвардейцами-черняховцами, регламентировались приказами военной комендатуры, занимавшейся всем спектром вопросов хозяйственного устройства. Необходимо было провести инвентаризацию и приемку-передачу сохранившихся жилых домов, создать военные комендатуры в окружающих Инстербург поселках, разобраться с военными трофеями, имуществом, брошенным на дорогах и хуторах, с бродив-

шими около города стадами недоенных коров и другим скотом, решить вопрос с кормами, перебрать картофель, хранившийся в буртах и подвалах.

В штат военной комендатуры, где тогда сосредоточивалась вся власть, назначались комендант (первым комендантом Инстербурга стал подполковник Гавриил Алексеевич Иванов), заместитель коменданта по политической части, занимавшийся также и кадрами, и помощники военных комендантов по хозяйственным вопросам. В аппарате помощника коменданта состояло десять офицеров. Охранял комендатуру стрелковый взвод.

По приказу коменданта в Инстербурге с 18.00 до 8.00 запрещалось всякое движение гражданского населения, которое, согласно предписанию, должно было сдать оружие, боеприпасы, радиопередатчики и множительные аппараты. Для предотвращения угрозы саботажа и диверсий предпринимались контрольные проверки среди жителей, прочесывание лесов.

В городе размещались воинские части, снятые с передовой на отдых и доформирование, а также более 40 армейских госпиталей разных рангов, которые требовалось обеспечить мебелью, оборудованием, продовольствием. Денежное довольствие военные получали немецкими марками, на которых было написано: «Alierte Militärbehörde» («Объединенное военное командование»). Контроль над работой больниц возлагался тоже на военных комендантов (больницы не справлялись с потоком больных, и в апреле 1946 года было увеличено количество больничных коек, вводился амбулаторный прием населения). Было решено развернуть штатный детский дом для немецких детей-сирот. Немцам, желавшим обрабатывать землю, разрешалось выделять земельные участки под огороды.

Работа по оживлению хозяйственной жизни была организована сразу же пос-

ле взятия города. С помощью военных подразделений и немецкого населения осуществлялись уборка и расчистка улиц, засыпка окопов, траншей, захоронение трупов. К работам привлекались военнопленные из лагеря, находившегося в Гергенбурге (ныне пос.Маевка).

Нужно было отремонтировать жилые дома, провести в них электричество, исправить канализацию, осветить улицы, пустить в уличные колонки воду, предпринять меры по развитию торговли. Все это требовало большого напряжения сил. Однако до начала организованной переселенческой кампании обходились наличной рабочей силой: это были демобилизованные воины, репатриированные советские граждане, военнопленные и местное население. Район нуждался в квалифицированных рабочих, строителях, инженерно-техническом персонале. Направленным в Инстербург специалистам давали под жилье любой дом.

В октябре 1945 года начались ремонтные и восстановительные работы на Инстербургском железнодорожном узле. Велись они силами 4-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Сначала было приведено в порядок станционное хозяйство, затем введена в строй линия Инстербург – Гумбиннен.

Немало потребовалось усилий для налаживания сельского хозяйства: пригодных для использования сельскохозяйственных угодий оставалось меньше половины, остальные земли требовали разминирования и расчистки.

Во второй половине 1945 года на базе полуразрушенных войной имений прусских помещиков при активной помощи Советской Армии стали создавать гражданские совхозы, которым отводились пахотные земли, передавались коровы, свиньи, лошади и овцы. Зима 1945-1946 годов выдалась очень суровой, не хватало

кормов. Однако в большинстве хозяйств удалось сохранить скот. Животноводы выходили в поля, собирали солому, запаривали ее и засыпали в кормушки, собирали сено, оставшееся в бывших поместьях.

Воинским подразделениям также отводились территории для подсобных хозяйств. 29 января 1946 года было принято Постановление №1 Военного совета Прибалтийского военного округа об организации военных совхозов и обеспечении их тракторами, автомашинами, рабочими лошадьми, упряжью, фуражом и семенным материалом. В июне 1946 года в Инстербургском районе, в Норкиттене (ныне пос. Междуречье), был основан первый военный совхоз №22/136, в котором работали военнослужащие и военнопленные (4 августа 1947 года преобразован в гражданский совхоз «Междуречье»). В горячую пору из числа местного населения нанимались сезонные работники.

В деревнях восстанавливались разрушенные дома, скотные дворы и хозяйственные постройки, приводился в порядок инвентарь, велись работы на открытых окопах и воронках полях, обезвреживались мины и снаряды. Пахали на первых порах на лошадях, на фермах все делали вручную. За хорошую работу выдавались продукты питания. Объекты культуры фактически отсутствовали.

В 1946 году рабочие совхозов собрали первый урожай. Стадо крупного рогатого скота в военных совхозах и других хозяйствах формировалось за счет скота остфризской породы, поступавшего по репарационным поставкам из Германии.

4 июля 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Кёнигсбергская область, ранее включенная в состав РСФСР, была переименована в Калининградскую в честь деятеля КПСС и Советского правительства М.И. Калинина (ровно через месяц после его кончины 3 июня 1946 года). В соответствии с принятым

административным делением в области насчитывалось 8 городов областного подчинения, 14 городов районного подчинения, 13 сельских районов, 4 городских района, 5 поселков городского типа, 97 сельских советов.

Через несколько дней после переименования области, 9 июля, И.В. Сталин подписал Постановление №1522 Совета Министров СССР «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области», открывшее путь массовому заселению края. Согласно данному документу, в течение только трех месяцев, с августа по октябрь 1946 года, в область на постоянное жительство на добровольных началах переселялось 12 тысяч семей колхозников из 20 областей центральных районов России, Белоруссии, Мордовии, Чувашии и Марийской АССР.

Для закрепления переселенцев на местах правительство определило ряд мер экономического стимулирования и льгот для переселенцев, которым, к примеру, предоставлялось право бесплатного проезда и провоза багажа до 2 тонн на каждую семью, а также безвозвратное денежное пособие в размере 1000 рублей на главу семьи и по 300 рублей на каждого члена семьи. Нуждавшейся семье выдавался кредит в размере 10 тысяч рублей на строительство и ремонт жилых домов с рассрочкой выплаты на семь лет. Долгосрочные ссуды в размере 3 тысяч рублей выплачивались на приобретение скота. Каждой семье бесплатно передавался в личную собственность жилой дом (или часть многоквартирного дома), а также ссуда продовольственным зерном из расчета 1,5 центнера на главу семьи и 0,5 центнера на каждого члена семьи. Государство освободило хозяйства переселенцев на два года от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов

Черняховск, пл. Ленина. Здание бывшей лютеранской кирхи. Фото П.А. Локтионова.

(кроме молока) и от уплаты подоходного налога, страховых платежей, а также недоимок по этим платежам, числившихся по прежнему месту жительства.

24 августа 1946 года в Инстербург прибыл первый эшелон с переселенцами из Курской области. В этом же месяце приехали жители Калужской и Брянской областей. Всего за период с августа по сентябрь район должен был принять 900 семей. В Инстербургском районе (переименован в Черняховский 7 сентября 1946 года) создаются первые колхозы – имени Тельмана, «Парижская Коммуна», «Знамя Ильича», «Ленинская «Искра», «Красный Октябрь», «Победа», «Калининградец», «Новая Жизнь», а также совхозы №7, 8, 21, 137, 153.

В том же году был создан и колхоз имени И.Д. Черняховского; в нем трудились переселенцы из Калужской, Брянской и Курской областей (3 июля 1950 года решением №229 Черняховского горисполкома и на основании постановления общих собраний колхозников в это

хозяйство вошли колхозы им. Энгельса и «Новая жизнь»).

Летом 1946 года издается приказ гражданского управления об организации сети школ в городе и районе, подготовке их к новому учебному году.

В августе приступил к работе горпрокомбинат с швейной и сапожной мастерскими (потом оборудовали и слесарную). Через месяц введен в строй речной порт, относящийся к Неманскому речному пароходству. В октябре заработало первое производственное предприятие города – кожевенный завод. Чуть позже дал первую продукцию хлебосухарный комбинат. В здании старого кинотеатра был открыт кинотеатр «Ударник», в центре города установлен репродуктор, смонтирован радиоузел. Город постепенно входил в русло другой жизни.

1 сентября открыл двери Дом пионеров (размещался в здании педучилища), в котором поначалу работало 6 кружков.

1 декабря бюро областного комитета ВЛКСМ приняло постановление об ор-

ганизации в Черняховске ГК ВЛКСМ. Первым секретарем был утвержден В.А. Логинов, вторым А.П. Крещенко. К концу года в городе существовало 6 первичных комсомольских организаций (в них состояло 107 человек), в первом квартале следующего, 1947 года их стало уже 14.

В июле 1947 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образуются сельские советы. Переименовываются улицы, поселки, деревни.

27 декабря 1947 года состоялась первая сессия Черняховского городского совета депутатов трудящихся первого созыва, в работе которой приняли участие 80 депутатов и 19 гостей. На сессии рассматривались вопросы социально-культурного развития. Депутаты приняли решение об открытии городской библиотеки, о строительстве детских яслей, электрификации домов и обеспечении города водой, об оборудовании бани, обсуждали проблемы восстановления паровозного и вагонного депо, гвоздильно-сеточного завода, а также задачи наступающего 1948 года – третьего года первой послевоенной пятилетки: предстояло выполнить большие работы по дальнейшему восстановлению жилого фонда, коммунального хозяйства, очистке и благоустройству города, налаживанию торговли. Был избран исполком горсовета, образованы отделы и постоянные депутатские комиссии, принято постановление «О работе жилищно-коммунального хозяйства города за 1947 и задачи на 1948 год», подведены итоги работы по благоустройству, утвержден бюджет на 1948 год.

К концу 1947 года в Черняховске улицы в основном уже были расчищены, заложено 800 метров проемов в стенах домов, вывезено более 7 тысяч кубометров строительного мусора, посажено 3600 декоративных деревьев и кустарников, благоустроено два сквера, отремонтировано 8250 кв. метров жилплощади,

шесть километров водопроводной сети, закончено строительство водонапорной станции, восстановлены железнодорожный узел, городские электрические сети, налажено автобусное сообщение, организованы торговая сеть и общественное питание, развернута широкая сеть медицинских учреждений (две больницы, роддом, тубдиспансер, поликлиника, детская и женская консультации, станция скорой помощи, молочная кухня), открыты детские ясли, детский сад, сооружена городская Доска почета, работали четыре школы (в них обучалось более 1700 учащихся), Дом культуры, кино-театр, библиотеки, типография, почта, гостиница, столовые, парикмахерские, бани. Промышленность, выпустившая продукции на 1961 тыс.рублей (против 100 тыс. рублей в 1946 году), фактически была восстановлена. (Позже введены в строй новые предприятия – маслозавод №19, горпищекombинат, пивзавод, гвоздильно-сеточный завод.)

На первой сессии городского совета было принято решение и о сооружении памятника воинам, погибшим в боях за свободу и независимость Отечества. Его воздвигли в 1948 году на берегу Анграпы, на месте братской могилы; он представлял собой высокий обелиск в виде граненого штыка, по обеим сторонам которого на постаменте располагались скульптурные группы воинов.

Первая сессия районного совета была созвана 30 декабря 1947 года. В районе к тому времени работали такие сельхозартели, как «Прогресс», «Коммунар», «Советская крепость», «На страже» и другие, открылся районный Дом культуры.

Таким образом, с переходом от чрезвычайных органов – управлений по гражданским делам – к исполкомам советов, а затем под их руководством к образованию конституционных органов власти путем выборов завершился этап становления

Черняховск, Привокзальная пл.
Бюст И.Д.Черняховского.
Скульптор М.Прокофьева.
Фото П.А.Локтионова.

структур государственного управления в Черняховском районе.

В марте 1948 года коллектив рабочих и служащих 5-й дистанции сигнализации и связи станции Черняховск обратился ко всем жителям города, призвав превратить Черняховск в один из цветущих городов страны, озеленить его улицы и полностью благоустроить Привокзальную площадь от угла улицы Первомайской (ныне улица Ленина) до железнодорожного вокзала. Инициаторы посчитали, что на это потребуется в общей сложности 3,5 тыс. часов труда, если каждый работник посвятит благоустройству 40-50 часов своего свободного времени.

По почину коллектива железнодорожников в городе начался месячник по благоустройству, в который включились все предприятия Черняховска. Служащие вокзала (начальник тов.Глушченко),

в свою очередь, отработовали о побелке зала ожидания, очистке перрона, разбивке клумб, открытии буфетов на перроне для продажи горячей пищи пассажирам, увеличении числа прожекторов и установке на площади большого портрета генерала И.Д. Черняховского. Это было первое изображение героя в городе, названном его именем.

Первый памятник командиру 3-м Белорусским фронтом в Черняховске был сооружен в конце 1948 года на той же Привокзальной площади. Закладка фундамента состоялась 10 мая, открытие – 7 ноября. Проект памятника утверждался в Москве, а работали над ним трое немецких военнопленных. Это был гранитный обелиск высотой более 5 метров с барельефом из белого мрамора, изготовленным по паспортной фотографии.

В 1950 году обелиск заменен бюстом работы Марии Прокофьевой, молодого скульптора городской конторы благоустройства. Этому памятнику в сквере у перекрестья дорог посвящались строки стихотворений поэтов – наших земляков на протяжении более чем четверти века. 9 мая 1977 года по другую сторону площади – позже она стала называться именем Черняховского – был открыт новый монумент, ставший своеобразным символом города (ему посвящаем мы отдельный рассказ). Прежний памятник демонтировали. Еще один бюст полководца на территории района (предположительно в начале 70-х годов) был установлен у правления колхоза им. И.Д. Черняховского, в поселке Заовражное.

2. ПАМЯТНИК ГЕРОЮ, СТАВШИЙ СИМВОЛОМ

...В ночь на 9 Мая 1977 года в Черняховске просторная площадь между автостанцией и железнодорожным вокзалом была ярко освещена прожекторами: монтировался новый памятник дважды

Памятник И.Д. Черняховскому.
Скульптор Б.В. Едунов,
архитектор М.Д. Насекин.
Фото П.А. Локтионова.

Герою Советского Союза генералу армии Ивану Даниловичу Черняховскому; ут-ром – открытие...

История этого памятника, безусловно, заслуживает того, чтобы о ней рассказать особо. Но прежде упомянем о некоторых цифрах, фактах, документах. Основанием для начала работы над памятником стало распоряжение Совета Министров РСФСР от 24 сентября 1973 года №1540-р. Проектно-сметную документацию разработало Российское государственное художественно-архитектурное экспериментально-производственное объединение «Росмонументискусство». Стоимость проекта составила 70400 рублей. Финансирование осуществлялось за счет средств местного бюджета. Общая высота памятника – 10,5м (5,25м – бронзовая фигура с плин-

том; 5,20м – гранитный постамент). Вес фигуры – 2 тонны, постамента – 15 тонн.

Памятник Черняховскому – одна из самых значительных работ московского скульптора Бориса Васильевича Едунова (он известен нам прежде всего как автор установленных в Калининграде памятников Эрнсту Тельману, Карлу Марксу, М.И. Калинин, монумента «Мать-Россия» и памятного знака «Землякам-космонавтам»). В своей мастерской он выполнил несколько вариантов модели памятника в масштабе 1:10. Скульптор мог ориентироваться только на фотографии (их любезно предоставила вдова генерала, Анастасия Григорьевна Черняховская), но, несмотря на сложность задачи, он сумел добиться и портретного сходства, и достоверности в отображении черт характера, создать образ человека волевого, незаурядного, от всего облика которого веет силой, обаянием мужественности: красиво одухотворенное лицо, строга и монументальна пластика фигуры. Архитектор Михаил Дмитриевич Насекин (тоже москвич) спроектировал лаконично оформленный постамент с боковыми фасадами в виде стилизованных знамен, который предполагалось изготовить из красного гранита.

Не без труда удалось получить в Министерстве культуры РСФСР разрешение на установку этого памятника. Дело в том, что размеры монумента должны были соотноситься с масштабами города. Черняховску по всем нормам полагалось менее величественное сооружение – не более 1,5м. Лишь благодаря поддержке президента Академии художеств РСФСР Н.В. Томского были приняты иные размеры: высота скульптуры – 4,8м, постамента – 4,5м. Но в Вильнюсе уже был памятник И.Д. Черняховскому (кстати, работы Томского), и в Министерстве поначалу сомневались в том, что будет создан достойный монумент, отличный от вильнюсского.

В мае 1975 года художественно-экспертный Совет по монументальной скульптуре Министерства культуры РСФСР принял основной вариант модели из трех, представленных Б.В. Едуновым и М.Д. Насекиным, для дальнейшей разработки. А в декабре в Москву к Едунову выехал главный архитектор Черняховска И.М. Матва – на приемку гипсовой модели скульптуры. Модель, представлявшая полководца в полный рост, без головного убора, в распахнутой шинели, была принята с замечанием: академик Томский предлагал несколько уменьшить устремленный вперед шаг правой ноги.

В марте 1976 года гипсовая скульптура была отправлена в Ленинград на ордена Трудового Красного Знамени завод художественного литья «Монументскульптура». Из бронзы была отлита фигура высотой 4,8м. Требовалось обработать и красный гранит для постамента, но на заводе такого материала не нашлось. Открытие памятника, приуроченное к 30-летию образования Калининградской области, намечалось на июль 1976 года, однако из-за отсутствия гранитных плит само его сооружение оставалось под вопросом. Исполком Черняховского городского совета обратился за помощью в Министерство промстройматериалов Украинской ССР. И помощь была оказана – на завод в Ленинград доставили 20 куб. метров красного гранита и 151 кв. метр плит мелкозернистого гранита красного цвета толщиной 100мм из карьера Емельяновского рудоуправления. Бригаду гранитчиков-полировщиков возглавлял И.И. Алехин. Всем ходом работ руководил М.Д. Насекин. Сделав привязку к местности, архитектор предложил установить скульптуру лицом на запад (символический ракурс, напоминавший об освободительной миссии советских воинов).

Руководство района принимало активное участие в реализации проекта на всех

этапах. На заседании исполкома Черняховского совета народных депутатов на обсуждение было вынесено предложение воздвигнуть в городе новый памятник Черняховскому. Ответственность за осуществление идеи легла на плечи заместителя председателя горисполкома Владимира Петровича Дубасова. Художественный совет возглавил архитектор города Иван Михайлович Матва. Добиться разрешения на установку в Черняховске нового памятника, сделать заказ талантливым мастерам, найти нужные материалы, организовать строительные работы, да так, чтобы уложиться в те 70-75 тысяч, которые смог бы выдержать местный бюджет, – со всеми этими проблемами нужно было справиться, и справлялись (общая стоимость проекта предварительно была оценена в 120 тысяч рублей, но то, что ряд работ выполнялся на общественных началах, помогло выйти из затруднительной финансовой ситуации).

Скульптуру и постамент доставили в город по железной дороге и временно определили на территории комбината благоустройства. Вскоре обнаружилось, что на погонах у Черняховского не хватает звезд генерала армии (на фотографии, с которой делался макет, он снят в звании генерал-полковника), но Едунов еще ранее сделал запасные, их успели привезти из Москвы.

В марте 1977 года из Ленинграда приехала бригада монтажников завода «Монументскульптура». Монтажные работы начались в апреле. Памятник решено было установить напротив автостанции, на месте пустыря близ «кольца» рейсовых автобусов. Выяснилось, что здесь оставались подвалы разрушенных в войну домов, так что сначала следовало дойти до материковой глины и только после этого можно было закладывать железобетонный фундамент под постамент (его возводило РСУ-1). По обычаю под каж-

Открытие памятника И.Д.Черняховскому. 9 мая 1977г. Фото П.А. Локтионова.

дый угол фундамента положили по юбилейному рублю, а под ближний правый – бутылку с автографами тех 40 человек, что занимались осуществлением проекта.

Работать пришлось в сложных погодных условиях, поскольку стояли самые настоящие морозы. Выравнивали площадку под памятник, мостили площадь и разбивали сквер черняховские предприятия и организации – комбинат благоустройства, ПМК-309, МСО, ПМК-191, водоканал. Были определены сроки и фронт работ, назначены ответственные. Ежедневный контроль осуществляли первый секретарь горкома КПСС Николай Васильевич Долгополов и председатель горисполкома Валентин Иванович Кравченко.

Начальник Черняховского гарнизона Анатолий Васильевич Ломако и военком города Василий Федорович Ерофеев помогли техникой и людьми (особенно отличилась Школа младших авиаспеци-

алистов). Железная дорога позаботилась о светильниках. Главный лесничий Владимир Петрович Бороненко отобрал для сквера самые красивые березки. Дубовые скамейки были изготовлены и подарены леспромхозом.

7 мая 1977 года государственная приемная комиссия во главе с начальником управления культуры облисполкома А.Т. Грачевой подписала акт приемки памятника в эксплуатацию с общей оценкой «хорошо».

А в День Победы, 9 Мая, состоялась торжественная церемония открытия, собравшая множество людей и ставшая настоящим праздником, почетными гостями которого были участники штурма Инстербурга и сослуживцы И.Д. Черняховского, дочь героя Неонила Ивановна Черняховская, автор книги о полковнике генерал-майор в отставке Н.И. Алексеев, писатель И.М Шевцов, бывший политрук

28-й танковой дивизии Б.П. Фесовец, военврач С.С. Левитан, представители делегаций из Ивьевского района Белорусской ССР, из Новгорода, где начинал свой боевой путь И.Д. Черняховский, его земляки со станции Вапнярка, учащиеся ленинградской и одесской школ, носящих его имя. И, несомненно, искреннюю радость – наверное, почти такую же, что и создатели памятника, – испытывали те, кто вел поиск, переписываясь и встречаясь со знавшими героя людьми, – черняховские следопыты и их наставники.

3. СЛЕДОПЫТЫ

В сущности, начало поисковой работе было положено в школе №1. Первые следопыты, первые искатели появились именно в ней. И, вероятно, не потому, что она открылась первой в городе и районе (следом за ней было открыто несколько школ, которые «младше» всего на несколько месяцев), а по какой-то иной причине. Случилось так, что люди, учившие и учившиеся в ней, как-то по-особому относились к ходу времени, может быть, более остро ощущали, что происходящее сегодня уже завтра станет прошлым и либо забудется, либо обратится в достояние истории. Вот и стремились они узнать и сохранить как можно больше для завтрашнего дня, ибо чувствовали: то, что сегодня кажется привычным или само собой разумеющимся (вещь, факт), завтра будет иметь другую значимость. И раньше и последовательней они занялись историей своей школы, и раньше других заинтересовались судьбой героя, именем которого был назван город. Начнем с истории школы.

Решение о ее открытии было принято в 1945 году, а первым директором стал гвардии майор Иван Васильевич Соколов (1945-1946). В августе 1946 года директорский пост принял Алексей Парамонович Камзолов – историк, комиссар полка, кавалер орденов Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны.

Школа жила своей трудной послевоенной жизнью. Двор был весь изрыт траншеями, окопами, завален разбитой техникой и колючей проволокой. В здании в ряде помещений не было полов, оконных стекол. Большинство преподавателей и технических работников ходило в военной форме. Среди учащихся было много «переростков» – воспитанников воинских частей, солдат и старшин: за парты небольших по численности классов сели те, чью учебу прервала война.

В подвальном помещении находился интернат, где жили учащиеся из дальних поселков. Занятия начинались с зарядки, которую проводили во дворе. Школа работала в три смены. Вечером занимались офицеры и рабочая молодежь. Учащиеся и учителя благоустраивали территорию, засыпали рвы, высаживали кустарники и цветы. Позже (в 1950 году) на месте траншеи на пришкольном участке посадили яблони и груши. Силами ребят был построен и гараж для машин. В коридоре школы в кадках росли плодоносящие лимоны.

Комсомольская организация заработала с первых дней существования школы. А дисциплина была показательная: даже самое незначительное нарушение рассматривалось на комитете комсомола.

Первая старшая пионервожатая школы – Анна Ивановна Локтионова (Соловьева). Окончив педагогическое училище, она приехала в Черняховск по распределению из города Лихославля Калининской области в 1947 году. Одним из первых пионерских дел ее дружины, носившей имя Зои Космодемьянской, стала посадка деревьев – молоденьких липок – не только у школы, но и на центральной улице города. Землю приходилось про-

сеивать буквально вручную – так много в ней было камней, металла и стекла... Живую, энергичную, обаятельную вожаку в городе заметили, и в 1948 году она стала работать в ГК ВЛКСМ (позже преподавала в средней школе №4; была удостоена звания «Отличник народного просвещения»). И в дальнейшем А.И.Локтионова оказывала поддержку многим начинаниям, была в курсе важнейших событий, связанных с поисковой работой. Следует заметить, что семья Локтионовых – это люди, которые сыграли заметную роль в жизни города и района. Своеобразную фотолетопись этой жизни, запечатлев самые разные ее моменты – в том числе Инстербург в дни штурма, открытие памятника Черняховскому (некоторые из снимков помещены в настоящем издании), – создал Петр Алексеевич Локтионов (супруг Анны Ивановны) – ветеран Великой Отечественной войны, фотокорреспондент, долгое время сотрудничавший в районной газете «Коммунист»; и руководивший кружком в Доме пионеров и школьников (знакомил ребят с азами фотоискусства); он ушел из жизни, но его наследие – множество фотографий, ставших документами истории, – хранится в городском и областном архивах, публикуется в газетах, журналах, «путешествует» в Интернете.

В школе №1 учился, а затем и работал человек, который являлся главным инициатором поискового дела, самым непосредственным образом связанного с именем Ивана Даниловича Черняховского. Это Маина Агафоновна Костина (Никифорова). Ей было 14 лет, когда она приехала в Черняховск. Отец – кадровый офицер, поэтому поехать по стране пришлось много: за 7 лет сменила 27 школ! В годы войны старший брат партизанил, другой стал летчиком, а Маина вместе с родителями двигалась дорогами войны

от Брянска до самой Польши и помогала матери, работавшей в военном госпитале; потом девочку отправили в Москву, где она училась в школе и где встретила День Победы. Через год приехали родители, семья переехала в Геленджик. Старшего брата от ЦК комсомола командировали в Кёнигсберг, затем в Черняховск; здесь его избрали первым секретарем горкома комсомола. Он вызвал всю семью в 1948 году к себе. Маина поступила в 7-й класс школы №1, по окончании которой училась в культпросветучилище в Советске, работала директором Дома культуры в Багратионовске, художественным руководителем районного Дома культуры в Черняховске. С агитбригадой объездила весь район. В 1953 году стала секретарем комсомольской организации отдела культуры, потом была избрана членом районного бюро ВЛКСМ; в 1956 назначена инструктором горкома комсомола (отвечала за Калужскую сельскую зону). А в 1959 году Маина вернулась в свою школу – школу №1 – и стала работать старшей пионервожатой. Еще в ту пору, когда была ученицей, о ней говорили: «Ну и девчонка! Ох и шустряя!...» И теперь со всей своей энергией она взялась за дело, которое стало самым главным в ее жизни. В Черняховске в то время мало знали о Черняховском, иные думали, что здесь он и погиб во время боев, потому, мол, и город так назвали. А Маине Костиной хотелось узнать о герое-генерале больше. И произошла случайная, казалось бы, встреча – в поезде, с Иваном Федоровичем Белоусовым, который ехал из Москвы в Минск открывать фотовыставку, посвященную Черняховскому. Потом он прислал фотографии с выставки, потом дал еще и другие. Сделали стенд в Доме офицеров. «Мне как-то везло, вот просто везло!» – говорила Маина Агафоновна, вспоминая о последовавших затем встречах с ветеранами 28-й танковой дивизии,

Красные следопыты и А.Е.Зайцева в Вильнюсе у могилы И.Д.Черняховского.
Фото П.А. Локтионова.

с бывшим начальником штаба 3-го Белорусского фронта генерал-полковником Александром Петровичем Покровским, племянницей Черняховского Валентиной Ивановной Цешковской, писателем, биографом полководца Акрамом Агзамовичем Шариповым, вдовой героя Анастасией Григорьевной Черняховской и дочерью Неонилой Ивановной. Красные следопыты дружины школы №1 (следопыты начали целенаправленную поисковую работу в 1960 году, отряд «Искатель» создан в 1966 – первым его командиром был Сергей Шаповалов, – имя И.Д. Черняховского присвоено отряду в 1967) совершали походы по местам боевой славы, вели обширную переписку с людьми, близко знавшими И.Д. Черняховского. Клятву верности своему делу они давали у памятника герою. Вот как рассказывает о той поре сама М.И. Костина.

Листаю страницы рабочих тетрадей – как много традиций родилось в

школе №1, а потом в Доме пионеров. Первые отряды красных следопытов, клубы интернациональной дружбы, музеи, аукционы, фестивали... И почти все эти традиции связаны с именем И.Д. Черняховского. Он стал кумиром красных следопытов. Сколько радости было в дружине школы №1, когда мы получили сообщение совета ветеранов 28-й танковой дивизии, что отряду «Искатель» нашей школы присвоено имя И.Д. Черняховского. Это было признание нашей работы. Это была победа.

А вот запись 1959 года: «...А что если мы станем отмечать день памяти Черняховского? Но как? Надо как-то необычно. Может, факельное шествие?..»

Поговорили с комитетом комсомола школы, дирекцией, партгором. Все одобрили. Началась подготовка. Спорили, как лучше сделать факелы, объявили сбор консервных банок, ветоши. Согласовали с комсомольцами подшефного полка, они

пообещали поддержку. Договорились с оркестром, пообещали нам произвести и торжественный залп. И вдруг неожиданность. Идею не поддержали в горкоме партии: решили, что это отголоски фашизма, нельзя, мол, такое допускать.

До сих пор не верю, что нам удалось убедить руководство. Сколько пришлось спорить, отстаивать, уговаривать. Хорошо, что нас поддержал секретарь горкома комсомола Николай Костин, члены бюро ГК ВЛКСМ.

...18 февраля 1960 года, рано утром, перед началом занятий, у школы царило необычное оживление. Строились отряды, зажигались факелы, занимали свои места знаменосцы, барабаники. И вот все на месте. Даю команду, грянул оркестр – и вперед. Останавливались спешащие на работу прохожие, спрашивали: «Что это? Почему?..» А в ответ речевка: «Тесней, ребята, колонны, тверже, ребята, шаг! Пусть растет город наш! Пусть цветет город наш! Черняховцы, тверже шаг!»

До сих пор, когда вспоминаю то, первое факельное шествие, меня охватывает волнение. Все было впервые!..

И вот мы на месте – у памятника генералу в сквере, где потом вырос кинотеатр «Октябрь». Начинается митинг «Из генералов вышел в города». Звучат фанфары. Звенят голоса ведущих:

Мчатся «Волги» в дорогу дальнюю,

Шумной жизнью кипит вокзал.

Мы пришли к тебе на свидание,

Наш прославленный генерал...

Возлагается гирлянда памяти. Звучит залп салюта. Все волнительно, ново, необычно...

С тех пор факельные шествия стали традиционными и прекратились лишь в «перестроечное» время...

Деятельность следопытов школы №1 была многоплановой и разнообразной. В 1959 году создан кружок интернациональной дружбы, о котором упоминала

М.А. Костина (с 1963 года клуб интернациональной дружбы). Ребята встречались с пионерами из школы №1 литовского города Шакяя, вели переписку со сверстниками из ЧССР, ГДР и Болгарии, с латышским стрелком Эдуардом Эдуардовичем Смилгой, соратником В.И. Ленина. 22 апреля 1960 года в школе торжественно открылся Ленинский музей (первый директор – Мила Зеленкова, активисты – Валя Манцурова, Света Глухова, Женя Шамин). Учащиеся сами сделали для музея стеллажи, оформили фотовитрины. Общее количество экспонатов достигало 3000 (один из наиболее ценных – первый номер газеты «Искра», присланный из Лейпцига). Интересно проходили встречи с людьми, работавшими в разное время с В.И. Лениным. В частности, в гостях у пионеров дружины побывал в 1962 году Георгий Яковлевич Лозгачев-Елизаров, приемный сын Анны Ильиничны Ульяновой, сестры В.И. Ленина. В 1962-1963 годах открылись филиалы Ленинского музея в Свободненской и Междуреченской школах. В школе №1 была создана также команда искателей борцов революции (КИБР), собиравшая материалы о тех, кто был ровесником революции в нашем городе. А прошедший в школе в 1963 году праздник дружбы народов стал ежегодной традицией, на него съезжались гости со всей области. В 1964 году дружине имени Зои Космодемьянской было присвоено звание Дважды краснознаменной дружины (среди наград – два знамени обкома ВЛКСМ) и звание «Спутник семилетки». Тогда же открылась комната боевой славы, а с 22 февраля 1967 года это уже был музей боевой славы «Никто не забыт, ничто не забыто»...

Можно было бы и далее перечислять факты и события из школьной летописи. Мы дадим несколько штрихов, характеризующих самую атмосферу жизни школы, в которой многое было «самым

М.А.Костина (в центре) на пионерской линейке в средней школе №1.

первым»: здесь работал самый первый в городе школьный кинокружок; легтики-космонавты Юрий Гагарин («самый первый») и Герман Титов прислали свои фотографии с автографами; в числе почетных гостей школы – Любовь Тимофеевна Космодемьянская, мать Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских, и родители космонавта Алексея Леонова; школа награждена бронзовой медалью ВДНХ за опытническую работу на пришкольном участке; о школьных активистах писала газета «Пионерская правда»; в 1985 году школа на Всесоюзном смотре военно-патриотической работы получила отличную оценку...

Вернемся в 60-е. Именно в это время, а точнее в 1965 году, в городском Доме пионеров и школьников (его директором тогда был Е.М. Чучвага) создается комната боевой и трудовой славы, и пионервожатая средней школы №1 Маина

Костина начинает работать здесь по совместительству (с 1969 года – штатным сотрудником). Она организует городской штаб красных следопытов («штаб боевой славы») «Факел», девизом которого были слова: «В каждом – искорка, вместе – пламя!». Ребята из разных школ города и района включились в поиск, кропотливо и последовательно изучая известные и малоизвестные страницы из жизни генерала Черняховского. Собранные материалы стали основой новых экспозиций комнаты боевой славы. Воспоминания генерал-лейтенанта В.Е. Макарова, члена Военного совета 3-го Белорусского фронта, ценнейшие фотографии – дар И.Ф. Белоусова, в прошлом помощника начальника разведки фронта, пополнили ее фонды. Следопыты переписывались с сестрами Ивана Даниловича Черняховского – Анастасией Даниловной Дуб и Еленой Даниловной Ольшанской, с пер-

И.Д.Черняховский
с дочерью Неонилой и сыном Олегом.

вой учительницей Вани Черняховского – Любовью Андреевной Донец, писателем-фронтовиком Акрамом Агзамовичем Шариповым, благодаря которому познакомились с вдовой И.Д. Черняховского Анастасией Григорьевной, дочерью Неонилой Ивановой, узнали о сыне Олеге. (Неонила Ивановна Черняховская окончила Московский государственный университет и аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, работала в одном из научно-исследовательских институтов АН СССР; Олег Иванович Черняховский окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е. Жуковского и достиг заметных успехов на избранном поприще.)

Именно во второй половине 1960-х годов в местной печати все чаще появляются публикации, посвященные И.Д. Черняховскому. Это воспоминания сес-

тер полководца и первой учительницы, статьи В.И. Цешковской, его племянницы, которая, по окончании Московского пединститута, преподавала в то время биологию в Черняховском педколледже и она часто выступала в школах, библиотеках, на предприятиях с рассказами о Черняховском, очерки, заметки, сообщения М.А. Костиной, Я. Розенблюма, члена отряда «Искатель» школы №1 и городского штаба боевой славы «Факел», В. Полухиной, методиста Дома пионеров, В. Иванова, инструктора ГК ВЛКСМ, В. Ковалевой, старшей вожатой Междуреченской средней школы, и других авторов.

Вели активную поисковую работу и пионеры дружины имени И.Д. Черняховского Междуреченской школы, которые были приглашены на слет пионерских дружин имени И.Д. Черняховского в Умань, где познакомились с А.Д. Дуб, Е.Д. Ольшанской, Н.И. Черняховской, адъютантом И.Д. Черняховского А.И. Комаровым, Героем Советского Союза Т.Т. Лободой, подружились со следопытами из Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Киева. Они завязали переписку с вдовой и дочерью полководца. Директор школы В.С. Пиндюрин на Октябрьских праздниках 1967 года побывал в гостях у семьи Черняховских в Москве. К 50-летию Советской Армии пионеры открыли в школе уголок боевой славы, в котором было размещено немало материалов о жизни и деятельности героя.

22 февраля 1968 года в Доме пионеров открылся слет, посвященный Дню памяти И.Д. Черняховского. Слет собрал более 200 пионеров из отрядов и дружин, носящих имя полководца. Перед пионерами выступила В.И. Цешковская, о переписке с ребятами из других городов рассказали следопыты школы-интерната, поделились своими впечатлениями о поездке и встречах междуреченцы.

В июле 1969 года черняховские искатели принимали группу учащихся из средней школы №6 г.Москвы. Столичных следопытов в нашем городе (необычном, на их взгляд) интересовало все, но в первую очередь то, что связано с именем Черняховского. Они посетили школьные музеи и другие памятные места.

Своего рода сенсацией для горожан стала появившаяся в районной газете «Коммунист» в августе 1969 года заметка «Награда за мужество»: в ней говорилось о команде теплохода «Черняховск», за девять дней одного рейса через Атлантику спасшей два иностранных судна, 56 человеческих жизней. Теплоход держал курс на Бразилию. Когда миновали острова Зеленого Мыса, радиостанция зафиксировала сигнал «SOS». Бедствие терпел турецкий пароход «Превезе»: пожаром были охвачены центральная надстройка и два трюма. «Черняховск» принял на борт турецких моряков и направил на горящее судно аварийную команду, которая после многочасовой операции ликвидировала огонь. Еще обсуждали происшедшее – новый сигнал бедствия, на этот раз с греческого корабля «Флора», на котором горела центральная надстройка. 11 человек аварийной команды и здесь справились

с огнем и на другой день отшвартовали «Флору» у причала порта Ресифи. При тушении пожаров отличились старший моторист А. Цыганов, матросы А. Тростников, В. Петров, А. Кривченко, И. Балтрук, С. Никифоров, старпом А. Морозов, второй механик В. Комаров, мотористы С. Концевой, В. Лубянкин, А. Кошелев, электрик Б. Шеряков, первый помощник капитана Л. Плесовских. Штабисты Дома пионеров завязали с героическим экипажем переписку. В газете появилась целая серия публикаций об отважных моряках, а в ноябре Л.А. Плесовских, первый помощник капитана, А.Ф. Цыганов, председатель судового комитета профсоюзов, М.В. Морозов, секретарь комсомольской организации теплохода, приехали в наш город. Состоялись встречи в совхозе «Междуречье», колхозе «Знамя Ильича», в ДОКе, на кондитерской фабрике, в горкоме партии, пресс-конференция в редакции районной газеты. Гости осмотрели Ленинский музей и комнату боевой и трудовой славы школы №1 и поблагодарили юных экскурсоводов – Таню Ландову, Наташу Голосову, Игоря Махинова, Надю Клобуцкую, Сашу Шаповалова, Люду Моржеевскую. В ГПТУ-12 они ознакомились с экспозицией комнаты бое-

Теплоход «Черняховск».

А.Е. Зайцева

вой славы, в том числе и с материалами стендов, посвященных И.Д. Черняховскому; экскурсию проводила воспитанница училища Яна Казакевич.

Мало кто знает теперь, что в честь легендарного командующего и в честь нашего города были названы три теплохода и один супертраулер. Теплоход «Черняховск» Ленинградского морского пароходства, нами уже упоминавшийся, был построен в Финляндии в 1961 году; теплоход «Черняховск», портом приписки которого был Владивосток, – в Голландии в 1955. Гигант-траулер «Генерал Черняховский» Калининградской рыболовецкой флотилии водил на промысел ветеран Великой Отечественной войны, капитан запаса, бывший командир танковой роты, освобождавшей Инстербург, Иван Григорьевич Пасько. Он воевал под командованием Ивана Даниловича Черняховского, хорошо знал и помнил его. В Музее

боевой славы имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра можно увидеть фотографии и альбомы, подаренные моряками, познакомиться с материалами прессы тех лет.

В 1970 году ученики Междуреченской школы и средней школы №2 (ныне гимназия №2) едут в Ленинград, в гости к пионерам дружины имени Черняховского школы №304, с которыми подружились в Умани, на слете юных черняховцев. Они встречаются с дочерью Черняховского и моряками теплохода «Черняховск». Продолжает свой поиск отряд «Искатель» имени И.Д. Черняховского школы №1: следопыты восстанавливают историю подвигов Петра Артюхова, закрывшего собой, как и Александр Матросов, вражескую амбразуру, и знаменосца Артамона Черепанова, находят место захоронения Анатолия Хуторянского по просьбе его отца, Н.Я. Хуторянского.

М.А. Костина в 1972 году была назначена методистом, а в 1975 директором Дома пионеров. С 1972 года (и до 1988) комнатой боевой славы и штабом красных следопытов руководила Алина Евгеньевна Зайцева, бывшая до этого старшей пионервожатой дружины имени Константина Заслонова в средней школе №6. Вместе с ней следопыты побывали в родных местах Черняховского – на Украине, на станции Вапнярка, встретились со многими из тех, кого знали по письмам, с сестрами Черняховского и другом детства Леонтием Блакитным (его воспоминания недавно опубликованы в журнале «Мой город Черняховск»; рукопись находится в фондах Музея боевой славы имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра). Во время совместной поездки в село Оксанино с активистами патристического клуба «Родина» (руководитель В.Н. Хабибуллин), созданного в ГПТУ-12 (ныне ПУ-2) в 1975 году, им довелось увидеться с генерал-майором Н.И. Алек-

сеевым, автором книги «Осколком оборванная жизнь», а позже с приезжавшей в Черняховск Н.И. Черняховской. (Стоит сказать о том, что следопытами профессионально-технического училища собраны интереснейшие материалы об эскадрилье «Малый театр – фронту» 909-го истребительного полка 130-й Инстербургской истребительно-бомбардировочной авиадивизии 1-й воздушной армии.) Ездили ребята из «Факела» и в Вильнюс (здесь до 1991 года – до перезахоронения в Москве, на Новодевичьем кладбище, – покоился прах полковника; у его памятника проходило посвящение в красные следопыты, – шкатулка с клятвами красных следопытов до сих пор хранится в Музее), и к обелиску под Пененжно (Польша), где командующий был смертельно ранен.

Много сил отдавала работе А.Е. Зайцева, и в 1976 году комната боевой и трудовой славы получила статус музея. К этому времени в нем было уже четыре зала: в 1-м находилась экспозиция, посвященная И.Д. Черняховскому, во 2-м – 18-й гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, в 3-м – трудовой славе Черняховцев, в 4-м – интернациональной дружбе. Желающих побывать в музее становилось все больше, экскурсия следовала за экскурсией. В книге отзывов тех лет мы можем найти записи, оставленные Юрием Никулиным, братьями Покрасс и другими именитыми гостями города. 17 февраля 1977 года в «Коммунисте» появилась заметка о том, что с музейной экспозицией о Черняховском ознакомился уже двухтысячный посетитель (им оказался школьник Сергей Шаповалов), которому был вручен сувенир (П.А. Локтионов поместил на страницах газеты фотографию, запечатлевшую это событие).

Алина Евгеньевна Зайцева стала наставницей нескольких поколений следопытов, из этих мальчишек и девчо-

нок (среди них В. Ходюк, В. Дылейко, А. Передня, А. Ермолаев, Л. Сердюкова и многие другие) выросли хорошие люди – любящие и знающие свой край, бескорыстные и способные прийти на помощь, уважаемые в городе и районе. За работу в музее и большие заслуги в деле воспитания юных граждан она имеет немалое число благодарностей от районного и областного руководства, удостоена звания «Отличник народного просвещения», награждена Грамотой Министерства просвещения РСФСР, Грамотой Центральной детской экскурсионно-туристической станции (Министерство просвещения СССР), медалью «Ветеран труда».

Мы уже вели речь о пионерской дружине имени Ивана Даниловича Черняховского восьмилетней школы-интерната №13 г.Черняховска. В 1976 году здесь был создан отряд «Черняовец» (руководитель Е.И. Худояр). В отряде

Активисты штаба «Факел» и А.Е.Зайцева в музее Дома пионеров. 1970-е гг.

действовали группы поиска и обработки собранных материалов. Школьники встречались с участниками штурма Инстербурга, переписывались с ветеранами войны, лично знавшими И.Д. Черняховского, и его сестрами, собирали о нем воспоминания, устанавливали связь с пионерскими дружинами и отрядами, носившими его имя. 18 февраля 1976 года в интернате состоялось открытие комнаты боевой славы. Право перерезать ленточку на церемонии открытия комнаты было предоставлено участнику штурма Инстербурга, ветерану 16-й гвардейской дивизии Петру Алексеевичу Локтионову. В результате поиска была установлена связь с Борисом Потаповичем Фесовцом, бывшим политруком 28-й танковой дивизии, которой командовал И.Д. Черняховский, с Серафимой Самуиловной Леви-

Черняховский вокзал. Начало 60-х годов.
Фото П.А. Локтионова.

тан, врачом этой дивизии. С.С. Левитан и Б.П. Фесовец затем были приглашены в наш город на открытие памятника полководцу в 1977 году. Велась переписка и с военным хирургом Михаилом Григорьевичем Григорьевым, оперировавшим И.Д. Черняховского после смертельного ранения. В мирное время М.Г. Григорьев, доктор медицинских наук, профессор, руководил научно-исследовательским институтом травматологии и ортопедии в г.Горьком. Следопыты школы-интерната №13 принимали участие в IV (Одесса), V (Горький) и VI (Вапнярка) Всесоюзных слетах юных черняховцев. Во время последнего из этих слетов, посвященного 80-летию Вапнярской школы, в которой учился будущий полководец, они встречались с друзьями детства Черняховского – И.Д. Коперсак, Н.С. Бильмак и И.С. Щербиной. Побывали ребята и на слете дружин и отрядов имени И.Д. Черняховского в Новгороде, на празднике улицы Черняховского в Ленинграде, на других форумах.

Конечно же, самыми яркими событиями в жизни города 70-х – 80-х годов, помимо открытия памятника Черняховскому, стали Всесоюзные фестивали дружбы, проведенные в 1976, 1981 и 1986 годах (в дни юбилеев И.Д. Черняховского) по инициативе М.А. Костиной. Когда у нее возникла идея провести такой фестиваль, многие отговаривали: дело трудное, почти неподъемное. А она поставила перед собой цель и шла к ней. И получилось. Приезжали делегации из разных краев большой страны. Почетными гостями были ветераны, воевавшие вместе с Черняховским. Репортажи об этих форумах показывались по Центральному телевидению. За свой огромный вклад в организацию фестивалей М.А. Костина была награждена орденом Дружбы Народов. У нее немало других наград – грамоты, благодарности, почетные знаки, медали

«За доблестный труд», «Ветеран труда», – но самой дорогой она считает памятный знак «Ветеран 16-й гвардейской Карачевской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии», который вручен ей 1 марта 1985 года людьми, прошедшими суровые испытания.

Расскажем подробнее о последнем из фестивалей.

На III Всесоюзный фестиваль дружбы «Нам этот мир завещано беречь», проходивший с 17 по 22 июня 1986 года и посвященный 80-летию со дня рождения И.Д. Черняховского, приезжали следопыты из Вапнярской школы. В нем приняло участие более трехсот юных черняховцев и около ста гостей, прибывших в составе 15 делегаций и представлявших клубы интернациональной дружбы разных городов страны.

Вот страницы дневника фестиваля.

17 июня. Приехали делегации из Белоруссии, Татарии, Туркмении и города Кирова. Подготовлена выставка клубов интернациональной дружбы.

18 июня. В Доме пионеров прошла конкурсная выставка рисунков «Солнечному миру – да! Ядерному взрыву – нет!» Лучшими признаны рисунки ребят из Файзабадского района Таджикской ССР и Кировского дворца пионеров. Вечер дружбы открылся выступлением ансамбля бального танца «Современник» из Черняховска.

19 июня. На выставке детского творчества в Доме пионеров представлено свыше 200 работ участников фестиваля. Первое место заняли ребята из поселка Палака Камчатской области. За разнообразие тем и эстетичность первое место присуждено и клубу интернациональной дружбы Дворца пионеров г.Кирова.

Делегации прошли торжественным марш-парадом по улицам города к площади Ленина, где состоялось открытие

фестиваля. Взлетели ввысь гирлянды шаров с маленькими белыми голубями, которых привезли с собой туркменские дети. Начался митинг «Ты шагнул в бессмертие гордо!». В нем приняли участие ветераны 28-й танковой дивизии, которой командовал И.Д. Черняховский в июне 1941 года. Торжественно передана земля с места гибели полководца. В кинотеатре «Октябрь» прошел праздник дружбы «Наш адрес – Советский Союз». Здесь выступали делегаты из Грузии, Латвии, Украины, Белоруссии, Таджикистана. На встрече присутствовали ветераны – С.С. Левитан, К.Н. Котова, П.Н. Теодорович, Б.П. Фесовец. В этот же день проведена эстафета мира. Делегаты фестиваля и почетные гости побывали на предприятиях города, где состоялись встречи с рабочими. Ветераны 28-й танковой дивизии были приняты первым секретарем городского комитета КПСС В.П. Дубасовым. День закончился праздничным карнавалом в городском театре.

20 июня. Экскурсия в г. Калининград «Балтийское море – море мира и дружбы». Вечерняя дискотека.

21 июня. На площади Ленина открылся День России с русской ярмаркой, на которую ребята представили поделки из дерева, вышивку, салфетки, изделия из макраме, разнообразные сувениры. Средства, вырученные с ярмарки, перечислены в Фонд мира. Делегаты, ветераны войны, горожане возложили к памятнику Ленину цветы. На празднике «Россия – Родина моя» выступили представители автономных республик, рассказавшие о своих городах, о работе КИДов, показали номера художественной самодеятельности. Прошел вечер «Русские потешки».

22 июня. После торжественного шествия к обелиску Славы и митинга делегаты выехали в совхоз «Гремяченский» на трудовой десант, который возглавили секретарь ГК КПСС Н.А. Терещенко и

секретарь ГК ВЛКСМ В.П. Мельникова. Заработанные на полях средства перечислены в Фонд мира. В этот же день подведены итоги фестиваля, прошел прощальный «Огонек». В конкурсе на лучшего плясуна приняли участие ребята из Грузии, Латвии, РСФСР, Таджикистана. Лауреаты фестиваля отмечены дипломами, грамотами и ценными подарками.

Активное участие в организации фестиваля приняли учащиеся группы старших вожатых учебно-производственного комбината Инга Кондрашева, Люда Теличко, Аделаида Тимурова, Вика Черникова, Оксана Кузнецова. Отлично справилась с ролью ведущей Наташа Ильина. С успехом прошли выступления ансамбля бального танца «Современник» и танцевального коллектива Дома пионеров «Аленушка». Большую помощь оказали родители и ребята из семей, в которых жили делегаты.

С 1988 года поисковой работой юных краеведов Музея боевой и трудовой славы Детско-юношеского центра руководит

Наталья Николаевна Юрьева. В 1990-е годы следопытам пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, которых не знали их предшественники: это изменения на политической карте и появление новых границ, сложности с проездом и высокая его стоимость (что особенно остро ощутили мы, жители эксклава), перемены в социальной и экономической сфере, финансовые проблемы и многие другие, связанные с деятельностью детских и молодежных организаций, объединений и кружков. В годы «перестройки», к сожалению, в ряде учебных заведений комнаты боевой славы и музеи прекратили свое существование, поисковая работа была свернута: иные усматривали в поисковой деятельности нежелательную «идеологическую подкладку», другие полагали, что «в наше трудное время не до музеев» – надо думать об элементарном выживании, тем более что не только школьные музеи – детские сады, учреждения, предприятия закрывались. К счастью, несмотря на то что здание ДЮЦа

Музей боевой славы имени И.Д. Черняховского.

Музей боевой славы имени И.Д. Черняховского. Экспонаты военного времени.

было продано, а сам ДЮЦ переведен в менее приспособленное помещение, Музей боевой славы выжил благодаря подвижничеству и стойкости наставников, поддержке единомышленников, живому интересу юных сограждан к прошлому края и страны. В 1997 году в Черняховске была достроена и начала работать новая школа – №8 (ул. Ленинградская, 18). Сюда и был перемещен музей в 1998 году, а ученики этой школы приняли активное участие в поисковой работе. 7 мая 1999 года открыт зал с центральной экспозицией, посвященной И.Д. Черняховскому, 6 мая 2000 года – второй зал, в котором, наряду с традиционными экспозициями, появилась и новая – «Первые послевоенные годы. Переселенческий быт».

Новые поколения следопытов бережно хранят экспонаты, фотографии, документы, собранные за десятилетия

существования музея. Они разыскивают и исследуют материалы, связанные с именем Черняховского, восстанавливают угасшие или утраченные контакты. Их интересуют такие темы, как памятники Черняховскому; улицы, площади, набережные, проспекты, школы, корабли, носящие (носившие) имя полковника; судьбы участников поисковой работы разных лет и другие.

Пополняются экспозиции. Уникальные фотодокументы подарил музею Иван Михайлович Матва – ветеран Великой Отечественной войны, главный архитектор города в 1968-1983 годах. Появляются новые записи в книге отзывов, например такие: «Мы с большой радостью посетили Музей боевой славы и благодарим Наталью Николаевну и ребят за интересную экскурсию в Музее. Приятно осознавать, что после нас оста-

ются молодые патриоты нашей Родины и преемники наших дел и патриотических чувств. Успеха вам в учебе и хороших дел в своей Родине. Десантники разведывательных групп: «Кросс» – Лявданская (Усанова) Екатерина Никитична, «Вол» – Зайцева Зоя Ефимовна, «Джек» – Юшкевич Геннадий Владимирович, «Орел» – Панасенко Константин Иванович. 3.05.2003г.»; «Благодарю за содержательную экскурсию и прекрасное оформление музея. С уважением Авенир Овсянов – начальник отдела по поиску культурных ценностей» (Калининградец А. Овсянов – автор ряда книг по истории края: «В лабиринтах шахты “Анна”», «В казематах королевского форта», «Янтарная комната»).

Активисты музея встречаются с ветеранами, проводят устные журналы, посвященные истории края, событиям военных лет, памяти И.Д. Черняховского. Участвуя в районных и областных историко-краеведческих конкурсах, они, как правило, входят в число призеров. Так, в 2002 году на конкурсе в Калининграде черняховская команда заняла первое место, а лучшим экскурсоводом области был признан Александр Веретенников (теперь он студент вуза, а в кружке при музее занимается его младший брат Костя). Сергей Горохов, Роман Шамраев, братья Костиковы – Юра и Сергей, Татьяна Синявская, Оксана Гапонова, Антон Ламцов, Настя Бушинская, Славяна Чудинович, Настя Вышегородская, Олег Караченцев, Артур Гайнутдинов, Ира Симонова, Надя Клапоцкая, Надя Ширяева, Витя Меркулов... И это еще не все из тех, кто прошел или проходит школу поиска. С гордостью и уважением говорит о своих воспитанниках – краеведах-«гвардейцах» «разных призывов» Наталья Николаевна Юрьева, отличник народного просвещения, автор курса «Культура родного края», который она

преподает в Черняховском педагогическом колледже.

18 февраля 2005 года Музею боевой и трудовой славы Детско-юношеского центра города Черняховска присвоено имя И.Д. Черняховского.

Следопыты музея и их наставники не одиноки в своем стремлении сохранить память о прошлом и возродить благотворные традиции.

В настоящее время в Черняховском районе осуществляется Программа патриотического воспитания молодежи, основанная на изучении боевого прошлого края, богатого на исторические события. В системе работы – вечера встреч ветеранов войны и труда с молодежью, на которых активисты школьных музеев боевой и трудовой славы выступают с устными журналами. Ежегодно в феврале проводится месячник, посвященный Дню защитника Отечества.

Наш город, один из 1600 малых городов России, обладает замечательными историко-культурными и природными памятниками, что открывает широкие возможности для развития просвещения, творчества и туризма. Внимательное отношение к историческому наследию является в Черняховском районе одним из главных направлений патриотического воспитания граждан.

На базе средних школ города и района созданы 4 военно-патриотических клуба, в которых занимается более 80 подростков. Цель создания таких клубов – воспитание личности гражданина и патриота через поисковую работу, изучение военно-прикладных видов спорта и участие в соревнованиях.

Так, например, юноши из городского военно-патриотического клуба «Барс» (до 2004 «Беркут»; руководители Дмитрий Черниченко, Виталий Игнатенко), занимающегося на базе средней школы №4, постоянно входят в число лидеров на об-

Черняховские пионеры встречают гостей фестиваля дружбы. Фото П.А. Локтионова.

ластных тактико-специальных учениях, а в 2003 году были признаны лучшими.

Активную работу под девизом «Народная память жива» ведут члены военно-спортивного клуба «Форпост», созданного на базе лицея №7 (руководитель Эдуард Синявский). Во время летних поисковых лагерей они восстанавливают могилы советских воинов, ухаживают за захоронениями; ими найдены воинские награды и жетоны (запросы направлялись в Центральный архив Министерства обороны). В музее лицея ребята оформили свою экспозицию.

Краеведением и туризмом занимаются подростки из клуба «Белый ворон» (руководитель Андрей Кленовый), действующего в Привольненской средней школе.

Успешно работает военно-патриотический клуб «Буревестник» в средней

школе №5, в которой два года назад открыт кадетский класс.

На базе одной из воинских частей организован летний военно-спортивный лагерь «Юность», на базе пожарной части – лагерь «Юный спасатель».

В районе по линии молодежной политики разработаны и осуществляются 5 целевых программ: «Ветеранам – помощь и забота молодежи», «Тимуровская звезда», «Вахта памяти», «Возрождение школьных музеев», «Книга Памяти: назовем всех поименно».

Отделом по культуре и молодежной политике районной администрации и районным Советом ветеранов (председатель А.И. Михайлова) разрабатываются совместные мероприятия. Участники Великой Отечественной войны сегодня – почетные гости в школах города и на многих молодежных форумах.

М.А.Костина, Н.Н.Юрьева (в центре) и активисты Музея имени И.Д.Черняховского. 2001г.

С февраля 2002 года в городе начала работать программа милосердия «Ветеранам – помощь и забота молодежи», инициированная старшеклассниками средней школы №6. Оказывая помощь, ребята делали очень много, вплоть до того, что ходили по коридорам власти и выступали на страницах местной печати, добиваясь для ветеранов заслуженного ими внимания.

Вахты памяти проводятся у могилы героически погибшей радистки Тамары Васильевой в поселке Красная Горка, у памятника герою Отечественной войны 1812 года Барклаю де Толли в поселке Нагорное, у братских могил, расположенных на территории нашего района.

В общеобразовательных школах возрождаются музеи и комнаты боевой славы, восстанавливается музей в педагогическом колледже. За последние полтора года вновь созданы три школьных

музея, всего в районе их 10. Содержательные экспозиции, знакомящие с историей края, событиями Великой Отечественной войны, судьбами ветеранов, представлены в музее Свободненской средней школы (руководитель Вячеслав Бобрик). Подвигу Николая Аристарховича Крюкова и других воинов, павших в боях за Грюнхайде во время Восточно-Прусской операции, посвящены экспозиции музея Калужской школы (руководитель Людмила Васильева). Все музеи и комнаты боевой славы располагают материалами о жизни и боевом пути дважды Героя Советского Союза И.Д. Черняховского.

Активизирована работа по созданию «Книги Памяти», в сборе материалов к которой принимали участие учащиеся буквально всех школ города и района. В настоящее время обработаны и занесены в компьютерный банк данных более

600 анкет ветеранов, сами же оригиналы анкет хранятся в Музее боевой и трудовой славы имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра. Первая часть книги – в нее вошли воспоминания участников боев за Инстербург и штурма Кёнигсберга – издана в мае 2004 года.

Несколько ранее, в феврале 2003 года, в Черняховске, при поддержке администрации района, была выпущена брошюра «Иван Данилович Черняховский. 1906 – 1945. Краткая биографическая хроника». Помимо биографии героя, она содержит небольшую подборку посвященных ему поэтических произведений, статью о поисковой работе юных следопытов и краеведов Черняховска и библиографию. В работе над ней использовались различные источники, в том числе книги А.А. Шарипова, П.Г. Кузнецова, К.Н. Галицкого и других авторов, воспоминания ветеранов, воевавших под началом Черняховского, публикации в городской, районной, областной прессе, материалы, хранящиеся в Музее боевой и трудовой славы имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра, отделе краеведения Черняховской городской библиотеки имени А.П. Чехова. Второе издание брошюры, исправленное и дополненное, вышло в свет в феврале 2005 года, накануне Дня памяти Ивана Даниловича Черняховского.

4. «ПОДВИГ ТВОЙ – В СЕРДЦАХ, СТИХАХ И ПРОЗЕ...»

«Подвиг твой – в сердцах, стихах и прозе...» – так начинается стихотворение о Черняховском, которое написал ветеран войны, бывший военный хирург Али Ага Касум Оглы Гусейнов, один из самых уважаемых людей Черняховска. Он не только замечательный врач, но и истинный патриот, человек действительно активной жизненной позиции. В свое время он был внештатным корреспондентом

районной газеты «Коммунист», заместителем председателя районного литературного объединения. Его стихотворение, посвященное полководцу, лаконично, подобно надписи на монументе, и емко по смыслу. Опубликовано оно в поэтической подборке книги «Иван Данилович Черняховский. 1906 – 1945. Краткая биографическая хроника», куда вошли также стихи Г. Рублева («Баллада о Черняховске» с ее ставшими «крылатыми» строками: «...Ваш командир стоит на правом фланге, За смерть в бою он лишь повышен в ранге, Из генералов выйдя в города...») и наших земляков – черняховцев А. Голубева, П. Гречишников, свободненца Л. Яценюка, – в разное время печатавшихся на страницах местных газет, в областных изданиях.

Трогает своей задушевностью, искренностью, лиричностью стихотворение В. Данилова «У памятника Черняховскому», созданное в конце 1950-х годов и включенное им в его первый сборник, который вышел в свет уже после гибели молодого и одаренного поэта. Близко по своему характеру народной песне стихотворение Л. Бахтигреевой «Командарм» из цикла «Эхо войны», опубликованное в общей с дочерью, Г. Бахтигреевой, книге стихов.

В 1960-70-е годы появляются в печати проникнутые патриотическим пафосом поэтические работы гостей города – «Баллада о полководце» В. Горохова, журналиста из г.Краснознаменска Калининградской области, и поэма «Сын славного народа» Б. Фесовца, радиожурналиста из Подмосковья, бывшего политрука 28-й танковой дивизии, приехавшего в Черняховск на открытие памятника герою, Всесоюзные фестивали дружбы и любимого город, в котором чтят память его комдива.

В 1986 году Л. Татаренко (Украина), лауреат республиканской комсомольской

премии имени Н. Островского, прислал в дар музею Дома пионеров вышедшую в Киеве отдельным изданием свою поэму «Иван Черняховский. Сказание о полководце», представляющую собой обширное повествование о жизни и боевом пути полководца.

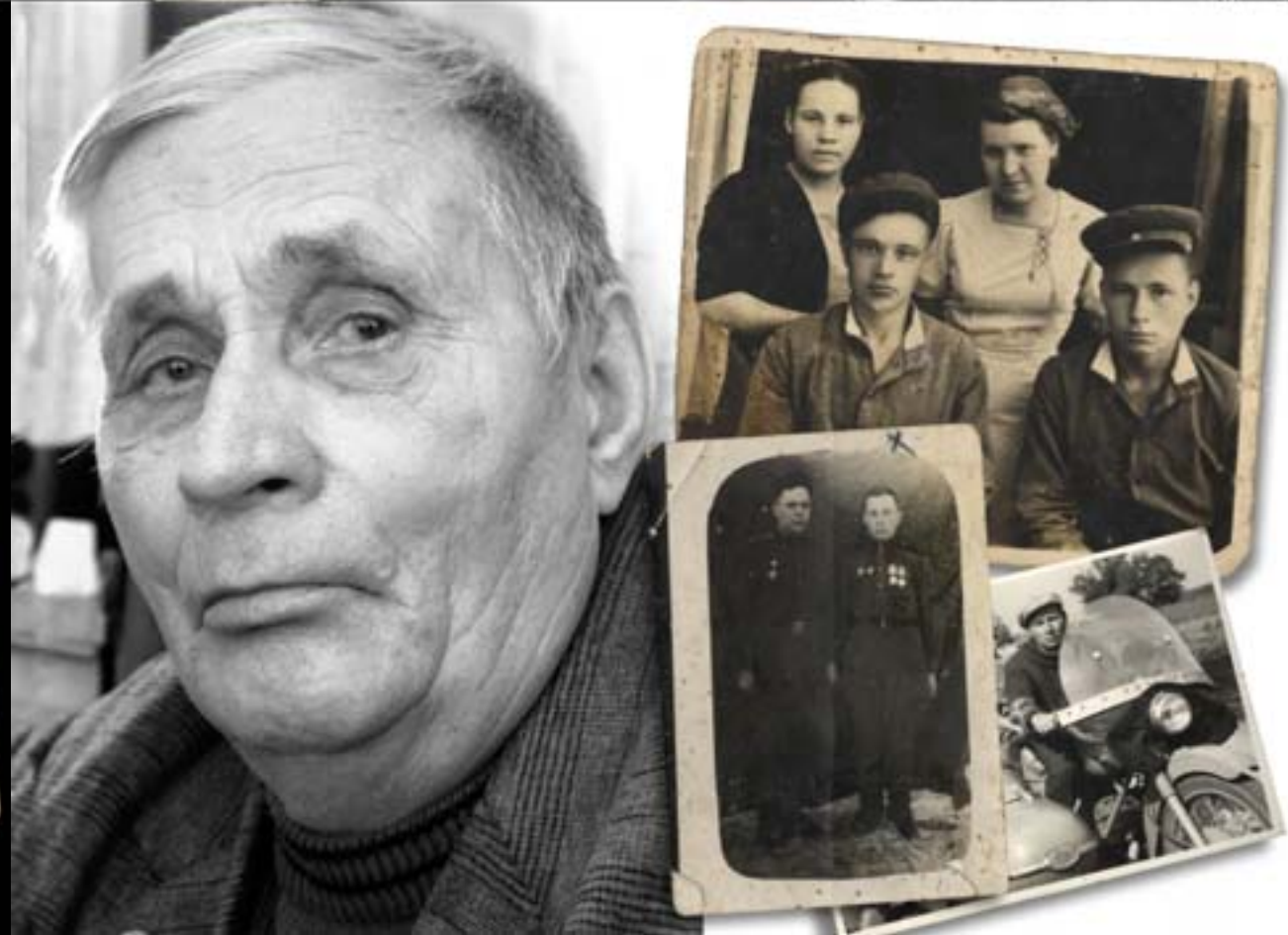
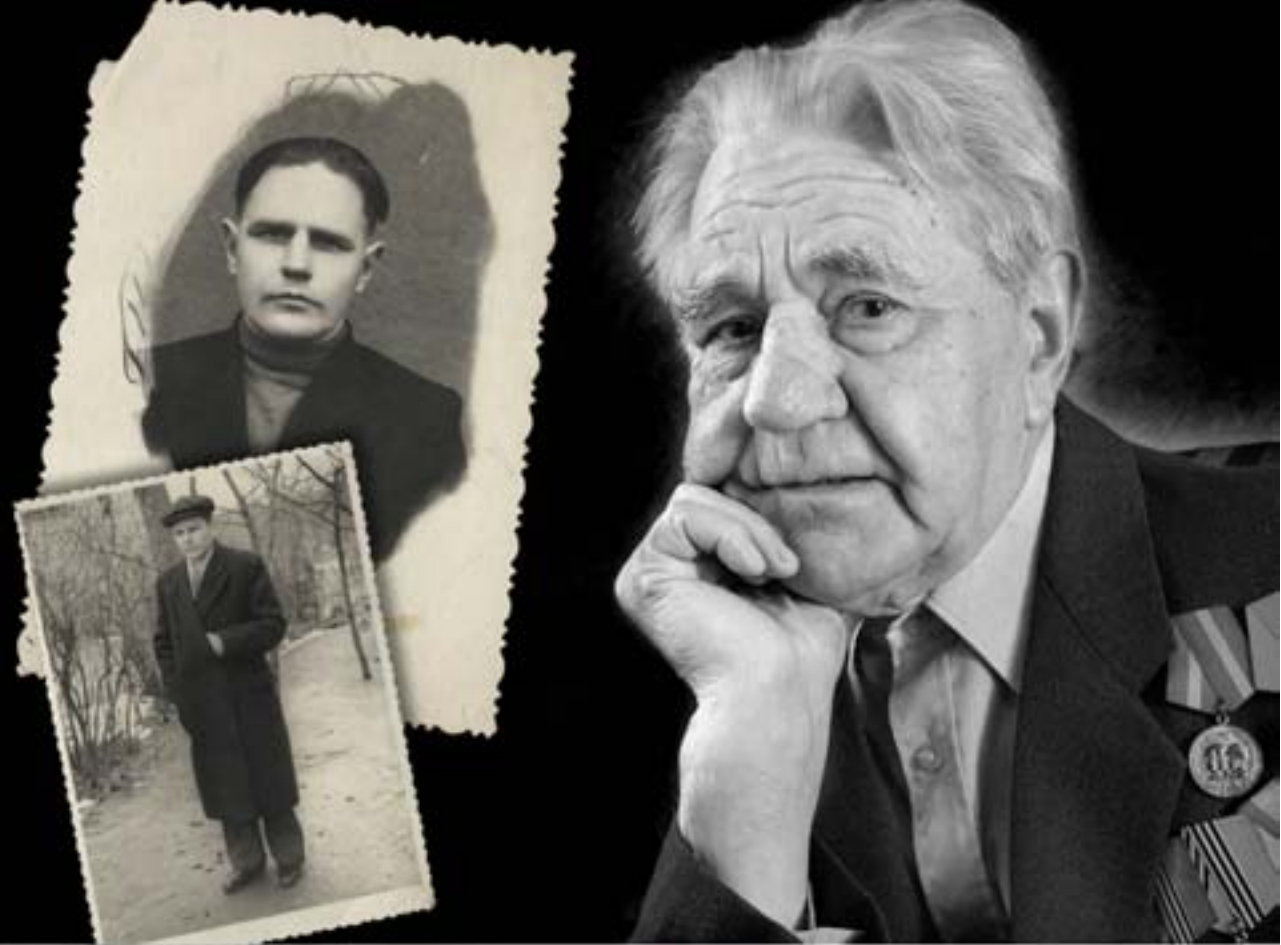
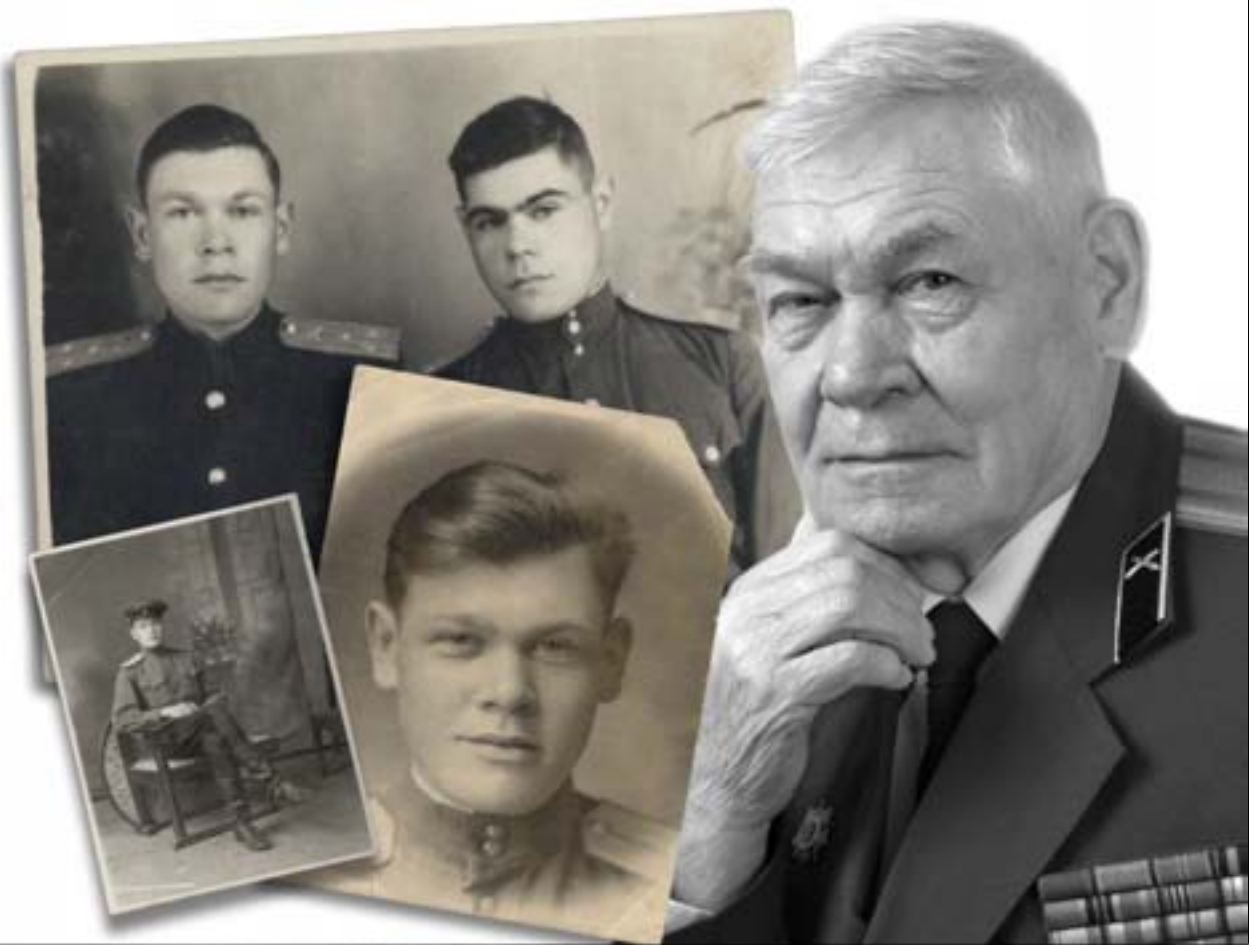
В 1999 году в журнале «Мой город Черняховск» калининградский писатель А. Лунин (в прошлом черняовец – вырос в нашем городе, работал в районной газете), публикует свой рассказ «Трубка». Автор не изображает самого Черняховского – в центре его внимания герой, который вспоминает о том, как узнал скорбную для многих и многих весть о гибели командующего и буквально в этот же момент получил трубку, посланную ему в подарок Черняховским незадолго до смертельного ранения. Писатель показы-

вает эмоциональное состояние рассказчика, реакцию находящихся рядом с ним людей и таким образом, опосредованно, через восприятие других персонажей, рисует психологический портрет выдающегося военачальника.

Мы упомянули лишь некоторые произведения о герое-генерале, – те, что попали в поле нашего зрения. А их много больше. Казалось бы, к тому, что уже написано, и добавить-то нечего, и самое главное уже высказано. Но когда в феврале 2005 года в Черняховске был объявлен литературно-музыкальный конкурс, посвященный памяти И.Д. Черняховского, принять в нем участие пожелали десятки людей, одержимых стремлением сказать свое слово о жизни и о времени, о герое-генерале и о городе с «генеральским званием».

ЖИВОЙ ГОЛОС ИСТОРИИ

Письма.

Воспоминания.

Дневники.

Рассказы о судьбах
участников войны

«ВАМ – ЮНЫМ МОИМ ДРУЗЬЯМ...»

*Письмо генерал-лейтенанта авиации
Владимира Аврамовича Алексенко*

«Я» родился 27 января 1923 года в станице Киевской Крымского района Краснодарского края. Здесь окончил среднюю школу и по комсомольской путевке осенью 1940 года поступил в Краснодарский аэроклуб, окончил его в апреле 1941 года. После этого, в мае 1941 года, был зачислен курсантом в Краснодарскую военно-авиационную истребительную школу, которую закончил в мае 1942 года и был выпущен летчиком-истребителем в звании сержанта. В этом же году переучился на самолет «ИЛ-2», на котором и пришлось громить фашистскую нечисть.

Боевое крещение получил у стен Ленинграда. Итак, суровые годы войны были связаны с защитой колыбели пролетарской революции города Ленина – Ленинграда. Далее принимал участие в боях за освобождение Ленинградской и Псковской областей, воевал на Карельском перешейке, освобождал Выборг, изгонял врага

с эстонской земли, освобождал Таллин, население островов Даго и Эзель и, наконец, участвовал в операциях по разгрому немецко-фашистских захватчиков в его собственном логове – Восточной Пруссии, во взятии Кёнигсберга, в боях на реке Висла. Здесь меня и застал долгожданный для всего народа и его защитников День Победы!

Мне очень хорошо помнится один из дней боевых действий в Восточной Пруссии.

Наши войска, прорвав глубокоэшелонированную оборону противника, начали стремительное наступление на запад в районе южнее городов Инстербург и Гумбиннен с целью с ходу овладеть Гумбинненом с южного направления. Однако противник подтянул с других направлений войска и технику, и ему удалось чуть ли не полностью окружить наши войска в этом районе. Обстановка была очень сложной и напряженной. Следовало, в первую очередь, разгромить вражескую танковую группировку, позиции которой находились в районе Голдапских высот. Эта задача была поставлена нам, летчикам.

На следующий день, как назло, не было хорошей погоды. Но приказ был, и его требовалось выполнять в любую погоду, дабы дать возможность выйти из окружения нашим войскам. С рассвета я вылетел первым. Погода была ужасной: высота 50-100 метров – видимость мизерная.

Используя наземные ориентиры, я с ведомым – лейтенантом Салтыковым вышли на Голдапские высоты, где обнаружили скопление танков противника, которые вели огонь по выходящим из окружения нашим войскам. С воздуха нам казалось, что танков у противника – как фигур на шахматной доске.

Несмотря на плохую погоду, последовали атака за атакой с горизонтального полета. Для немцев это было неожиданностью. Самолеты были загружены

ПТАБ-2,5. Это такая бомба аккумулятивного действия, которая, попадая в танк, прожигала его насквозь.

Собранные нами во время вылета данные оказались очень ценными для дальнейшего сосредоточения усилий на разгроме танковой группировки нашей авиацией.

В этот день мне пришлось еще трижды водить в этот район своих штурмовиков. В результате за четыре боевых вылета я и мои товарищи сожгли 12 «тигров» и «пантер». С поставленной задачей мы справились. За боевые вылеты многие из нас были представлены к правительственным наградам.

Поздно вечером я, как ведущий летчик, был вызван в штаб фронта к командующему 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховскому, который по-отцовски обнял меня, поцеловал и сказал: «Большое спасибо за работу, действуйте и дальше так для достижения полной победы над врагом».

Группировка противника была разгромлена. Ее остатки обращены в бегство, что дало нашим войскам, возможность преследовать недобитого зверя и окончательно его добить в собственном логове.

Во время войны на славном советском штурмовике я совершил 292 боевых вылета, в результате которых уничтожил много боевой техники и живой силы как на земле, так и в воздухе, чем внес свой скромный вклад в общее правое дело по достижению окончательной победы над врагом.

После Великой Отечественной войны работал на многих командных должностях. Закончил Краснознаменную военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, Академию Генерального штаба. В настоящее время нахожусь на командной должности в ВВС и летаю на современных сверхзвуковых истребителях и истребителях-бомбардировщиках.

Вот что вкратце хотел сообщить Вам – юным моим друзьям. Желаю Вам всем отличного здоровья, быть всегда и всюду

вежливыми, почтительными, дисциплинированными, любить труд и отлично учиться. Будете делать это – Вы станете достойной сменой старшего поколения.

**С глубоким уважением к Вам
генерал В.А. Алексенко**

21 февраля 1967 года

*(Из архива музея боевой славы лицей №7
г. Черняховска)*

Владимир Аврамович Алексенко находился в армии с 1941 года, на фронте – с февраля 1943 (в этом же году вступил в партию).

19 января 1945 года 16 самолетов-штурмовиков, возглавляемых Героем Советского Союза В.А. Алексенко, атаковали в районе Инстербурга автоколонну противника и вывели из строя 20 машин. 28 января группа самолетов под его командованием внезапно налетом на аэродром Нойкурэн сожгла 18 вражеских самолетов. А на следующий день, производя разведку над Кёнигсбергом и обнаружив скопление эшелонов врага на железнодорожной станции Ратсхоф, Алексенко предпринял смелую атаку и поджег один из них.

За образцовое выполнение боевых заданий, личную отвагу и мужество 19 апреля 1945 года заместителю командира 15-го гвардейского штурмового авиаполка 277-й штурмовой авиадивизии 1-й воздушной армии майору В.А. Алексенко вновь было присвоено звание Героя Советского Союза, 29 июня 1945 года он награжден второй медалью «Золотая Звезда». За высокое боевое мастерство, беспредельную храбрость и отвагу, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, летчик-герой был также удостоен ордена Ленина, четырех орденов Красного Знамени, орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двух орденов Красной Звезды, орденов Александра Невского и Кутузова 3-й степени.

Программа, по которой в этом учебном году работают ребята из историко-краеведческого клуба «Эпоха» лицея №7 г.Черняховска, называется «Суровая память». Они проводят мероприятия, посвященные 60-летию Великой Победы, встречаются с ветеранами и готовят для них почту, берут интервью у участников штурма Инстербурга, изучают документы и материалы о нелегкой военной поре, хранящиеся в музее лицея. Часть этих материалов публикуется на страницах альманаха.

ПИСЬМО СОЛДАТУ, НЕ ВЕРНУВШЕМУСЯ С ВОЙНЫ

Дорогой солдат!

Я пишу тебе из теплой и уютной комнаты, где нет ни страданий, ни горьких переживаний. Тебе, наверное, нелегко там – среди пуль, огня и лежащих на сырой, пропахшей дымом земле трупов.

Я знаю, ты вернешься из этого злого ада, ты выдержишь это испытание. Не зря Бог послал тебя туда – значит, он хотел тебя проверить. Ты не грусти, знай, что я молюсь за тебя, прошу Бога, чтобы он берег тебя от чертей с фашистскими значками. Не падай духом, держись! Если тебе станет страшно, посмотри на небо и представь, представь только на мгновение, что ты дома, где есть солнце, свет, зеленеющая трава, где есть мама... Мама! Вспомни ее ласковые руки, ее улыбку, звонкий смех и лицо, которое всегда све-

тилось от любви к тебе... Любовь! Вспомни свою первую любовь. Помнишь, как ты влюбился еще в детском саду в маленькую девочку, с которой играл? Любовь – это самое главное на земле. Может, она откроет тебе путь к спасению.

Ты только знай, что мы помним тебя, помним твой подвиг. Твоя жизнь не была напрасной – она спасла другие жизни, и сейчас над нами мирное небо только благодаря тебе.

Ты только не теряй надежды. Пусть тебя согреет солнце над полем боя, на котором тебе пришлось остаться. Знай, что в твоём сердце есть частичка каждого из нас.

Мы ждем тебя, возвращайся!..

Таня ЛАПТЕВА,
ученица 8а класса лицея №7

«ЗДЕСЬ ЖИВЕТ МОЯ ПАМЯТЬ...»

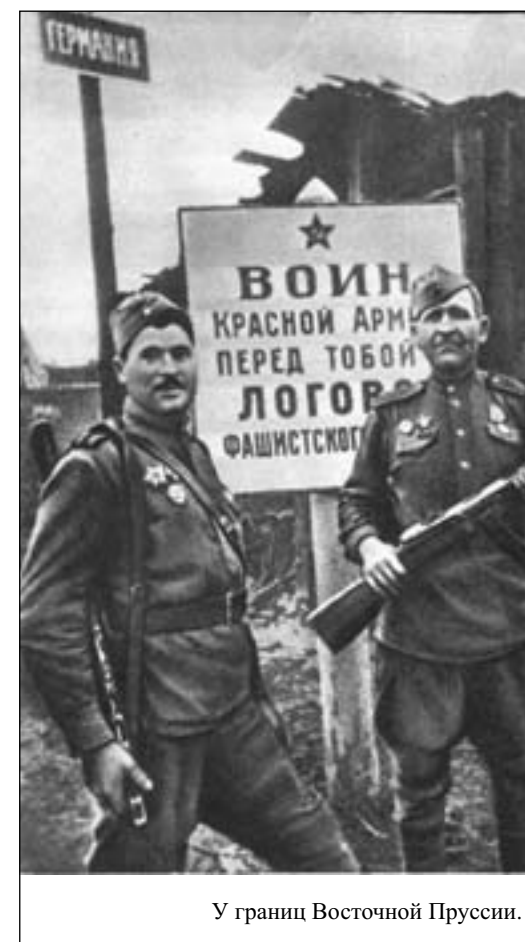
Рассказ ветерана

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, мне и моим одноклассникам шел шестнадцатый год. Уже в июле 1941 года немцы пришли к нам в деревню Малишев Хойникского района Гомельской области. Нас тогда в семье было шестеро: три брата и три сестры, отца призвали в армию 23 июня. Немцы сразу же забрали у нас все: корову, кур, гусей – и в хозяйстве ничего не осталось.

Жили, как могли, все легло на мои плечи, так как я был старшим среди детей. Оккупация продолжалась два года. Это было страшное время: немцы не щадили никого – ни старого, ни малого.

Особенно зверствовали эсэсовцы из специальных отрядов по уничтожению партизан и связей коммунистов. Как мы остались живы, только Богу известно, мы и по сей день удивляемся. Когда немцы стали отступать, они начали хватать молодежь для отправки в Германию. Я помню, как мы бежали к лесу, а по нам стреляли. Но мы все равно продолжали бежать, только бы не попасть к ним в руки. Может, кто и достиг спасательного леса, но многие не успели – немцы были на лошадях. Нас окружили и погнали обратно в деревню.

Почти 150 человек с помощью плеток и угроз были согнаны в строй. На машинах нас повезли в сторону фронта, туда, где, видимо, был сборный пункт. Нас везли долго, только поздно вечером нас высадили, дали кусок хлеба и загнали в колхозные сараи, где лежала рожь в снопах. И вот к утру, слышу, кричат немцы и власовцы, чтобы мы выходили строиться, иначе они сожгут сараи вместе с нами. Когда нас построили, нас было уже человек пятьсот. Обратный путь в сторону нашего района мы шли пешком. До нашей деревни было всего несколько километров, когда нас остановили и стали расселять по пустым домам, из которых местные жители ушли в лес, спасаясь от немцев. Случилось так, что из дома, в который нас послали на постой, нас отправили прочь: власовец сказал, чтобы шли назад в строй, так как тут и так народу полно. Оказавшись без контроля, мы спрятались за дом. Нас было четверо. Мы немного полежали и, когда власовцы и немцы успокоились, потихоньку, ползком стали перемещаться в сторону леса. Опускались сумерки, и стало немного темнее, мы встали и броси-

У границ Восточной Пруссии.

лись бежать к лесу. Немцы заметили нас, закричали и выстрелили по нам из пушки. Снаряд упал впереди, преграждая дорогу. Нам, живым мишеням, хотели отрезать путь к спасению. Благо, лес был недалеко, мы тогда побежали в обход и ушли от преследования. Это было настоящее чудо, что я остался жив.

А утром пришел мужчина – до сих пор не знаю, как он нас нашел, наверно, кто-то из своих ему рассказал. Он стал звать нас домой, объясняя, что пришли наши и в деревне уже нет немцев. Это было 25 декабря 1943 года, а на следующий день утром пришла моя одноклассница и вручила мне повестку в армию. 27 декабря я вместе со многими ребятами нашего района на товарняке был отправлен в город Людиново. Мне было тогда неполных 18 лет.

В Людинове я попал на курсы младших командиров, где должен был учиться полгода. Но до окончания учебы осталось 15 дней, когда нас, тридцать солдат, послали в Пинскую область для вылавливания банд, которые там орудовали. Во время трехмесячной операции многие погибли, остальные вернулись в свою часть. Нас наутро в баню отправили, чтобы приобрели человеческий вид. Выдали новое обмундирование, наше-то за три месяца по лесам и дорогам совсем износилось. 11 ноября 1944 года в товарном вагоне, полном таких же, как я, молодых ребят, я отправился на фронт в войсковую часть №56235-Ю, в 53-й гвардейский стрелковый полк 18-й гвардейской дивизии, почти на границу с Германией. В районе Гросс Роминтен мы стояли в обороне до 10 января 1945 года, а с 11 января пошли в наступление. Я и все мои товарищи шли вперед, несмотря на упорное сопротивление немцев. Бои были за каждый клочок земли. Много погибло моих друзей, но надо было добывать зверя в собственной берлоге. А пока мы шли по Восточной Пруссии, брали города, населенные пункты, штурмовали Инстербург и дошли до Кёнигсберга, где я и был ранен. На санитарной машине меня довезли до города Тильзита, где пролечился до 7 мая 1945 года. Как я радовался, что закончилась война. Победа – это радость всего народа.

После госпиталя я снова попал в свою часть. 53-й гвардейский стрелковый полк базировался в городе Инстербурге. В этом полку я прослужил до 14 апреля 1950 года. Был уволен в запас, остался в Черняховске и пошел работать в паровозное депо, где трудился более 40 лет. Я уже на пенсии 25 лет, являюсь ветераном труда, ин-

Гостинцы для гитлеровцев.

валидом Великой Отечественной войны 2-й группы по ранению.

Имею орден Великой Отечественной войны 2-й степени, медали «За отвагу», «За освобождение Белоруссии», знак фронтовика (всего 15 наград) и четыре поздравления от двух президентов страны.

Память о войне всегда со мной – три осколка в голове и постоянный шум в ушах. Но я, наверно, родился в рубашке или мне просто везло: я остался жить после жестокой войны, хотя много раз смотрел смерти в лицо. Наверно, так было надо, чтобы я остался здесь, на этой земле, вложил в нее свои силы, двадцать лет проработал на одном паровозе с тем, кто воевал плечом к плечу на полях сражений, – с Барановым Иваном Ивановичем, ушедшим из жизни пять лет назад. Здесь живут мои дети и внуки, здесь живет моя память, которая не дает черстветь сердцу, напоминая иногда о былом.

**В копилку всеобщей Памяти
с уважением
ТИШКЕВИЧ Иосиф Николаевич
(Из архива музея боевой славы
лицея №7)**

Под рубрикой «Поколение победителей» вышло в свет немало очерков Людмилы Охота, черняховской журналистки, лауреата региональных и Всероссийских конкурсов. В сущности, ею создана целая галерея образов победителей, которые, благодаря своей воле и энергии, одолели фашизм.

...Пока готовился к печати альманах, ушли из жизни три героя очерков: Федор Михайлович Радченко, Аркадий Георгиевич Соколов, Филимон Лазаревич Франчук. Светлая им Память!..

Людмила ОХОТА

СТРАНИЦЫ ЮНОСТИ СУРОВОЙ

«Заходи, присаживайся. О войне? Расскажу, только вспоминать до сих пор горько. Эвон, сколько лет прошло после проклятой, а вспомнишь – и сердцу больно, – такими словами встретил меня ветеран Великой Отечественной войны Василий Павлович Дроздов. – Я родился в Курской области в 1926 году. В начале войны находился с родителями в оккупации. В 43-м нас освободили и всех мужиков подчистую мобилизовали. Меня, помнится, призвали 22 апреля, еще и шестнадцати не исполнилось. Кто на год постарше, тех на фронт отправили. А нас, малолеток, повезли в лагеря в Чувашию, на обучение.

Не забыть Гроховецких лагерей до самой смерти – не обучение, а ад. Голодные, холодные... Гоняли нас, пацанов, как сидоровых коз. Кормили баландой, рад был корке хлеба, а когда на кухне дежурил, есть боялся, после постоянного голода за просто завороток кишок получить можно. Многие ребята поплатились здоровьем, а кто и жизнью. Четыре месяца пробыл на формировочном пункте, потом увезли в Ярославль в прожекторную часть, там тоже обучали, к фронту готовили. В январе 1944 года я был на 1-м Украинском фронте. Освобождал Западную Украину. Мне потом президент Кучма медаль при-

В.П. Дроздов

слал «Защитнику Отчизны», юбилейную. Был связистом, телефонистом, шофером, так что пришлось и на брюхе под огнем поползть по матушке-земле, и баранку покрутить под обстрелом, и в окопах вшей покормить. Иной раз разговоримся с моей Анной Никитичной, повспоминаем и идем вместе таблетки пить. Лихая была пора.

...Потом вошли в Чехословакию, до сих пор стоят перед глазами сожженные деревни, обугленная земля, сады... Вышли на Одер, тут сильные бои завязались. Я и контужен был, и осколочное в ногу получил. Недавно в область с бабкой ез-

дили, говорят доктора, здоровы ноги, а они у меня как выкрученные да синие, болят – спасу нет.

Самые ожесточенные бои мне достались под Кюстрином на подступах к Берлину. Оно и понятно – до логова, считай, добрались. Ой, что там делалось! Где небо? Где земля? Все смешалось. Лупили «катюши». Дали мы жару супостату, только потери были со всех сторон. От моей части мало живых осталось, а меня Бог сохранил, не дал погибнуть на чужой земле. Жалко ребят, сложили головы в самом конце войны, не дожили чуть-чуть до дня Победы.

Перевели нас, уцелевших, в другую часть, с ней и до Берлина дошел. Нас трое друзей-погодков было, держались всегда вместе, помогали друг другу. Потом долго переписывались, в последние годы переписка прервалась. Не знаю, живы ли...

Победу объявили сразу, вдруг. Кругом шум стоял, ракеты пускали, радовались. Я до самого рейхстага дошел. Расписался на стене. Все расписывались, даже очередь образовалась, – смеется своей молодости Василий Павлович. – Повар пирожков напек, бочку вина выкатили – Победа! После Победы служил в Германии еще пять лет. Родители мои по вербовке в 1946 году переехали в Восточную Пруссию, здесь в Бережках жили, в колхозе работали. Демобилизовался, к ним приехал, так с 1950 года здесь и живу. Семья появилась, дети. Работал инкассатором в банке, потом в МВД, в спецбольнице. 8 лет в армии, 24 – в МВД, отслужил 32 года. Заслужил? А ничего хорошего, вторую группу инвалидности. Вот, сейчас говорю о тех днях далеких, а перед глазами земля выжженная стоит. Фашистская территория, а жалко: земля – кормилица. А они сколько сожгли наших деревень, не сосчитать. Звери, одно слово – фашисты. Хотя всякие были, одного в плен взяли – бил в грудь себя, по-русски лопотал,

мол, не сам на войну пошел, заставили. А как ослушаешься? Военное время, армия», – справедливости ради замечает мой собеседник, а в разговор вмешивается доселе молчавшая Анна Никитична: «Всякие были, конечно. Я тоже, как и Василий, смоленская. Девять лет всего было, когда погнал нас фашист. Февраль, мокреть, на мне валенки. Ноги растерла, полтора года не ходила. Бабки меня вылечили, мама по бабкам носила. Пригнали нас с мамой и братиками в Белоруссию, а старшую сестру в Германию угнали с деточками на работы. У нее один ребенок в дороге умер, а девочку – хорошенькая, ну чисто ангелочек была – уничтожили, звери. Сестру погнали на работу, а ребенок в лагере оставался. С этой крохи всю кровь высосали. Приходит мать, а дочки нет, умерла деточка. А еще и сестру мою успокаивала: «Не бойся, мамочка, мне уколы не делают...» Сестричка о кровинке своей всю жизнь проплакала...

Мы были в Гомельской области в Азаричах, тоже страсти терпели. Спали в сараях, прижмемся друг к другу, от холода спасаемся. Фашисты дверь бревном подпрут, подожгут и хохочут. Кричим, вырываемся, убегаем, а они стреляют вслед. Рядом канава была глубокая – убитых туда сбрасывали. А уж когда перестрелка началась, наши вошли, боже-боже, что творилось! С одной стороны наши, с другой немцы, – сколько людей погибло безвинных, летели в воздухе головы, руки, ноги.

Да... Я к тому, что и немцы всякие были, не одно зверье. У меня золотуха приключилась или еще что, все лицо в ранах, живого места не было. Как-то немец к маме подходит, на ломаном русском говорит: надо девочке золото носить, помогает. Мама только руками разводит: какое золото, откуда? А на следующий день приносит он маленькие золотые сережки. Мама мне в уши вдела, так я и бегала с

неделю. Не поверишь, проходить мои болячки стали, осталось вот тут чуть-чуть». Анна Никитична показывает рукой на подбородок, потом какая она была ростком, тощенький недокормыш, и продолжает: «Мне бы платочек повязать, а я так бегаю, неразумная еще. Подходит фашист, лопочет что-то да за ухо как дернет. Так с мясом и вырвал сережку. Мама на колени упала: пан, не трогай – сама сниму, отдам. Объясняет, кто дал и зачем. Забрал сережки, повел автоматом и ушел. Спасибо, что не пристрелил.

А братик мой старший в партизаны ушел. Строго-настрога запретил его узнавать на улице, если встретим. Мне, говорит, одному легче будет выкрутиться, а если застрелят, значит судьба, не подставляйте вы себя зря: и мне не поможете, и сами погибнете. А я его продала, – всхлипывает моя новая знакомая, утирает глаза. – Как-то была на улице, гляжу – ведут моего братика двое автоматчиков. Я к нему кинулась: «Братинька, родненький...» Он весь в крови, еле идет. Увидел меня и зло так шепнул: «Уйди, не знаю тебя!» Немцы ко мне приступили, выспрашивают, кем мне приходится. Спасибо, второй брат подоспел, уговорил, что я обозналась, малая еще, не понимаю ничего, спутала. Отстали. А брат потом, когда его на расстрел в конец деревни привели, – была не была! – кинулся бежать, и удалось ему в лесу скрыться, жив остался.

...Помню, май 45-го жаркий был. Солдатики наши серые, запыленные. Мы бросились к ним, обнимаем, плачем, с Победой поздравляем. Досталось им, родимым, ох как досталось. Мой первый муж был 27-го года рождения, а тоже на войну попал, совсем ребенок. Рано умер, догнала война, а я с двумя детьми осталась малыши, Василий Павлович у меня второй супруг, уважительный, заботливый. Досталось нашим мужикам – не приведи Бог никому. А еще помню, пленных

гнали – мы, дети, в них палками кидали, просили конвоира: «Дядечка, убейте их». Сколько зла фашистами сделано...

Так в Белоруссии и остались, наша Смоленщина сожжена была, пепелище осталось от родного дома. Потом сюда завербовались, тут тоже в 46-ом не сладко оказалось. Сестра из Германии вернулась, без деток. Привезла мешок сухарей и мешок гороху, вот и выжили. И зажили. Детства не было, молодости тоже. Работали за кусок хлеба, мирную жизнь строили. Иной раз смотрю на туристов из Германии и думаю: а есть ли Бог? Сытые, холеные, одетые, путешествуют, в море купаются, загорают. А у нас, победителей, старики на помойке отходами кормятся, чтобы не помереть. У меня стажу рабочего 42 года, у деда 32, медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией», а что имеем, что позволить себе можем? Остались у нас только наши воспоминания да гордость – победители. В остальном давно обделенные». Рассказывают старики, вспоминают, как будто переворачивают страницы огромного тома. И вышла книга их жизни о суровых испытаниях, безмерном терпении, вере, надежде и чистоте помыслов.

Только недосказала, ох недосказала Анна Никитична странички. Есть еще что-то важное, без чего не бывает души русской, широкой, – сердечность, участие, самоотверженность и великая справедливость. Ведь сколько натерпелась, должна бы всех, кто на немецком языке говорит, возненавидеть, – ан нет: «Немцы тоже разные бывают, нельзя всех под одну гребенку...» К этим бы всем качествам – да достойную старость, уважение не только в день Победы. Нам повезло, живем рядом с настоящими Людьми, фронтовиками. А дефицитом почему-то стало уважение к старости и совесть, все пеняем на кого-то, вот-де идеалы порушили, нового не нажили, старое оплевали. А сами чем

лучше? А ведь уходят от нас ветераны, уходят – так устроена жизнь. Но никогда нельзя забывать то, что пережили предки наши, что досталось на их долю. Не стоит считать года: 59-я, 60-я годовщина... День Победы – он вечен и свят для каждого русского сердца.

ГРОМЯТ ВРАГА ОТВАЖНЫЕ ТАНКИСТЫ

«Я родился и вырос в Полтавской области, в Кременчуге. В 1941 году, когда началась война, нашу семью эвакуировали в глубокую деревню под Оренбург», – так начал рассказ о своей жизни Виктор Антонович Дубовский. Война разделила жизнь того поколения на две половины: до и после. Для Дубовского с ее началом закончилось детство и началась его история – биография с географией.

С ласковой солнечной Украины, из краев, так мастерски описанных великим Гоголем, он попал в суровый морозный край. Все чужое, незнакомое, непривычное. Это было первое путешествие в жизни Виктора, первое испытание на мужество. Скоро еще несовершеннолетний мальчишка попросился добровольцем на фронт. Его призвали в армию и отправили в танковое училище. Через год молодой лейтенант, командир взвода, направляется в Горький на завод, за боевыми машинами. Не прошло и трех дней, как взвод отправился в 240-й отдельный танковый полк под Москву, а оттуда вместе с полком в Курскую область.

...Рота стала в оборону в полутора километрах от переднего края фашистов. Шел январь 1943 года. «Фашистов лупили “кастюши”. А немцы долбали нас», – вспоминает Виктор Антонович. 5 июня – наступление на Курской дуге. 7-го в бой ввели и танковую роту под командованием Дубовского. «Лето жаркое какое было. Рожь – по шею... Только развернулись, встали –

пошла эскадрилья “фоков”. Ох и утюжили нас фашисты! Из танкового люка были видны даже лица летчиков: низко летели. Отбомбились самолеты, улетели. Начался артиллерийский обстрел. Огонь стеной шел. А потом в полный рост пошла пехота. С автоматами наперевес, пьяные... В танк снаряд попал. Мы с механиком выскочили, а куда бежать – не знаем. По оврагу вышли к нашей матушке-пехоте. Живы остались...» Смотрит куда-то в стену ветеран. Глаза... Он весь там, в своих воспоминаниях, в опаленной юности, на Курской дуге. Помолчали, и Виктор Антонович продолжил свой рассказ.

В Курске он лежал в госпитале. Подлечился и вернулся в свой разбитый полк. Тех, кто остался в живых, направили на ремонтную базу. В январе попал на 1-й Белорусский фронт под Мозырь. Пошли в наступление, но до переднего края не добрался. «Влупили по моей “Т-34”. Тяжелейшее ранение уложило почти на полгода в госпиталь. Потом в Нижнем Тагиле получил новый танк и был направлен на 3-й Белорусский фронт», – вспоминает географию военной жизни Дубовский. Ему опять не повезло, ранение в ноги уложило в госпиталь. После лечения отправили в резерв под Москву, а вскоре – в 206-ю танковую бригаду под Будапешт командиром ремонтной роты. С этой ротой взяли Вену и встретили Победу. В венском вальсе кружилась весна, пели соловьи, и хотелось плакать и смеяться от счастья: жив, Победа!

А служба продолжалась. В июне поступила команда двигать через Карпаты в Ровно, а оттуда напрямиком на войну с японцами. Дошел до Порт-Артура. И только здесь для Виктора Антоновича Дубовского закончилась война. Но не закончилась служба Отечеству. Заместителя командира танкового батальона для дальнейшего прохождения службы направляют в Германию. Через 6 лет майора ждет новое назначение,

и он переводится на Дальний Восток. Там, в 123-м мотострелковом полку, получил звание подполковника и прослужил еще 8 лет. По замене направлен в город Черняховск, в 275-й мотострелковый полк. А потом по приказу с полком был отправлен в Чехословакию. Там и уволился в запас, отслужив верой и правдой 32 года. С женой и детьми, которые «мотались» по местам службы вместе с отцом семейства, вернулся в Черняховск. В 2000 году ему было присвоено звание полковника. Виктор Антонович награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Красной Звезды и (смеется) «мешком медалей».

«Сколько видел, прошел, испытал, сколько ранен был – и жив остался. Страшнее всего и тяжелее всего было на Курской дуге. Что это было? Каша из смерти, крови, людей, земли, техники... Досталось и под Мозырем. Механику руку оторвало, меня в ноги ранило. Вся голова в шрамах от осколков брони танка. Осколки шлем пробивали. Вот такая моя биография и география», – подводит Дубовский черту под разговором. И приглашает в гости, просит звонить, не забывать. Я обещаю, мы прощаемся и расстаемся. Я бегу в редакцию, а Виктор Антонович усаживается в кухне у окошка ждать с работы внуку. Белый ухоженный и избалованный котяра садится рядом и заводит песню. В доме тихо, но разбуженная память воскрешает картины давних боев, гремит взрывами, и никак не хочет успокаиваться сердце. Новые и новые кадры из фильма под названием «Жизнь» всплывают из глубин. Они так остры, как будто все произошло только вчера.

ХРАНИТЬ И ПОМНИТЬ ВЕЧНО

Василий Тимофеевич Ефимчик – пенсионер, житель нашего города. Много ли внимания мы уделяем старикам? Бежим по своим неотложным делам и

В.А. Дубовский

зачастую даже не замечаем их... Адрес Василия Тимофеевича мне дали в Совете ветеранов. И вот я шла на встречу с участником штурма Инстербург. Знала о нем лишь то, что «мой дед» 1926 года рождения, призван в армию и сразу же отправлен на фронт в 1944-м. Каково же было удивление, когда Василий Тимофеевич открыл мне дверь своей небольшой квартиры! Передо мной стоял прямой осанки, с ясными голубыми глазами и совершенно седым чубом... ну, в крайнем случае – пожилой человек. А уж когда улыбка на мое плохо скрытое удивление озарила его лицо, то я вообще пришла в замешательство: да ветеран ли передо мною? Может, брат младший? Или даже сын?..

Мы прошли в комнату, и полился рассказ. «Родился я в Белоруссии в 1926 году. До 1944 года был в оккупации, из деревни никто не уехал – думали, глухомань, никто нас не тронет. После освобождения Белоруссии, в 1944 году, меня призвали в армию и сразу отправили на

фронт. «Захватил» немного Белоруссии, освобождал ее от фашистов. Следующий этап – Литва, подошли к границе с Германией. Боеприпасов не было, людей мало, армия выдохлась... Но границу перешли – нас немцы не ждали. Геббельс свой народ успокаивал: русские не придут. Помню, в дом войдешь, жителей нет, а на плите еда еще горячая. Был приказ ничего не брать – всякого ожидали, могла быть и отрава.

Недалеко от города Гольдап встали в оборону с октября 1944 по январь 1945 года. Я был рядовым пулеметчиком, в расчете три человека. Приходилось в разведку ходить за «языком» – два раза удачно вылазку сделали, а в третий потеряли двоих бойцов. Шла подготовка к наступлению на Восточную Пруссию. Нас сняли с обороны, и пошли мы пешком в Кибартай. 12 января началось наступление. Наш батальон прошел левее Гумбиннена. Заходили в хутора. В домах сидели власовцы. Приходилось выбивать. Держались они стойко. Не все, правда, – многие в плен сдавались. Власовцы носили военную немецкую форму, только на рукаве буквы РОА – русская освободительная армия. Отношение к ним сейчас двойное: многие не выдерживали пыток в лагере, соглашались служить, рассчитывали перейти в нашу армию...

Подошли к Степановке – это около Красной Поляны, – жаль, нет у меня карты, сейчас бы показал. Немцы устали, убили три танка. Мы залегли. Можно сказать, что с тех танков они нас расстреливали. Из моей деревни вместе со мной уходили 10 человек. Среди них был сосед, друг, двоюродный брат. Разорвался снаряд, от осколков погибли мои односельчане. Я к брату подбежал, а он уже не дышит. Не хоронил его. Была дана команда двигаться вперед. Была специальная похоронная команда... А меня хранил кто-то, может, ангел. Ког-

да на фронт уходил, надела на меня мама крестик, данный священником при крещении моем. Я его с документами хранил, на шею тогда нельзя было носить. Спасли меня мой крест и молитвы матери. Крест до сих пор со мной.

...Немцы строем ушли в сторону Инстербурга, следом за ними двинулись танки. Дождались мы ночи – и тоже вперед. К утру подошли к окраине города и по улице Чапаева двинулись к аэродрому. Только к следующей ночи взяли аэродром. Я даже залез в самолет и отдохнул немножко, ведь несколько ночей не спали. В самолете теплее, кругом холод да ветер. А утром выступили на Тельманово, нужно было взять боем немецкую траншею. Начали нас немцы бить. Тут получил свое первое ранение в ногу. Мне повезло – кость не задело, пуля в мякоть навывлет прошла. Правда, вскоре подбили танк и меня какой-то оторвавшейся болванкой по раненой ноге «приложило». Боль адская, со страху на ногу не гляжу, думаю – нет ноги. Упал, лежу. Наши вперед пошли, убитые падают, раненые маму зовут, мат висит. Я с оружием пополз в медпункт. Сделали перевязку мне, и уснул. Целый день проспал. Потом перевезли в эвакогоспиталь – он на улице Гагарина был, – далее в госпиталь в Литву. Пролежал до марта. Выписался и – на передовую.

Попал в 11-ю дивизию своей же армии. Стояли в районе Тапиау (теперь Гвардейск). Дивизия знаменательна тем, что из нее в Кёнигсберг ходили парламентареры. 9 апреля 1945 года начальник штаба подполковник Яновский, капитан Федорко и капитан Шпитальник ходили к командиру немецкого гарнизона генералу Ляшу. Генерал отдал приказ о прекращении сопротивления. Штаб охраняли эсэсовцы, и наши шли на огромный риск. Но это уже другая история и к Инстербургу отношения не имеет. Скажу

только, что закончил войну в Кёнигсберге. Был еще дважды ранен. И был у меня страх, которого не знал раньше, что вот совсем скоро окончится война, а я могу и не дожить. Никогда не думал, что дождусь такой даты, как 60-летие Победы, которая будет совсем скоро».

Василий Тимофеевич служил в 30-й дивизии в Черняховске. В 1950 году, когда пришло время демобилизоваться, командир сказал, что Родина требует стать офицером. Ефимчика направили в радиотехническое училище под Ленинград, а оттуда на Сахалин, в полк противовоздушной обороны. Во времена правления Никиты Хрущева, когда армия почему-то стала не нужна, его уволили в запас. Шел 1956 год. С женой и ребенком вернулся в Черняховск. Работал в телеателье. Последние 20 лет перед пенсией трудился на железной дороге. Я спрашиваю о боевых наградах, а в ответ: «Я составил завещание, не хочу, чтобы что-то пропало. Пусть останется память обо мне и моей войне, чтобы ценили завоеванный мир. По завещанию все боевые награды переходят моей дочери, потом внучке, правнучке. Завещаю: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Кёнигсберга» и десять юбилейных наград. Пусть хранят».

ЗОЛОТО ЛЮБВИ

Аннушка Горбачева, 18-летняя медсестричка, в 1942 году в Гжатске (ныне Гагарин) оказала первую помощь раненым. Саратовская девчонка окончила Вольский техникум, посвятив себя медицине. Сразу после этого была призвана на военную службу. Госпиталь, в котором она служила, двигался за действующими войсками. С 3-м Белорусским фронтом

дошла до Вильнюса. Потом Инстербург. Работала операционной медсестрой, хирургической. Скупые лаконичные строки, а за ними юность, боль, кровь, умирающие сверстники. Жизнь начиналась с черных и страшных сороковых.

Свою двадцать первую весну девушка встретила в победном 45-м. Анна отказалась от распределения в Светлогорск и осталась в Черняховске. Госпиталь преобразовали в больницу – хозяйство Леонова 4802. Я задаю вопрос о местном населении. Анна Илларионовна пожимает плечами: люди как люди. Вражды не было. Голодные, лишенные своих жилищ. Женщины работали санитарками в госпитале и очень не хотели покидать родной город. Родина есть родина, они плакали перед отправкой в Германию.

Анна Илларионовна трудилась в больнице в должности старшей медицинской сестры. За тысячи спасенных жизней в годы Великой Отечественной войны награждена медсестра орденом Отечественной войны 2-й степени и шестью медалями.

А жизнь шла своим чередом. Отдежурив в больнице, бежала Аннушка на расчистку города, уборку кладбища. Там, где сейчас находится Мемориал погибшим воинам, было братское кладбище павших при штурме города и умерших в госпиталях.

С волной переселенцев в Черняховск пришла и волна несчастных случаев. За день в больницу поступало до 10-12 подростков. Называли их «минерами». Мальчишки находили неразорвавшиеся снаряды, коими изобиловали окрестности. А потом их, изуродованных осколками, привозили в операционную. Тяжело приходилось девушке. Но энергия и неистребимая жажда деятельности не покидали ее. И совсем рядом ждала ее чистая, светлая любовь.

В.П. Зыкин

Служил в Черняховске старшина Василий Петрович Зыкин. Также, как и Аня, воевал на 3-м Белорусском фронте, в 253-м отдельном Краснознаменном инженерном танковом полку. Танкист. Радист-пулеметчик. Машина, в экипаже которой воевал радист Зыкин, одной из первых вошла в Инстербург. Приказом Верховного Главнокомандующего Василию Петровичу Зыкину и его боевым товарищам была объявлена благодарность.

Судьба хранила солдата, отдавая долг сиротскому детству. Он четырехлетним с тремя братьями остался без матери. Отец женился вновь. Два старших брата погибли в начале войны. Названная мать молила Бога о здравии своего младшего сына. Стоя на коленях перед образами, шептала сухими губами молитвы, и свет тоненькой свечи плыл перед глазами... Парня даже не царапнуло. После войны он остался в Черняховске, продолжал служить. Два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За взятие Кёнигсберга», «За победу над

Германией» и еще 15 других сверкали на его выдавшей виды гимнастерке.

Они встретились в марте, когда воздух чист и прозрачен. Опаленная войной, она обрела крылья счастья, бежала на свидание с любимым, и не было на земле никого счастливее ее. Василий обнимал ее за хрупкие плечики, целовал голубую жилку на виске и задышался от нежности к любимой.

В августе 1948, после года волшебных встреч, они решили соединить свои любящие сердца. Свадьбу сыграли на родине невесты, на Волге, вернулись в Черняховск. Две судьбы слились в одну, две тропинки – в единую дорогу жизни.

Анна Илларионовна работала в больнице. Ее трудовой стаж – 50 лет. Дважды избирали ее депутатом городского Совета трудящихся. Ветеран Великой Отечественной войны, труда. В трудовой книжке не счесть благодарностей. За плечами Василия Петровича 31 год военной службы. После отставки отработал 20 лет на Черняховском машиностроительном заводе.

Супруги Зыкины прожили долгую счастливую жизнь. Вечерами в мягком сиянии светильника разглаживаются морщинки и появляется в глазах блеск юности. Они вспоминают свою молодость, ушедшие годы. Как когда-то, Василий Петрович держит в своих ладонях руки любимой. На дорогах жизни сохранив трепет юности и чистую любовь, обогатив ее полувековой верностью, они без слов понимают друг друга. Золото любви и серебро лет. Их сердца бьются в унисон, и едины души. Осень жизни супруги встретили рука об руку.

Сегодня Зыкины отмечают свой золотой юбилей. 50 лет они делили горе и радость. 50 лет освещает их путь любовь и мудрость. Здоровья вам и благополучия, мира и продолжения удивительной, сказочной любви. Горько!

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...

Каждый год 9 Мая я вижу ее в строю ветеранов Великой Отечественной войны. Старенькая, высветленная временем, небольшого росточка женщина с цветами в руках идет к памятнику павшим воинам. Встретишь такую в обычный будний день на улице и не заметишь, пройдешь мимо. В любой день, только не в этот – в День Победы она преображается. Темный строгий костюм, орден и медали на груди, а в глазах... Нет, не боль воспоминаний, не суровое напоминание потомкам о том, что не должно повториться. В глазах гордость, радость и вера. Она – солдат Победы, участник жесточайших боев, будущее ее не обмануло, сбылись надежды. Юлия Георгиевна Кинчина – ветеран, Юленька Кинчина – радистка артиллерийско-зенитного полка, комсомолка, вечно молодая душа.

Как-то она выступала перед призывниками – говорила не о войне, не о своем участии. Ей так хотелось быть понятой молодыми людьми, чтобы дошло до их сердец то, что хотела она высказать: армия – это школа жизни, школа мужества, и в ней надо быть. Она была ровесницей сегодняшним призывникам, когда началась война. «Сейчас нас видят старыми и больными. Но мы были молоды и победили. Надо только верить, стремиться вперед, надеяться – и тогда все получится», – размышляет Юлия Георгиевна... Я была у нее в гостях. Ей не хотелось говорить о войне, но ее воспоминания, как маленькие бриллианты чистой воды, – бесценны. Она бережно хранит треугольники солдатских писем, проверенные цензурой, с вырезанными дырками и словами, затертыми чернилами, фотографии фронтовых друзей. Чудом сохранилась газета «Тамбовская правда» за 9 мая 1945 года с опубликованным в ней актом о безоговорочной капитуляции германских воору-

Ю.Г. Кинчина

женных сил. Ниже, в левом углу газеты, – Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая праздником Победы. Старый пожелтевший листок из прошлого. Прошлое, которое до сих пор, перешагнув рубеж нового столетия, по-прежнему вызывает чувство гордости. Как странно бывает в жизни. Распался советский строй, отделились друг от друга республики, став отдельными и независимыми государствами, а праздник, великий праздник Победы – жив. Он, живой и вечный, объединяет, связывает крепкими нитями дружбы и братства, гордо шагает по всей территории бывшего Союза.

...Война для Юлии Георгиевны началась в феврале 1942 года. Нет, страшную весть она приняла вместе со всем народом, так же как и тысячи сверстников, обивала порог военкомата, а ей говорили: подожди, придет и твое время. Из семьи ушли на фронт две сестры и брат. Потом пришло и ее время, она тоже пошла защищать Родину. Секретарь райкома комсомола закончила специальные курсы

радиостов и ушла на фронт добровольцем – так воспитали своих детей родители. Ее комсомольский билет прошел с ней весь фронтовой путь и до сих пор бережно хранится. Воевать начала в Воронеже на Центральном фронте. Радистка обеспечивала радиосвязь с командным пунктом полка, батареями, самолетами. От ее работы зависела и жизнь всего полка, и успех боя.

Орловско-Курская дуга, жестокие схватки с противником, массированные налеты фашистской авиации. Стояли в Ельце в районе железнодорожного моста. Прямое попадание в хвост эшелона со снарядами. Состав с молодыми бойцами – пополнением – погиб. После боя собирали трупы. Руки, ноги... Война – это не только призыв: «Вперед, за Родину!» Война – кровь, война – смерть, великие, ничем не восполнимые потери. Сколько ребят осталось на заминированных фашистами полях, сколько ушло в вечность верных боевых друзей. Они были молоды... Шли вперед – пешком, ехали на машинах, в теплушках – вперед, вперед, на запад. Видела Юлия остовы домов, черные печные трубы, выжженную землю, изможденных женщин. Они, женщины, верили в мир и Победу и сеяли хлеб, пахали землю на коровах, запрягались в ярмо сами... Наверное, не передать словами того, что запечатлелось с такой силой: резкий холодный ветер, развевающиеся широкие юбки, черные лица русских женщин, голодные глаза – и свет в них, внутренний, горящий, как на иконах. Иконописные лица русских женщин... Целая жизнь прошла, а вот запомнилось, помнит даже горький вкус осинового веточки. Тогда, чтобы не закричать от обиды, не расплакаться, прикусила горькую ветку, до боли сжала зубы...

С полком прикрывала Киев, Винницу, Казатин. ...Воздушная тревога! Все выскочили из эшелона – осталась с под-

ругой Ниной у радиостанции: такая работа. Совсем рядом взрыв. Разлетелись подружки в разные стороны, долбануло о стенку вагона, подскочила, кинулась к рации, а она молчит... Из Казатина пошли на Львов. Громили банды бендеровцев. С автоматами не расставались, повсюду с оружием, по одному не ходили. Во Львове для ефрейтора Кинчиной закончилась война. Она как раз была на дежурстве, сидела на рации и приняла правительственное сообщение: война окончена. Победа! Выскочила на улицу, крикнула всем, всему миру... Что творилось! Слезы, смех, объятия, радость. И виновато как-то поясняет: «Молодые были...»

...Юлию Георгиевну пригласили на 40-летие освобождения Львова. Встречали в городе, как самых дорогих гостей – освободителей. А в Киеве к 45-летию Победы весь Крещатик был усыпан цветами, цветы падали под ноги ветеранам с балконов и из открытых окон. Юлия Георгиевна разворачивает еще один пакет и показывает грамоту: ефрейтору Кинчиной Юлии Георгиевне за боевые успехи в противовоздушной обороне Родины в дни Великой Отечественной войны, 1945 год. Там же кисет-сувенир, в нем бумага, табак и открытка. На открытке надпись: «Спасибо вам за мирное львовское небо». А еще она бережно хранит книги о войне. Авторы – ее однополчане. Вместе с книгами еще один подарок – браслет и ожерелье, сделанные руками боевого товарища. «Оставшиеся в живых мои однополчане стали большими и добрыми людьми и сделали много доброго и хорошего. В завоеванном мире мы ценим каждый миг», – размышляет моя героиня.

После Победы она по-прежнему продолжала служить в полной боевой готовности до самого указа о демобилизации. Указ пришел 27 июля. В сентябре эшелоном выехали по направлениям. Дома ждали родители. Совсем скоро по призы-

ву комсомола приехала Юлия в Калининградскую область...

«Меня воспитывали в духе преданности и веры в будущее. И будущее ни в чем не обмануло. И сейчас вера есть, что будет все так, как надо быть. Народ поймет и решит и все поправит. Просто на все нужно время...» Она продолжает свято верить в справедливость. Наверное, так и будет, вера в будущее Юлию Георгиевну никогда не подводила.

НА ВСЕ ВОЛЯ БОЖЬЯ

«Ну-ка, Майка, оп-па!» – Алексей Степанович смыкает кольцом руки, и красавица кошка, кажется, перетекает, плавно приземляясь на лапки. Она с укоризной смотрит на хозяина, будто спрашивая: ну что, доволен? – заставил меня перед чужими людьми на задних лапах скакать... Майка с достоинством удаляется, сверкая янтарными глазами, а мы присаживаемся на диван и беседуем.

«Я, Алексей Степанович Костылев, родился в марте 1925 года. Родители мои были верующие, богобоязненные, и я тоже верующий. Хожу в церковь, брата поминаю, свечки ставлю... Конечно, время поменялось, многие изобретения служат нам в нашей жизни, но есть то, что не скажешь словами: на все воля Божья. А насчет изобретений... Вышла когда-то занятая история с моим отцом. Году эдак в тридцатом поехал он на ярмарку и первый раз услышал радио. Незвестно откуда пел голос: «Выйду на улицу...» Приехал домой – успокоиться не может: видел, мол в Смоленске на столбе круглую черную доску, что поет человеческим голосом. Сатана, видно, висел, народ смущал. Всей деревней слушали отцовы рассуждения, крестили лбы и ждали конца света.

Отец и мать мои деревенские, семья у нас большая была: пять братьев, две сест-

А.С. Костылев

ры. Ходили в середняках, имели два коня, две коровы, гусей, свиней. Вставали в четыре часа, ложились в двадцать четыре. В тридцать первом году обложили нас налогом – в колхоз родители идти не хотели, грехом считали. Отец отделил старших детей, дал им из хозяйства животины. А корову все равно забрали. Мать обняла ее, кричит: «Сынок, посмотри, Кралька плачет!» Глянул – плачет, текут слезы у Кральки. Осталась на хозяйстве одна овца, и той трава не полагалась: она хозяйская скотина, а трава колхозная. Так стали мы пролетариями. Братья устроились на железную дорогу работать, я закончил пять с половиной классов и в тридцать шестом году пас коров на станции Ломоносов. Меня за работу кормили и платили какие-то деньги. Помню, отец за мое пастушество купил мне балалайку-шестиструнку. Играл... Потом еще гармошку мне подарил, но это позже, не скоро. Через год был нянькой – ходил у старшей сестры за ребенком, нянчил племянника. Еще через год стал учеником столяра. А в тридцать

девятом году началась финская война. Рвался я строить финскую железную дорогу, называлась «стройка-100», но меня не взяли, мал еще был. Потом война закончилась, я уже столяром третьего разряда работал до самого тысяча девятьсот сорок первого года». Собеседник умолкает, о чем-то думает и...

«Забыл рассказать, в тридцать седьмом году проходили выборы в Верховный Совет СССР. Кто-то пустил слух, что идти на выборы – греха набираться, полдеревни и не пошло». Алексей Степанович подходит к книжной полке, достает церковный календарь, листает и продолжает: «На Петров день как раз приезжает в пять утра начальник НКВД нашего района. В начищенных сапогах, с пистолетом. Забирает шесть мужиков – «врагов народа», статья пятьдесят восьмая. Попал и мой брат в эту компанию. Было два письма от него – и все, пропал...» Костылев возвращается к началу войны, к тому самому времени, когда восьмого июля тысяча девятьсот сорок первого года фашисты вошли в его деревню.

«Меня в армию не взяли – в возраст не вошел, – дома остался. Натерпелись мы... В феврале сорок второго года вступила наша дивизия – голодные! Откапывали из-под снега убитых лошадей, варили и ели. Страшное время было, детка, страшное. Но на все воля Божья, живы остались, целы. В мае нас, подростков, повезли на Урал, металл варить. Сколько раз под бомбежки попадали, эшелон долбали – только щепки летели. Мы разбежимся кто куда, потом грузимся, дальше едем. Привезли на рудник Белая Глина. Меня столяром оставили, а работу всякую выполнял, делал что заставят. Помню, приказали рамы стеклить. Настеклил! Столько стекла перепортил. Сижу и делать чего – не знаю. Спасибо, мастер у нас был, старенький уже дед, – светлый был человек, понятливый, царствие ему небесное. Уви-

дел грудю осколков, – ты, говорит, сынок, вечером, когда стемнеет, собери все да в озеро выброси, чтобы не видал никто. Так я и сделал, иначе не сносить бы мне головы по военным тем временам». Собеседник делает небольшую передышку, собирается с мыслями, кивает в такт им головой и продолжает.

«Работали. Кормили нас хорошо. Только вши заели. Мылись где придется – в луже, промоине. Вещей переодеться не было. И решили мы, дураки молодые, сбежать с рудника, искать лучшей жизни, поступить в ФЗО. Ночью – нас восемнадцать ребят было – и рванули. Повезло нам, добрались до Свердловска, пришли в трудовые резервы. Так и так, мол, отстали от поезда, нас везли в ФЗО. Поверили. Привезли нас на завод, отмыли, дали общежитие, две простыни, матрас. Учили шесть месяцев, при металлургическом заводе были «фабзайцами». В апреле сорок третьего на заводе ногу поранил. Решали врачи, отрезать ногу или нет. Есть Бог, послал хорошего доктора. Через полтора месяца вышел на своих двоих на работу. Труд, конечно, каторжный, а еще жара, сквозняки. Парализовало мне лицо, перекосило набок, ходил и руками голову держал. Возили к невропатологу, не вылечили. Попал опять к своему доктору, тот посоветовал ехать домой. Тогда уже в Смоленске фашистов не было, переписка наладилась. Я написал письмо домой. По письму меня и разыскали. Меня, оказывается, заочно за побег с рудника осудили на восемь лет. Послали запрос на родину, а тут мое письмо с адресом обратным, так и вышли на «арестанта». Алексей Степанович вспоминает арест, приход милиционера, свой страх. Показывает, какая маленькая камера, битком набитая народом, была, как сидели на корточках, буквально прижавшись друг к другу, как возили из одной тюрьмы в другую. Потом зачитали приговор и отправи-

ли в лагерь на работы. Через три месяца приехало какое-то большое начальство, и предложили Алексею идти в армию. Пошел. Попал в запасной полк, шел тысяча девятьсот сорок четвертый год. Началась служба.

«Худющий, ветром носило. Ходил по помойке, рядом была офицерская столовая, объедки доедал... В январе сорок пятого пришел приказ отправляться на фронт. Почему я не попал, не знаю, – наверное, Господь решил, что рано мне умирать. А в феврале дают мне красноармейскую книжку, в которой написано: Костылев Иосиф Степанович, одна тысяча девятьсот пятого года рождения... Получилось, в январе этот дед вместо меня уехал воевать. Писарь посмотрел, говорит: «В рубашке ты родился. Твоя голова должна уже в земле лежать. Иди и никому не говори».

Третьего марта привезли меня в Инстербург. Передохнули – и дальше, к фронту. За Железнодорожным протопали еще пятьдесят километров пешком, там и служил, так на фронт и не попал. Сопровождал завод в Смоленскую область – захотел домой. Отец умер, мама распухшая от голода, она меня и не ждала, за упокой моей души молилась. Кто-то сообщил матушке моей, что умер я в тюрьме. Побыл дома – и опять на службу, в рабочий батальон, он в Правдинском районе стоял. Служил там, потом в Черняховск направили. В шестьдесят восьмом отправили в Чехословакию».

Алексей Степанович вспоминает службу длиною в двадцать семь лет, товарищей – попадались на его пути, считает, только хорошие люди. Рассказывает о семье, жене Антонине Васильевне, детях, внуках. Вспоминает знакомство с невестой, первые встречи, как играл он, заводила и балагур, душа компании, на баяне. Ну как тут устоишь? Конечно, влюбилась девка без памяти. Одним словом, первый

парень на деревне. Он и сейчас такой, годы не поменяли. Порывистый в движениях, шутник и весельчак. То раскинет руки, покажет, как плясал на вечеринке, то сорвется вдруг с места, вспомнив о многочисленных фотографиях. На них он тоже с баяном в руках или лихо отплясывает в компании, есть и за работой. Алексей Степанович, как деревенский житель, любит землю и собирает урожаи небывалые. На одной из фотографий как раз и запечатлена демонстрация чудо-картофелины в восемьсот граммов весом. Есть снимки военных лет, есть поздние, где мой герой уже убелен сединами. На одних он с повязкой дружинника, на других заседает депутатом городского Совета. Везде в движении – и как только фотограф уловил момент, щелкнул затвором фотоаппарата? После увольнения из армии больше десяти лет проработал на предприятиях, не отдыхает и сейчас, трудится на своих десяти сотках. Пенсия небольшая – не беда, хватает, на все воля Божья. Главное – мир, жить не страшно. А Господь своей милостью не оставит, как не оставлял в юные годы.

ПОБЕДА БЕССМЕРТНЫХ СИЛ

«17 февраля 1945 года, после двухчасовой артподготовки, превосходящими силами пехоты и танков противник перешел в наступление, стремясь любой ценой ликвидировать плацдарм, занимаемый нашими частями на западном берегу реки Грон. Наводчик орудия Борис Латин в течение 5 дней вел неравный бой с 30 танками противника и вышел победителем. За период с 17 по 22 февраля 1945 года огнем своего орудия он уничтожил 6 немецких танков «Т-4», 1 танк типа «тигр» и до 80 немецких солдат и офицеров». (Из материалов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.)

Это был самый последний и самый трудный бой Бориса Ильича Лапина за небольшое село Барт под Будапештом. 1945 год, совсем скоро придет Победа, она где-то рядом ждет весну и цветущий сиреневый май. Буквально через несколько месяцев Победа взорвется в небе салютом, упадет охапками цветов к ногам победителей, засмеется счастливым смехом и заплачет от невосполнимой утраты. Все впереди и скоро. А позади – годы дорог, бои, ранения, контузии. Борис Ильич помнит каждый миг, делит жизнь на «до войны», «на войне», «после Победы». И мне совсем не удивительно, что ветеран подробно вспоминает давний разговор, копирует голос командира, рассказывает самым подробным образом, казалось бы, о мелочах. Это его жизнь – выстраданная, горькая и счастливая. Он присаживается на диван и предлагает начать рассказ с самого рождения, с отправной точки в длинный путь. И словно движется лента черно-белого кино, документальная хроника двадцатого столетия.

«...Родился я в городе Белеве Тульской области 23 сентября 1923 года. Отец наш умер рано, и мама, Анна Никитична, с тремя сиротами переехала в Смоленскую область, в Ельню, к деду. Дед держал хозяйство, работал на железной дороге. Мама тоже пошла на железную дорогу стрелочницей. Дали нам будку на переезде. Там и работа, и дом наш был. Дед выделил корову, я ее пас, доил, мне уже почти 10 лет исполнилось, помощник. А годы тяжелые, голодные. Зарезали мы свою старую Буренку, съели. Невмоготу матери нас прокормить было, разделили нас по родне. Брата забрал дядя в Каширу, а я с мамой и сестрой уехал к тетке в Смоленск. Закончил к тому времени 6 классов и пошел в гороно проситься, чтобы похлопотали за меня, помогли на работу устроиться. Так я стал учеником слесаря в локомотивном депо. Отработал

Б.И. Лапина

год, получил отпуск, тут началась война.

В Смоленске бомбежки. Мама нас за городом прятала. Мне в райкоме комсомола предложили работать на строительстве запасного моста через Днепр. Согласился. Потом нас, комсомольцев, перевели копать противотанковые рвы за городом. Фашисты на рвы не пошли, выбросили десант. Помню, рожь по пояс и выше. Идут беженцы. Наши части отступали. Шли раненые. Много людей в плен попало, а мне с товарищами удалось бежать. Нас было пятеро: четыре комсомольца – молодые еще совсем, и восемнадцати толком не исполнилось, – и один коммунист. Так, пятеркой, и держались. Присоединились к колонне, пошли к Смоленску, домой. Дома уже никого не было, мама с сестрой уехали. Только радио на стене что-то бормотало.

Начался мой путь. Детство у сироты короткое, а тут и вовсе судьба обобрала, враз стал взрослым. На сортировочной станции стоял последний эшелон, вывозили технику, оборудование с заводов,

на узлах ютились беженцы. Мы посмотрели себе место и собрались ехать в тыл. Локомотива, помню, все нет и нет, а фашист бомбит город, станцию. Смоленск горел, пламя высокое стояло. Наконец состав тронулся. Решили далеко не ехать – старики говорили, война долго не продлится. Остановились в Козельске, пришли в совхоз. Заместитель директора взял нас, молодых, под опеку, одел, обул, накормил. Работали на ягоднике, потом на сенокосе. Недалеко было здание санатория, однажды встретил своего старшего брата (он лечился после ранения). Обещал к нему еще раз навеститься, только не успел: фашисты вошли в Козельск. В городе паника, кругом листовки с призывами. Немцы с автоматами, на мотоциклах. Наш благодетель куда-то исчез, и решили мы уходить лесом из оккупированного города. И с немецким дозором чуть лоб в лоб не столкнулись, и заблудились. Оборванные, голодные, после двух суток скитаний вышли в село. Постучались в первую же избу, вошли. Спросили у хозяйина, есть ли в селе немцы, а с печки девушка выглядывает: «Куда вы, хлопцы? Немец женатых не трогает, женились бы». Один из наших остался. Остальные собрались в путь.

Дошли с нашими частями до Тулы, потом дальше в тыл. Маму не нашел – да разве найдешь ее на дорогах войны? А тут уже и зима катит, нам в каком-то селе дали лапти. Куда идти?.. Пошел в военкомат. Шел декабрь 1941 года. Под Москвой назревала сложная обстановка. Моих товарищей отправили туда, а меня – в учебно-танковый полк. Через полгода закончил курсы, получил на заводе танк, на заводе же сформировали экипаж. В январе 1943 года был отправлен на Южный фронт в район Сталинграда. Определили нас в четвертый механизированный корпус, не переписав экипажи,

сразу бросили в бой. Мало нас осталось после боя, горели и люди, и машины. Потерял и я машину. Всех выживших отправили в резервную роту. Получил новый танк, снова в бой. Помню сражения, вблизи фронтовой полосы доформируют нас – и вперед, воюй. В августе был контужен. После контузии, медсанбата на танк больше не поставили.

Направили в истребительно-противотанковую батарею. Освобождал Донбасс, Днепропетровск, Запорожье, Одессу, в Никополе был ранен. Участвовал в Яско-Кишиневской операции. Медалей нам не досталось, но бой был тяжелый. 36-я танковая бригада сосредоточилась в саду на правом берегу Днестра. Артподготовка, потом в бой вступили танки. Румыны не выдержали, сдались в плен. Мы взяли Тарутино, там вино рекой, выпили. А тут приказ – трем танкам следовать в походном дозоре. Под хмельком рванули вперед, ворвались в Комрат. Немец не ожидал, власовцы мечутся, население думало, армия вошла: такой грохот стоял. Освободили Комрат одним танковым батальоном – и вперед, на Прут. А нас, дозор, оставили. Тут вышла такая заковыка... Связь плохая была, наш второй корпус не знал, что Комрат уже взят, подошел и стал нас обстреливать. Пока разобрались, несколько танков уже горело.

Воевал на территории Румынии. Румыны особого сопротивления не оказывали, тяжелых боев не было. Болгария. Братушки. Встречали нас дружески, слушали наши песни, цветы дарили. Маршем по Балканским горам вышли на границу с Югославией. Тут и потери были, и бои тяжелые. Жители нам помогали, продукты приносили. Под Белградом понесли мы большие потери. Погибших ребят завернули в плащ-палатки, похоронили в братской могиле. Жители местечка, где был бой, раскопали могилу, уложили солдатиков в гробы и со священ-

ником похоронили. Кресты поставили, помянули... Девчонки из партизанского отряда большую нам поддержку оказывали, убивали снайперов, пулеметчиков. В октябре 1944 года штурмом овладели мы Белградом. Поступил приказ идти на Венгрию. Встретили ожесточенное сопротивление со стороны фашистов и местного населения. Немцы бомбили непрерывно. Решено было пожилых бойцов части отправить в тыл. Но судьба выпала им печальная. Авиабомба влетела прямехонько в грузовик, все погибли. Стреляли в нас со всех сторон. Там принял свой тяжелый бой».

Борис Ильич показывает мне архивные справки. На одной описание боя, в котором молодой, усталый и отчаянный Борька Лапин противостоял фашистским танкам. Ему было страшно: совсем скоро конец войне, ведь и не пожил еще на свете. Знал только сиротство, голод, работу и бомбежки.

«Потом подошли наши силы, и бой закончился. Стояли мы не в боевом порядке. Отдыхали. 8 мая по радио услышали, что подписан акт о капитуляции. 9 мая объявили Победу. Впервые за несколько лет я плакал. Хоронил друзей, был ранен, контужен, но держался. А тут – плакал.

Нас расквартировали в Болгарии. Служил. Пришел приказ все трофейные машины передать в народное хозяйство. Мне так хотелось в Россию, так за домом соскучился! Мне дали машину гнать на погрузку в город Сливень. Погрузку форсировали, и в результате спешки вместе с техникой поехал в Узбекистан. Прошло время, шел 1947 год. Вышел приказ о демобилизации. Меня уговаривали остаться на сверхсрочную, я даже согласился. Отдал свою новенькую шинельку демобилизованному солдатику, еще что-то роздал. Пришел приказ отправить нас в Иран, а через некоторое время вместо Ирана повезли в центр России. В Подмосковье

часть расформировали. И остался я в старенькой шинели. Нашел свою тетю – она жила в Кёнигсберге, – выписал билет на «пятьсот-веселый» товарно-пассажирский и прибыл к родственнице. Шинелька рваная, сапоги худые – так начал мирную жизнь после войны.

Устроился на работу в военизированной охране на железную дорогу. Работал заместителем начальника пожарного поезда. Закончил школу усовершенствования кадров и с 1955 года живу в Черняховске. Вот, сейчас отдыхаю».

Борис Ильич листает альбом с фотографиями. На стареньких пожелтевших снимках он юный, но очень серьезный. Его боевые друзья. Все ли живы?.. А я беру в руки архивную справку, которая свидетельствует о том, что значащийся в картотеке учета награжденных гвардии сержант Лапин Б.И., 1923 года рождения, наводчик орудия 36-й гвардейской танковой бригады, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени (в ноябре 1944 и в январе и марте 1945 года), орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта»...

Борис Ильич приносит коробку и высыпает на журнальный стол ордена и медали. Они – за отрезок жизни «на войне», за юность, опаленную смертоносным огнем. Смотрит убеленный сединами, постаревший Борис Ильич Лапин, на такого молодого на снимках, совсем мальчишку Борьку Лапина, как будто отправился в путешествие в собственную молодость. Вспоминается, всплывает в памяти, оформляется в строки:

*...И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Это седость – победа
Бессмертных сил...*

Я ДЫШУ, И ЗНАЧИТ – Я ЖИВУ

Его величество случай свел меня с этими людьми. Не могу сказать, что счастливый: знакомство произошло в больнице, в хирургическом отделении. Федор Михайлович Радченко, сидя на больничной койке, раскачивался от боли. Супруга Ольга Тимофеевна старалась облегчить страдания родного человека – то подушку поправит, усадит поудобнее, то окошко откроет: «Потерпи, Феденька...» «Вот какой-то осколок зашевелился», – смущенно оправдывается Федор Михайлович. Ольга Тимофеевна добавляет: «Рентген показал. Мы и не знали, болит и болит рука».

Болит рука. А руки-то до самого локтя нет. Ампутировали ее студеным январем 1944 года. А вот болит. И не только рука. Вся искромсанная плоть болит, а еще душа... Болит из-за человеческой черствости, собственной беспомощности и неустроенной старости.

4 августа 1943 года Федору исполнилось 18 лет. Да и не Федор он тогда был. Друзья и однополчане называли Федей и сыном, а невеста ласково и нежно, как сегодня, – Феденькой. Был он командиром пулеметного расчета, участником Курско-Орловской битвы. 7 августа его первый раз ранило: осколком задело голову, ухо, шею. Перевязали бойца, оказали первую помощь, – и снова в бой: некогда лечиться, не до того. Трудно оставаться в стороне, когда в огне родные края. Горело все: хлеб, земля, небо. Курско-Орловская битва – «Огненная дуга» – вошла в историю тяжелыми кровопролитными боями как один из переломных моментов в ходе войны. Но многие ее участники – самоотверженные, верные своему долгу герои – забыты. Не помнят и о Федоре Михайловиче Радченко.

Так бывает и сейчас. Сколько случаев, когда вчерашний солдат Афгана, Чечни

Ф.М. Радченко

приходил в военкомат и слышал: «Чего тебе надо? Я тебя туда не посылал. Решай свои проблемы сам». Скрипел парень зубами от бессилия и, гремя костылями, шел получать пенсию по инвалидности и решать свои проблемы в одиночку. И больно думать, что ему только 20 лет, а впереди целая жизнь, полная мук и страданий. Все остальное – уже вчерашний день. Судьбы участников любых военных конфликтов очень схожи. Со временем ничего не изменилось, разве что придумали еще больше смертельного оружия. Но вернемся в далекие годы.

...Тяжелые бои, зима, морозы. Совсем близко упал снаряд. Землей засыпало окопчик, намело целую гору – ничего не видно. Убиты оба помощника, боеприпасы на исходе. А бой продолжается. Где-то рядом лупит из пулемета фашист. Вдруг смолк – нашла русская пуля. Федор, расстреляв все пулеметные ленты, пополз искать смолкнувший пулемет врага. Начал строчить, поливать огнем фашистов из их оружия. Только б

до ночи продержаться, а там махнуть за боеприпасами.

Так, в обнимку с пулеметом, и нашли его замполит и замполка по строевой части. На расспросы четко доложил: стрелял он, Федор. Снял подшлемник и предстал перед чинами безусый русский мальчик. Усталый, измотанный, с осунувшимся лицом и родниковыми славянскими глазами. Только и нашлись суровые командиры, что прижать к сердцу мальчишку. Поцеловали, хлопнули по плечу: держись, сынок. А еще забрали документы, чтобы представить к высшей награде Родины, и ушли. Больше их Федор не видел.

...Ночью пополз на поиски пулеметных лент. Его накормили кашей, дали боезапас и отправили в обратный путь. Тут бойца и догнала разрывная пуля. Попала в левую руку. Случилось это в первый день нового, 1944 года. Долго он провалялся в снегу. То придет в себя и попытается ползти, то проваливается в забытье и теряет счет времени. Сильный обстрел не давал возможности подойти и помочь. Только 7 января Федор оказался в полевом госпитале. Отморожены пальцы ног, раздроблена рука, большая потеря крови. Руку резали наживую, без наркоза, не обращая внимания на стоны и крики. Долго провалялся в госпиталях. Из документов только и знали о нем: рядовой Радченко, старший пулеметного расчета. В мае 1944 года комиссовали. Больным, в старенькой солдатской гимнастерке и валенках пришел к невесте – труженице тыла. В скором времени поженились. Вот уже более полувека вместе и в горе и в радости.

После войны писал Федор Михайлович в Министерство обороны, да только никто ничего не знал о нем. После многих отписок пришел ответ: да, был такой пулеметчик. А он не «был» – он есть! Жив солдат Великой Отечественной. Жив, хотя ради спасения его жизни врачи здорово «укоротили» рост. Шесть лет на-

зад началась гангрена, и Федору Михайловичу отняли обе ноги. «Хочешь жить – будем резать», – сказал врач и еще раз прооперировал руку.

Так и не дождался герой награды. Видно, сложили свои головы командиры, так и не успев отправить документы смельчака. Но не унывает ветеран. Он дышит, живет, а остальное – такие мелочи! На груди – орден Отечественной войны 2-й степени и юбилейные медали. Одну из них прямо на дому вручал старому гвардейцу бывший мэр Н.Ф. Заикин. Уважают его и односельчане. Не оставляет в беде Совет ветеранов.

Живут супруги в Доваторовке. Вырастили сына и племянника-сироту. Федор Михайлович много лет трудился в совхозе. Когда инфаркт положил конец трудовой деятельности, помогал Ольге Тимофеевне. Она 44 года проработала в райпо. Сейчас оба больные и слабые. Продали телевизор.

Плохо Федору Михайловичу одному, беспомощный, как ребенок. А если жена в огороде или во дворе – не докричишься. И придумали условный знак: закрывает супруг птицей – бежит любимая на помощь: «Селезень мой зовет меня».

«Вот коляску бы инвалидную новую, хоть на воздух вывозила бы», – смущается Ольга Тимофеевна. На многое нет возможности. Теперь вновь осколок зашевелился в руке, а у Ольги Тимофеевны своя болезнь приключилась. Лежат теперь в больнице вместе, выслушивают молчание санитарок. Спасибо хирургу И.И. Бузину – столько заботы проявляет, столько внимания.

А есть у Федора Михайловича увлечение. Он чинит часы. Люди отдают ему ненужные, сломанные, казалось бы, никуда не годные. Старый вояка так увлечется – обо всем забудет. И тикает у него... полведра часов! Идут, отмеряя время. А Федор Михайлович рад – получилось, живут!..

ПОВЕЗЛО...

Женька служил в авиации. Обслуживал бомбардировщики. Пришлось и полетать. Правда, в первом бою самолет сбили фашисты. Повезло – остался жив, хотя и контузило. Смолodu все просто. Это сейчас догоняют болячки, ноют старые раны, считает Евгений Михайлович Сахаров. А тогда...

В первые дни войны немцы разбомбили аэродром. Перебазировались в Бобруйск, потом в Гомельскую область. Никакой взлетной полосы – самолеты садились прямо на поле. Отступление... О нем не хочется вспоминать. Но куда деть воспоминания о ежедневной, ежечасной потере друзей, боли, горечи поражений? Все было. Все осталось в сердце.

Контузия не проходила, и Женьку отправили в Балашов. После «ускоренного» выздоровления – ускоренные курсы политруков. Вступил в партию. Получил назначение на Черноморский флот. Группу привезли в Новороссийск. Двадцатидвухлетнего политрука определили на корабль «Лидер Ташкента». Фашисты бомбили нещадно. Орды самолетов час, полтора бомбят и улетают, а над городом встает черное солнце. Перерыв час, и снова налет. Правда, на «Лидере» служил недолго. Корабль напоролся на собственную мину. И вновь вытянул счастливый билет – остался жив. Служил в батальоне морской пехоты. Бились морские пехотинцы с врагом не на жизнь, а на смерть. Жива слава об отваге и мужестве, стойкости и героизме защитников Севастополя. Одним из них был Евгений Михайлович.

В июне 1942 года пришел приказ прекратить сопротивление. Но морячки – народ горячий, пошли в атаку. Коммунист Евгений Сахаров был впереди. Ранило. Очнулся через сутки залитый кровью, обессилевший, почти ослепший, с дикой болью в голове. Пошевелился – в ответ

Е.М. Сахаров

автоматная очередь. Прошили бы пули парня, да один из трех немцев, что стояли над раненым морячком, отвел ствол автомата в сторону. Не позволил убить беспомощного. Прошла смерть мимо. Отняли документы, награды и ушли, пристроив Евгения в колонну пленных. Попади партийный, военный билеты в руки конвоиров, не жить бы ему на свете. Но в спешке унесли документы с собой те, кто обнаружил его на поле боя.

Жизнь, какой бы горькой ты ни была, – как ты прекрасна в 22 года! Как ярко светит солнце, как ласково обнимает ветерок, какие нежные краски у цветов. И пусть на земле война, кровь, ужас и страх – это пройдет. Все проходит. А всю нежность красок, всю полноту жизни через много-много лет Евгений Михайлович перенесет на свои картины. Он передаст свое восприятие мира через мир красок. И оживут грубые холсты, заговорят ручьями, лесом, образом любимой женщины. Их будет много, таких картин, но еще очень нескоро.

А пока он, раненый, измученный, обессиленный мальчишка, мерил шагами горькие версты. Бахчисарай, Симферополь, Херсон, Николаев. Лето, жара, открытые раны, смерть, смерть... В упавших стреляли, колонна из последних сил шла дальше. Дорога та, обильно политая кровью, для многих стала последней в жизни.

В Николаеве отобрали 500 человек, погрузили на баржу, задраили люки и трое суток тянули буксиром до Бессарабии. Половина солдатиков осталась в барже – не выдержали выпавшей на их долю муки.

Румыны, союзники фашистской Германии, проявили гуманность: уцелевших накормили фасолевым супом и мамалыгой. Ему повезло – черпак супа плеснули в пилотку. Пока собирался есть, все вытекло. Второй черпак не получил и, оставшись голодным, избежал мучительной смерти от желудочных колик. Попал в лагерь в Болграде. Лагерь в полном смысле этого слова: с расстрелами, издевательствами, с обязательной румынской нагайкой. Старшее поколение Молдовы хорошо помнит и удары нагайкой, и пытки иголками под ногти, и стояние на раскаленной сковородке. Мой дед – коммунист, подпольщик, установивший в Бессарабии советскую власть, – вернулся в 1940 году из тюрьмы в Яссах инвалидом, полутрупом и испытал на себе все прелести румынской сигуранцы.

Сколотив группу из семи человек, Женька Сахаров бежал. Добрались до Тирасполя. Тут их засекли немцы. Один из бежавших оказался предателем и указал на Сахарова как на зачинщика побега. Наказание – двадцать пять ударов, но повезло – после шестого потерял сознание. Лагерь в Бухаресте, допросы, избияния. Вновь побег. На этот раз бежал один, через всю Румынию. Дошел до Ясс

осенью 1944 года. Натолкнулся на самоходки. Наши! Русские!

В этом самоходном полку и закончил войну. Победу встретил в Вене. Но беда в том, что к побывавшим в плену относились с недоверием и настороженностью. Никто не говорил, что ты трус и предатель, но подразумевалось это само собой. И счастье, считает Евгений Михайлович, что удалось бежать из плена и еще повоевать. Иначе два варианта: расстрел или ссылка «во глубину сибирских руд».

Были заслуженные ордена, медали, но это было до плена. Все осталось там, на том поле, под дулами фашистских автоматов. Он был старшим политруком, рос в звании. После плена «дорос» до гвардии рядового. И на том спасибо судьбе, считает ветеран, повезло, свои не расстреляли.

В 1978 году Евгений Михайлович Сахаров ездил в Севастополь, прошел заново фронтовыми дорогами. Года через два после усиленных расспросов-допросов-бесед его нашла медаль «За оборону Севастополя». Ордена восстановить не удалось. Нужны номера, а где их возьмешь? Евгений Михайлович относится ко всему философски. Он принимает неизбежное, считая, что бывает и хуже. Жизнь есть жизнь, и она прожита достойно.

Он похоронил жену, чистую, редкую женщину. Вырастил дочь. У него трое внуков. Пишет картины, читает стихи Маяковского, Некрасова, Пушкина и сам пробует писать. О многом он предпочитает не говорить и не вспоминать. Ранения и контузия не прошли бесследно, и у пенсионера вторая группа инвалидности.

Не так давно я встретилась с Евгением Михайловичем на празднике города. Он улыбнулся хитровой улыбкой и сообщил: «Вот, на машине прокатили. А могу и ногами топтать. Повезло...»

ЖИТЬ И ЖИТЬ БЫ НА СВЕТЕ

С Александрой Ильиничной Сиротиной мы встретились, когда зимний день клонился к вечеру. На снег ложились длинные тени, в окнах приветливо зажигались огни, и небольшой мороз прихватывал за день образовавшиеся лужи. Решили посидеть и поговорить на кухне, уселись за маленьким квадратным столом, Александра Ильинична принесла фотографии и удостоверения, и потекла беседа.

Родилась Сашенька таким же зимним днем, только в далеком теперь 1923 году, в Полтавской области, близ... Диканьки. Той самой Диканьки, где, если верить Николаю Васильевичу Гоголю, Солоха собирала звезды, кум Ткач, выползая на четвереньках из шинка, видел качающийся месяц, а кузнец Вакула, оседлав черта, принес красавице Оксане черевички, в которых ходила сама царица. Сказочные места, а детство в любое время бывает сказочным: у кого-то короткое, у кого-то не торопится уходить, – как уж кому на роду написано. Детство и отрочество Саши прервала война. Она зачеркнула все то хорошее и удивительное, о чем мечтает молодость.

Александра училась в техникуме, а 1941 год внес свои коррективы, и начался суровый экзамен.

«...Отец мой работал председателем колхоза, в возрасте был, его потому и не мобилизовали. Приехал он за мной и забрал с собой – в Кременчуг уже немцы вошли. Мы с колхозниками погнали стадо коров в тыл. На Донце нас разбомбили – в такую гибель попали, и сейчас вспоминать больно. Скотина в воду кинулась, я за быка уцепилась – плавать не умела, – он меня на другой берег и вытащил. Потерялась я, сутки бродила с коровой и быком, пока меня нашли. Шли дорогами, пережидали налеты, до Волги дошли зимой. Там

А.И. Сиротина

остановились, в колхозе работали. Немцы наступают – мы дальше, в путь. Били нас сильно. В Саратовской области в колхозе «Комсомолец» встретили 1942 год. Нас, всех комсомольцев, забрали на защиту Сталинграда. Меня призвали на трудовой фронт в октябре 1942-го. Мостила «дорогу жизни»: рубила ветки, укладывала, они вмерзали в лед, сверху еще, еще... Потом отправили в 64-ю армию, в 22-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон. Работала поваром, потом шеф-поваром. Сразу за окопами располагались землянки, в них и кашеварили. Работы много было, и трудностей на нашу женскую долю хватало тоже с лихвой. Забирали пленных, обслуживали дорогу, расставляли метки, снабжали сухим пайком пополнение, кормили госпиталь, бойцов.

Я болела сильно, а в госпиталь боялась отправляться – вдруг отстану, потеряюсь. Вон пальцы отморозила себе на руках и ногах...»

Александра Ильинична прерывает рассказ и показывает руки, искалечен-

ные и изработанные. Сколько же этим маленьким женским рукам пришлось трудиться за длинную жизнь, какие непосильные тяжести они переносили, сколько в немилосердную пору сделали милосердия ради. Болят руки, не знает, как и уложить их бессонными ночами, ноют каждым суставом, и не помогают лекарства, которые покупает внучка, чтобы облегчить боль.

«...Били там наших, ох как били. Помню, привезли пополнение, а вечером почти кормить некого – кто ранен, кто убит. Я, конечно, не в самих окопах воевала, но и мне хватило войны. Термос с харчами за спину взвалю – и поползла в те же окопы кормить бойцов. Доберешься до места, а людей нет – убиты... Приходилось туго не только нашим, но и военнопленным. Умиряли они, мы трупы, как снопы, возили. Всем досталось: и нашим, и фашистам. Ни дня, ни ночи, холод, голод, как в котле варились. Мы, девушки, даже рыбу ловили, чтобы бойцов прокормить. Фашисты были настроены убить все живое. Только как пошло вперед наше пополнение, как пришли сибиряки! Битва страшная началась. Через трупы шагали, вода от крови красная. Господи Боже мой, сколько же может вынести человек, – камень в пыль превращается, железо ржавеет, а мы вот живы...»

Однажды меня попросили принести в штаб самовар. Взяли в плен генерала Паулюса, решили чаем напоить. Вошла я, а он ходит в шинели расстегнутой из угла в угол. Только побоялся немчура чай пить, страшно ему стало, что отравят, все наших офицеров приглашал отхлебнуть. А через пару часов приземлился самолет, и его отправили в Москву.

Были мы в ту пору разбитые, потрепанные и слабые. Началось пополнение. Пока суть да дело, Орловско-Курская операция уже закончилась и мы пошли на Курск, Белгород и дальше, вперед. В

Белгороде меня приняли в партию. За Сталинград вручили медаль «За оборону Сталинграда». Наград достаточно – я часть передала в музей в школу №8, фотографии были – тоже передала детям. Каждый город мы брали с боями. Особенно тяжело доставались переправы.

Участвовала в Яско-Кишиневской операции. Там уже «катюши» били. Помню, мы стоим, а над нами снаряды, как орехи, летят. В Румынии воевали. В Карпатах в окружение попали, – если бы не наш десант, не вырваться бы нам из кольца. Сильные бои проходили за Будапешт. Дошли до Австрии, в Вене погибли три моих подруги. Снайперы из окон стреляли. Помню, Юля и Феля были из Волгграда. Юля – заводила, хохотушка, песни все пела. А Феля мечтала о маленьком домике, детей очень любила. Молодые мы были, жить и жить бы на свете, замуж выйти, деток родить. А мы в чесотке, коростах, вши ползают. Погибали...

Помню, мало нам горя от бомбежек – в Венгрии в автоаварию попали, чуть не погибли, пришлось в госпитале лежать даже. Дошли до Праги. Стояли в городке Бенешов, как раз в резиденции главы государства. Занимались каждый своим делом, я бойцов кормила. Тут Победу и встретили.

Вечером с фронта связной в штаб прибыла. Забежал к нам, чаю попросил кружку и говорит: «Девчата, вы не выдавайте меня, секрет открою – Победу скоро объявят, ждите». Ночью команда – на построение. Мы кое-как второпях оделись-обулись и построились. Командир вдоль ряда прошелся, погрозил, что за внешний вид надо бы нас на «губу» отправить, но не станет, потому что – Победа. Что тут было! Плакали, кричали, смеялись, стреляли, сапоги вверх кидали!

Нас отправили на озеро Балатон, в батальон пришла молодежь, а нам, женщинам и старикам, объявили демобилизацию.

Я уехала в Полтаву, закончила наконец-то техникум, потом партийную школу. Вышла замуж и в 1947 году приехала с мужем в Черняховск. На мясокомбинате проработала 42 года. Мужа схоронила, вышла второй раз замуж за вдовца, у него дочь, у меня дочь – обе Людочки, растила и любила их, разницы никогда не делала. А потом еще и внучка Людочка родилась. Дед наш ругался – неужели других имен нет? А вот с внучкой Людой и доживаю свой век. Дождалась внуков и правнуков. Богатая прабабушка – пять правнуков. Вот так и живем, уже глуховатая стала, нога болит, руки. Жить и жить бы на свете, а нет, нельзя, наверное. Жалко иной раз себя становится. Молодость прошла на войне и в послевоенную разруху, в голоде, нищете. Только легче стало, дети выросли – старость подкралась...»

И мы говорим о лекарствах, монетизации, детях, внуках, зеленых перышках лука, который посадила Александра Ильинична на подоконнике, чтобы ко дню рождения правнука был витаминный салат. Обо всем понемногу, не торопимся расставаться. Но всему приходит время, прощаемся, и я ухожу. Сегодня в моей «копилке» знакомств стало на одного настоящего, чудесного человека больше.

НАГАДАЛА ЦЫГАНКА: «БУДЕШЬ СЧАСТЛИВО ЖИТЬ...»

В городе Кольчугино Ивановской области жил вихрастый весельчак, живой, подвижный, как ртуть, паренек Аркадий. Закончил ФЗО, техникум. В 1939 году поступил учиться в полковую школу связи. Стал командиром отделения, младшим лейтенантом. Любил Аркадий мяч погонять и свой последний футбольный матч сыграл в день объявления Великой Отечественной войны.

27 июня 1941 года вручили Соколову повестку – прибыть в Ригу, в 5-й полк

связи. До Риги Аркадий не доехал, она была уже оккупирована. В Москве, в Сокольниках, формировался отдельный батальон связи. Там и начал службу Аркадий Георгиевич. Первый бой – подо Ржевом. Потом 249-я дивизия, с ней и прошел всю войну – от Селижарова Калининской области до Кёнигсберга. Ржев, Ельня, Брянск, Городок, освобождение Белоруссии, Инстербург... Были атаки и отступления, радость побед и горечь потеря. Стояли насмерть за каждую пядь земли.

Как-то побывал Аркадий Георгиевич на местах бывших сражений. Принес цветы к мемориалу Славы, вспомнил фронтовых товарищей, прочел фамилии погибших. Прочел – и боль сжала сердце: за одну крошечную деревеньку Полунино погибло десять тысяч человек. А сколько было таких деревень, кровавых боев, осиротевших семей, оборванных жизней...

Лейтенант Соколов прошагал пол-Европы, меряя сапогами годы и расстояния. Хоронил товарищей, каждое мгновение

А.Г. Соколов

рисковал жизнью и... ни разу не был ранен. «В рубашке, наверное, родился, – улыбается теперь седовласый ветеран. – Хотя должен был и в плену побывать, и, как минимум, дважды быть убитым. Судьба...»

Как-то во время отдыха на привале, после изматывающего перехода, к нему подошла цыганка. Нагадала долгую и счастливую жизнь. Не поверил ей тогда Аркадий, да и как поверить в такое, если каждую секунду ожидаешь смерти? Но сбылось щедрое предсказание кочевой гадалки.

В звании капитана дошел Соколов до Восточной Пруссии. За Инстербург фашисты дрались из последних сил, стараясь задержать, не впустить в город советских солдат. На пехотинцев бросали танки, поливали минометным огнем, а в самом городе было полно снайперов. В районе нынешней улицы Калининградской шли ожесточенные бои, но Инстербург был взят 36-м стрелковым корпусом под командованием генерал-лейтенанта Кошевого. В эти зимние дни 1945-го был смертельно ранен генерал армии Иван Данилович Черняховский, чьим именем назван наш город.

Аркадий Георгиевич очень часто вспоминает боевых друзей. Как мало их осталось – всего тридцать четыре участника штурма Инстербурга живут в Черняховске. Среди них такие уважаемые люди, как Георгий Иванович Андреев, Юрий Гаврилович Богомолов, Зинаида Александровна Боженко, Александр Федорович Клевцов, Раиса Савельевна Соболева, Иван Никитович Хоменко и другие. Жизнь их служит достойным примером для юного поколения.

Ушли из жизни Павел Сергеевич Дышкант, Михаил Иосифович Килик, Петр Федорович Мороз, Иван Филиппович Титенков, Николай Прокофьевич Чабан... Вечная им память, солдатам Второй ми-

ровой, вечная благодарность от спасенного мира.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину, награжден старым солдат орденом Красной Звезды, тремя орденами Отечественной войны, медалями. После победы Аркадий Георгиевич остался служить в рядах Вооруженных Сил. Его бесценный опыт связиста-фронтовика был очень нужен молодым солдатам. В 1947 году, дождавшись смены, уволился в запас. По сей день Соколов живет в Черняховске. Работал в средней школе №5 преподавателем физкультуры. Отличник народного просвещения. Убежденный коммунист, член партии с 1940 года. Свои убеждения формулирует так: «Перевертышем никогда не был и не буду до конца дней своих». А еще Аркадий Георгиевич – счастливый отец и дед. Как ни крути, предсказания провидицы в рваной цветастой шали сбываются. Живи долго, солдат, и счастливо.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Как схожи воспоминания о войне ее солдат – гвардии рядовых. Бои, артиллерийские налеты, отступления, атаки, контузии, ранения... Но у каждого своя горечь утрат, хотя и общая радость Победы. У тех, кто выжил всем смертям назло, в послевоенное время сложились судьбы по-разному, у большинства, почти у всех, достойно и честно. Поднимали из руин и пепла города, растили хлеб, сады и детей. Жили трудно, но были счастливы каждым прожитым днем. В дни великих праздников, собираясь за столом, пели свои фронтовые песни и вспоминали друзей. Благодарная память высвечивала эпизоды опаленной войной юности, и, роняя слезу, солдат поднимал «сто грамм» за погибшего друга, грудью закрывшего его от верной смерти... Мало осталось среди нас участников Великой Отечест-

М.С. Тайков

венной войны, особенно тех, кто принял на себя первый удар, кому в 1941 году исполнилось 18 лет. Исполнилось – и осталось. Навеки. Навеки – восемнадцатилетние. Кажется, есть книжка с похожим названием или кинофильм, не помню. А слова вспомнились, когда разговорилась с Михаилом Сергеевичем Тайковым.

...В апреле 1941-го Миша призвался в армию в Бердичеве. Был молодым и бесшабашно веселым, и казалось, так будет всегда, жизнь безоблачна. «В мае еще были в карантине, присягу не приняли. Проходили, как сейчас говорят, курс молодого бойца. Пролетела весна, лето наступило. Время бежало куда-то, как чистый ручей. Как-то в воскресенье повели нас на речку купаться – тепло, солнышко ласковое... Старшина обещал после обеда новое обмундирование выдать и отдых до понедельника. Идем строем в казарму, а навстречу дневальный бежит. Подбежал и выдохнул: «Война!..» Вместо казармы пошли на склад, получили оружие, вещи – и на границу...» – вспоминает первый

день войны Михаил Сергеевич. Много ушло из памяти, а вот первые мгновения после страшной вести помнит, как будто вчера это было.

До границы не доехали, остановились под Шепетовкой, в лесу. Пришел приказ отступать. Под непрекращающимся огнем вражеской авиации, теряя бойцов, отступали. Дошли до Западной Украины. Только тут наконец-то обмундировались и приняли присягу. Ушли безоблачность и веселье – жизнь показала свою другую сторону. Не стало ласкового солнца, заботливого старшины. Михаил впервые увидел, как умирают товарищи, впервые узнал страх и боль.

Заняли оборону. Стояли. «Потом в наступление пошли. Ура! Вперед! И в бой. Винтовка, в ней 5 патронов, еще 5 при себе. Тяжело было добровольцам. Они вообще в атаку с саперной лопаткой шли, оружие приказано в бою добыть... Осталось нас 15 человек, остальные погибли. Снова отступили. Не готовы мы к войне были, не ждали ее. Врасплох она застала... Отступая, дошли до Харькова. Путь тот обильно полит нашей кровью, много нашего брата полегло. И что характерно, в боях меньше людей погибало, чем при отступлении», – горько удивляется запоздалой мысли ветеран.

Под Харьковом сформировали бригаду и через месяц командировали на Курско-Орловское направление. «Пошли в бой. Потери и у нас, и у противника. Устроили нам перерыв, дали подкрепление. Я лежал в санчасти с осколочным ранением. Потом отбивал наступление противника. Зима была лютая. Раненые – их много было, – которых не успевали подбирать, замерзали... Потом – вперед, в наступление. Заняли Смоленск, Вязьму, Молодечно, Витебск. Под Белоруссией ранило опять. В госпитале месячишко подлечился – и снова в бой, пулеметчик...» Замолчал собеседник, вспоминает.

Давно закончилась война. Что-то забыто, что-то услужливо хранится на полочках памяти. Человек не может запомнить всего – как шагал изо дня в день, что делал, что говорил. Утеряны со временем имена, лица, забыты целые куски из жизни. Вспоминается, пожалуй, самое яркое – боль ли, радость. Так с каждым из нас бывает. Вспомнится первая улыбка малыша, первые слова, первый зуб, а как прожит первый год, его тревоги, волнения – в памяти не сохранилось. А жаль. Жизнь длинна, в воспоминаниях мы счастливы, со временем даже горечь трансформируется в светлую печаль...

А Михаил Сергеевич продолжает рассказ. «Бывал в окружении, не раз ранило, контузило. Как-то в кольцо фашисты взяли, две недели в «мышеловке» просидели. Потом подмога пришла, наш десант, – помогли, вырвались. На территории Пруссии потерь больших не было. И сами немца гнали, и американцы помогли, союзнички. За Кёнигсберг фашисты жестоко дрались. Пришлось серьезно повоевать, сопротивлялись фрицы. Потом нам приказ пришел, «катюши» ударили. Немцы белый флаг выбросили, сдали город. Наши войска дальше пошли. А для меня война в Дрездене закончилась...

8 мая объявили нам, что войне конец, Победа. Мы сначала и не поверили. А потом дошло – Победа! Все, конец войне. Победа! Мне 24 года исполнилось, вся жизнь впереди. Жив! Подумаешь, ранения, контузия – не у меня одного, сколько нашего брата полегло. А я смерть победил, будем жить! Ровесников моих мало осталось. Самый страшный удар на нас обрушился, все на себя приняли. Вечная им память, совсем мальчишки были... В боях выросли и умирали. Орденов у меня мало. Не дали. Есть орден Отечественной войны 2-й степени, медали “За отвагу”, “За боевые заслуги”...»

Год прослужил Михаил Сергеевич в городе Кракове. В 1946-м демобилизовали и отправили на Родину. «Дали подарки – муки, сахару – и отправили эшеленом. Дома побыл месяц и с товарищем переехал в Черняховск. Тут и остался. Черняховск по сравнению с городами России был не так разрушен. Это его уже потом разбили. Я работал. Сейчас, конечно, уже на пенсии, здоровья почти не осталось. Не знаю, как и дальше жить буду. Другой раз многое вспоминается. Посидеть, подумать – всякое бывало». Ветеран провожает меня до двери, и мы прощаемся...

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

По два раза в году лежит Николай Иванович Тихов в больнице. Донимают старого вояку фронтовые раны, шевелятся осколки, не дает дышать астма, ноет, болит уставшее сердце. И прошлым сентябрем уложила болезнь на больничную койку. Плохо старику: крутит боль израненные ноги, задыхается он, хватается ртом воздух, который никак не хочет проходить в легкие. На окне – решетка, рядом – прикованный наручниками к койке заключенный играет в карты с милиционером. Витает в прокуренной палате брань с упоминанием близких родственников. Начал больной к совести взывать – вняли мольбам, устроили сквозняк. И так целую неделю.

А за стеной палата для ветеранов пустует – прибрана, вылизана. Никого не вселяют, ждут высоких гостей. Только после переговоров председателя Совета ветеранов с главврачом перевели Николая Ивановича от шумной кампании. Обидно и стыдно – не за себя, а за тех, кто вспоминает об уважении к ветеранам только в День Победы, 9 Мая. «Видать, нет в стране хозяина, а без хозяина и дом сирота», – считает старый солдат. Да что говорить о глобальном? Вон, умирают солдаты Вто-

рой мировой, приходят к Николаю Ивановичу их родственники (он безвозмездно работает председателем первичной организации ветеранов), а денег – отдать человеку последний поклон и долг – нет. А если бы эти израненные телом и душой люди не завоевали в 1945 году Победу, спасали бы себя, свое здоровье, каким бы был сегодняшний день? Ведь ценой их жизнью, ценой крови юных солдатиков подарен нам мир. Потом они поднимали страну из руин, они и женщины, великие труженицы тыла...

Выговорился Николай Иванович, облегчил душу и уже дарит моей дочке улыбку, а в глазах теплый свет и доброта – вспоминает своих внуков и правнуков. Потекла беседа: вопросы, ответы, воспоминания. Говорим обо всем: о прошлом и настоящем, войне и мире, юности и старости, о семье, детях, внуках. За спиной ветерана – мудрость прожитых лет. Слушая его рассказы, многое начинаешь воспринимать по-другому, видишь в ином свете. Не зря говорят, что жемчуг находят в старой раковине. Послушайте и вы незатейливый рассказ, записанный мной зимним вечером в доме Николая Ивановича Тихова.

Рос он в многодетной семье в Вологде. Не обошли их дом ни 33-й, ни 37-й годы. И голод пережили, и смерть детей косила, и семья без кормильца осталась. Коля рано пошел работать. Нужно было маме помочь. 18 марта 1942 года пришла повестка. Военный путь начал под Москвой. Закончил снайперские курсы, служил в разведке. С боями дошел до Белгородчины. Орловско-Курская дуга. Ранило под Прохоровкой – множественное осколочное ранение. Весь иссеченный смертоносным металлом, умирая от боли, в бреду он звал маму. Она приходила в его сон, гладила стриженую макушку, легонько касалась губами лба и шептала его имя. Звук таял, уходил вместе с мамой, унося

Н.И. Тихов

на короткое время боль. Днем он жил воспоминанием о сне и ожиданием встречи с мамой. Коля еще не знал, что кто-то по ошибке написал ей письмо о его смерти. Мама умерла от разрыва сердца, не выдержав страшного сообщения. Но она долго приходила в сон своего мальчика. Душа ее не знала покоя, пока сыну было так тяжело и плохо. Трудно отвыкать от слова «мама». Тяжело о ней говорить в прошедшем времени, даже сейчас...

Николай долго валялся в госпиталях. В декабре направили на комиссию. Выдали гвардейцу новые белые валенки, но ноги так распухли, что пришлось резать обнову и еще долго лечиться. До сих пор носит в себе Николай Иванович более 20 осколков – боль и память о ранении.

Под Новый, 1944, год попал в Белоруссию. Начались бои под Оршей. Я задаю глупый вопрос о Новом годе: что запомнилось? А в ответ: «Не помню, дочка. Что день, что ночь, что праздник, что будни – все было одинаково. Война. Не интересовались, какое сегодня число. Интерес

был, как взять дом, улицу, деревню. Нет, не помню».

За форсирование реки Березины (июль 1944 года) представили было Тихова к званию Героя Советского Союза. Но... Командир полка еще героя не получил – не дали и сержанту. Обидно, конечно, да Бог с ним, со званием. Вон их, орденов, хватает. Николай Иванович выносит пиджак, а на нем «иконостас» орденов и медалей. Орден Славы, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», имени Жукова соседствуют с медалями ветерана труда.

Подробности Николай Иванович старается не вспоминать – очень больно. Но даже от скупых слов и фраз меня душат слезы. Сколько ему было, моему герою? В 19 лет перенес тяжелое ранение. В 20 – под нынешним Правдинском ранило снова. Возраст сегодняшних мальчишек, что воюют в Чечне. Возраст наших с вами детей, солдат, чьи потери так тщательно скрывают.

Тогда, в том далеком времени, от жестких боев почти не осталось ни машин, ни людей, вспоминает ветеран. Начали заниматься пополнением и встретили Победу. Вот так просто и буднично. Как будто не протопал всю Россию, не проливал кровь, не шел в атаки.

До 1947 года преподавал Тихов артразведку в отдельном учебном артиллерийском дивизионе. Потом демобилизовался. У него не было специального воинского образования, теории. Была практика, практика боев. Уехал в Вологду, домой. Сестра пригласила к себе в Узбекистан. Быстро собрался в путь. Партия направила в органы МВД, начальником конвоя. В 1953 году встретил свою суженую. Елизавета Дмитриевна, труженица тыла, работала на шахте телефонисткой. Свадьбы не было. Собрались родные, поздравили.

С тех пор всю жизнь вместе и прошагали. Длинная жизнь – почти полвека. Хватило и бед, и счастья. Радовались рождению детей, поднимали, растили трех сыновей и дочку, хоронили взрослых деток, умирая от горя. Разве все перескажешь! Жили в казармах, вагончиках, частных квартирах, красных уголках клубов. Поменяли 22 места жительства.

С 1985 года живут в Черняховске. Елизавета Дмитриевна работала в аптеке. Николаю Ивановичу здоровье работать не позволило. Вышел на пенсию. Давно предлагали врачи инвалидность, пенсию, но... стеснялся. Как – он, сильный мужик, – и вдруг инвалидность?! Болеть стал часто – что тут поделаешь? Зато дома делает все своими руками. Руки у него поистине золотые. Рисует, шьет, конструирует, ремонтирует обувь. На стенах – картины, светильники, часы. Миниатюрные храмы с позолоченными куполами и колокольнями выстроились на полках. И малиновым звоном поют крошечные серебряные колокольчики гимн жизни старому солдату.

ПУСТЬ ОНО БУДЕТ ЧИСТЫМ...

Иногда встретишь человека, познакомишься, поговоришь недолго – и кажется, знаешь его всю жизнь. Как будто глубоко внутри есть нить, связующая в родственный духовный узел. И тогда не хочется расставаться и ищешь новых встреч. С искренней любовью и уважением отношусь я к ветеранам, чьи юность и молодость пришлись на годы войны. С комом в горле слушаю неторопливый рассказ и остро переживаю каждое мгновение полувековой давности. Может, происходит это потому, что растила меня такая же, как и эти старики, бабушка. С натруженными руками и заплаканными глазами. Я помню ее ожидание. Она до самой своей смерти, до последнего вздоха ждала с войны мужа. На всю жизнь врезалась

в мою память, как кадр из кинофильма, как фотография, как символ печали и верности, худенькая фигурка бабушки.

9 Мая. По дороге мимо нашего дома идут ветераны. Шаг медленный, не в ногу. В руках цветы, ветер треплет седину, глухо звенят медали. Бабушка стоит у калитки и смотрит. В глазах боль и немой вопрос: «Ну, скажи, вы ведь вместе уходили на ту проклятую войну... Ты помнишь июньский день? Он перевернул всю жизнь. Ты здесь, а он, где он? Ведь он придет? Может, в плену?..» Старики отводили глаза. Бабушка провожала их взглядом, утирала слезы и возвращалась в дом. Ждать. Она не верила похоронке.

Теперь я сама мать и третий год жду с войны сына. На долю женщин выпадают ожидания. Но какие бы ни были причины, я благодарна судьбе за подаренные встречи, за то, что могу чувствовать, сопереживать и понимать недосказанное.

Недавно я познакомилась с Филимоном Лазаревичем Франчуком – боевым летчиком, бесстрашным воякой и красивейшей души человеком. Когда-то он окончил педагогический техникум, был учителем младших классов. Но с указкой и букварем я не могла его себе представить. А Филимон Лазаревич, угадав мои мысли, сказал: «Не по душе учительство оказалось». Его, как вольную птицу, манило небо. Поступил в летно-истребительное училище и стал курсантом. В 43-м летчик прибыл к месту службы в 157-й истребительный Краснознаменный полк. Жизнь поблажек не давала, а война – тем более. Сопровождал за линию фронта бомбардировщики, прикрывал воздушное пространство над пехотой-матушкой, рвал линии передач, прикрывал ведомых. Лично сбил 4 немецких самолета. И, поднимаясь в воздух, каждый раз мысленно благодарил девчонок своего полка: мотористов, оружейников, техников... Их должности не имели женских названий,

Ф.Л. Франчук

но работу делали именно они, девушки. Они обслуживали боевые машины, дежурили ночами, стирали, кормили, с полной боевой выкладкой топали пешком во время передислокаций. «Больше, чем они, никто на войне не вытерпел, – вспоминает Филимон Лазаревич. – Сколько грязных слов выслушали незаслуженно. А ведь на этих женщин молиться надо, как на икону».

Встречались после Победы боевые друзья каждый год, и не было большей радости, чем радость от встречи с однополчанином. Но вот распался Советский Союз, и нет больше встреч на местах бывших боев. Куда поедешь? Это раньше ты был братом тем, кого освобождал от фашизма. А теперь везде чужой, «колонизатор». У «колонизатора» 4 ордена на груди и 18 медалей – жизнь свою не жалел за Родину и народ. Как же вдруг «врагом» стал? Может, так считают те, кто воспитывался на других идеалах? А для Филимона Лазаревича Родина – это единый Советский Союз, где человек человеку

был друг и брат. Братство это фронтовое он трепетно хранит в душе по сей день и говорит о боевых друзьях больше, чем о себе. А мне так хочется узнать о его жизни, боевых подвигах, наградах.

Вот орден Славы за сбитый самолет. Случилось это в Польше, около Люблина. Над нашим аэродромом завис фашистский самолет-разведчик. Взмыл в небо «ястребок». Красота какая! По голубому полю – серебряные облака, позолоченные солнцем от горизонта до горизонта. «Только синь сосет глаза!» На какое-то время забыл обо всем на свете, впитывая, запоминая волшебное мгновение. Но где же враг? Вдруг тень легла на истребитель – фашист прямо над ним проходит. Выжал из «ястребка» все, что мог: выручай, друг. Вел врага до самой земли. Взрыв. Потом сам из пике еле вышел. Вот он какой, орден Славы. А сколько было таких эпизодов в жизни Франчука! Бережно хранятся воспоминания о фронтовых путях-дорогах, павших товарищах, тяжелых боях, когда небо было темным от самолетов и, казалось, горело в огне. Войну закончил под Берлином – до него было 8 минут полета.

«Берлин – логово фашизма – пылал под нами. Неопишима радость близкой победы», – делился ветеран. Летчик-истребитель встретил Победу – отныне и навеки пусть будет мир, с войной покончено, – но с крыльями не расстался. Влюбленный в небо не может жить одной землей. Филимон Лазаревич летал на «Мигах», передавал свой опыт молодым, щедро делился мастерством пилотажа. Газета «Защитник Отечества» писала о нем: «Отличных результатов в боевой и политической учебе добился коммунист Ф. Франчук. Он добивается новых успехов в повышении своих военных и политических знаний...»

Курсант, летчик, командир авиазвена, заместитель командира авиаэскадрона, старший штурман... У него была профес-

сия, святая обязанность и право – защищать Родину.

В 1960 году майор Франчук демобилизовался. Ему было 39 лет от роду, и выслуги тоже лет 39. Когда-то была война...

Мы сидим в саду. Над нами ветви яблони, а выше раскинулось синее безбрежное небо. Филимон Лазаревич счастлив, что оно не сеет смерть. Пусть оно будет чистым и солнечным. Ради святой памяти павших и будущих жизней он так старался победить смерть.

ОТВАГА, ДОСТОИНСТВО, ЧЕСТЬ

Если хоть единожды посмотреть в глаза воевавшего человека, то согласишься, что фраза: «Война будет длиться до тех пор, пока жив хоть один солдат» – очень справедлива и точна. В глазах победивших смерть – боль и бесконечная мудрость. Они впитали в душу каждый миг и сохранили навеки фронтовое братство. Более полувека прошло, но рядовые и генералы Великой Отечественной не теряют друг друга. Летят по свету письма: где ты, друг, жив ли, здоров?... Только вот писем все меньше. Редуют ряды ветеранов, уходят они к тем, кто остался в земле далеких сороковых. А в сердцах живых – вечная о них память, память-бессмертие.

...Мы сидим в уютном доме Николая Никаноровича Шахова. Перед нами альбом, письма друзей, вырезки из газет – свидетели прошлых лет. Николай Никанорович говорить о себе не любит. Скупые слова о службе, о том, где пришлось повоевать. Он говорит о товарищах, городах и почти ничего о себе, хотя орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, «иконостас» медалей могли бы многое рассказать о бесстрашном воине.

Я смотрю в его глаза, темнеющие со дна, словно вода в глубоком пруду, и вижу

незаживающую боль за тех, кто не вернулся. Чуть-чуть воспоминаний – и она с новой силой терзает сердце ветерана.

Сам он был призван в армию в 1939 году. В Новосибирске формировалась 133-я стрелковая дивизия. Командиры, рядовые – все боевые, отважные – показали себя на Хасане и Халхин-Голе. Вот там-то и начинал службу новоиспеченный солдатик. Да не сбoku припека, а в разведывательном батальоне кавалерийского эскадрона. Дни бежали, и служивый все чаще задумывался о доме, невесте. О чем еще можно думать в молодости, когда жизнь прекрасна и бесконечна?..

22 июня 1941 года было открытие военных лагерей под Бийском: гости, парад, конники, пехота. Это утром. А в 16.00 по радио выступал Молотов: «Фашистская Германия вероломно...» За 15 минут плац опустел. Проводили гостей, а на следующий день вся дивизия была на колесах. Вскоре выгружались под Вязьмой. Били зенитки. Черное солнце, крики, стоны. И перед глазами оживает картина: они, еще совсем юные, тонкие руки сжимают оружие, пропыленные гимнастерки, мокрые от пота и крови, тонкие мальчишечьи шеи и глаза... В них боль, растерянность, отчаяние и то, что потом назовут мужеством и смелостью. А сверху сеют смерть кресты фашистских самолетов. Войска отступали. Много потерь... Это из сводок тех дней, из рассказов ветеранов. Но если вдуматься, то за казенным словом увидишь тысячи трупов двадцатилетних мальчиков, замученных девчонок, юных безруких-безногих калек, истекающие кровью сердца матерей. За что нашей многострадальной России такие потери?

В боях под Москвой Николай получил первое ранение и контузию. В госпитале лежал недолго – лечение оставил на потом. «Ведь столько нашего брата под Москвой полегло», – вспоминает он. Братство, святое братство, как часто ты уберегало от

смерти, дарило минуты радости и до сих пор согреваешь сердца старых солдат.

Второе ранение – под Вязьмой. Снова госпиталь – и догоняй своих однополчан. В 1942-м отправили на прорыв под Козельск. Шли в пургу, ночами, на конной тяге тащили за собой пушки. Николай – командир эскадрона разведки. Измотанные, обессиленные, они часто кружили на одном месте. Заходили в одну и ту же деревню по три раза. В деревне Букань нарвались на фашистов. Измученные бойцы вступили в бой. Сколько убитых и раненых за горстку нашей земли! Под той деревней досталось и нашему герою: тяжелое осколочное ранение. Когда очнулся после операции, медсестра принесла зеркало. На Николая глядел седой, как лунь, незнакомец. Не узнал себя в зеркальном двойнике. Выписался из госпиталя с документом, предписывающим проходить службу в тыловых войсках: врачи подлечили ранение, но нашли порок сердца. Через много-много лет Николай Никанорович перенесет три инфарк-

Н.Н.Шахов

та. А когда Николай сфотографировался, подписал фото и отправил маме: «На долую память матери о сыне Николае. Это я сфотографировался, когда ехал из госпиталя». Память оказалась долгой. Давно нет мамы, состарился Николай Никанорович, а фотография живет в семейном альбоме. Горькая память искалеченной юности, маминой любви, слез и жарких молитв о сыне.

Справку Николай порвал и уехал в свою дивизию. Как раз успел – Орловско-Курская битва началась. Снова кровавая каша, жестокие сражения. Ржев, Невель, окружение, нескончаемые бои... Все это было, солдат. Ты много раз умирал, но выжил и ничего не забыл, никого не предал. Мужество, отвага, честь – девиз твоей жизни.

На Немане получил еще одно ранение, но лежать, лечиться – недосуг, где-то рядом Победа. Двигались на Инстербург, две попытки взять город провалились. Послали разведку. Николай Никанорович скромно умалчивает о своей роли. Зато подробно рассказывает о товарищах. Ночью – наступление. Город взят. Сколько пережито – не высказать. При арталете убило ординарца. Смерть прошла совсем рядом. Николай остался жив, похоронил друга... Часто ветеран приходит к обелиску Славы. Приносит цветы и долго стоит у плиты с высеченным на ней именем собрата – Леонида Васильевича Котелова...

Закончил войну под Польшей. Дивизию отвели в Инстербург. Здесь перешел на мирные рельсы – в прямом и переносном смысле. Работал в депо машинистом крана. Дома его ждали мама и невеста. Со свадьбой не тянули. Женился на своей Лидушке и перевез всю семью в Черняховск. Восстановили разрушенный войной дом, работали, растили деток – ласковых, любящих, трудолюбивых.

Николай Никанорович всю жизнь проработал в депо, оттуда и на пенсию ушел.

Ветеран войны, ветеран труда, ветеран области. Сколько труда, сил он вложил в то, чтобы город наш был прекрасным. Вынес голод, холод, разруху. Но всегда был верен своему девизу. Он честен перед собой, перед памятью, перед братьями по оружию. Ноют старые раны, жжет сердце памятью о войне. Но знает ветеран: он не юлил, не искал лазеек, не предавал товарищей. Жизнь прожита честно. А ее продолжение – дети, внуки и те, кто придет в этот мир после них.

ТРИ ЮБИЛЕЯ ЧЕТЫ ШПАКОВЫХ

У Анны Дмитриевны и Ивана Федоровича Шпаковых совсем недавно были сразу три юбилейные даты, да какие! 12 мая Анне Дмитриевне исполнилось 80 лет. 13 мая супруги отметили 55-летие семьи. В этот же день был еще один юбилей – 50 лет жизни в Черняховске. Полвека отдали городу, 90 лет трудового стажа на двоих, но это – не предел. Иван Федорович до сих пор работает председателем комитета офицеров запаса и в отставке при Черняховском горвоенкомате. Анна Дмитриевна не захотела отставать от супруга и, будучи уже на пенсии, 7 лет трудилась во внештатном отделе по детским дошкольным учреждениям при Черняховском горисполкоме.

Возвращаясь в молодость, вспоминают герои Великую Отечественную войну. Иван Федорович с октября 1941 года служил в стройбате на обороне Киева. Прошел всю войну. Воевал на Сталинградском фронте, 2-м Белорусском, Центральном. Победу встретил на территории Германии.

Анна Дмитриевна училась в педагогическом институте на историческом факультете в Курске. Государственные экзамены сдавала в 1941 году. По рас-

пределению попала в Алтайский край, работала директором школы. После освобождения родного города Аннушку отозвали в Курскую область.

Это была судьба. В 1946 году познакомилась с Иваном Шпаковым. Год влюбленности и встреч, соловьиных трелей и признаний. Предложение руки и сердца... Интересно, как оно прозвучало, какими словами были высказаны чувства? Тут Анна Дмитриевна только улыбается и ничего не говорит – и правильно, те слова были высказаны только для нее одной и единственной.

Свадьбы не было. Какая в те годы свадьба? Недавно отменили карточную систему. Поздравили молодых отец Ивана Федоровича и сестренка Анны Дмитриевны. Только лет через 10 после скромной свадьбы подарил любящий супруг своей жене колечко.

В 1952 году прибыли в Калининградскую область. Черняховск особого впечатления не произвел. Было настроение временности, неустроенности. А остались навсегда. Иван Федорович служил в Черняховском гарнизоне заместителем командира батареи по политической части. Анне Дмитриевне предложили партработу, лектором. Месяц поупрямилась и приступила. Позже – она учитель истории КПСС в педучилище.

Жили у случайной попутчицы по вагону. Радовались выделенной первой своей комнате-девятиметровке: стол из чемодана, кровать, стул – вся мебелировка. В 1961 году получили квартиру в старом немецком доме с печным отоплением и углем в подвале.

Теперь Черняховск для Шпаковых – родной город. Как-то, уже пару десятков лет назад, предложили супругам переехать в Курск, работать. Посидели рядом, поговорили ладком и решили: от добра добра не ищут. Кругом знако-

И.Ф. Шпаков

мые лица, друзья, а там теперь все чужое. Остались.

Всю жизнь отдала Анна Дмитриевна молодежи: комсомольская работа, педагогическое училище, обком партии. Она отличник народного просвещения, награждена медалью за трудовую доблесть, за долголетний добросовестный труд, за труд в годы Великой Отечественной войны.

Иван Федорович с 1942 года был сапером. Отступал с саперной лопаткой, шел на танки с винтовкой. У него было саперское счастье – ни одного серьезного ранения. За боевые подвиги награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями за выслугу лет в армии, «За оборону Сталинграда», медалью Жукова. Он был там, где требовались его знания и опыт, неумная жажда деятельности, – заместителем начальника госпиталя по политической части, военным руководителем в средней школе №7 и При-

вольненской средней школе. Он – подполковник в отставке.

Шпаковы – интереснейшие собеседники. Мы сидим в уютной небольшой комнате и рассматриваем фотографии. Их много: с друзьями, на работе, с учениками. Только очень мало, почти нет снимков, на которых Иван Федорович и Анна Дмитриевна были бы вдвоем, – все было некогда, работа отнимала много времени... Плывет по комнате цветочный аромат. Цветы везде – на столе, телевизоре, на полу. Совсем недавно отметили супруги 55-летие со дня своей скромной свадьбы. Приехали из Москвы и Минска племянники, пришли друзья. «Жениху» и «невесте» кричали «Горько!», была свадьба. Счастливые «молодые» сидели рядом, держась, как когда-то, за руку. В этот день они не замечали седин друг друга. В сердце жила далекая весна, когда они, влюбленные и счастливые, навек соединили сердца.

РВАЛСЯ В БОЙ НЕ РАДИ СЛАВЫ

Жизнь в семье Кирилла Штаханова наконец изменилась в лучшую сторону. Слушая восторженные рассказы знакомого о Сибири, он решил на переезд и в 1940 году с женой, кучей детей и нехитрым багажом выгрузился на маленькой сибирской станции. Края действительно были богатые. Семье помогли обзавестись коровой и другой животиной, дали добротную избу. Так Штахановы стали сибиряками. Год работы дал свои результаты, семья прочно стала на ноги, жить бы да радоваться... А через год началась война. Один за другим уходили на фронт мужчины, скоро в селе остались одни дети, старики и женщины. Подростков мобилизовали на работы: строили железную дорогу. Строил ее и Николай, сын Кирилла Штаханова.

Н.К.Штаханов

Ему не исполнилось полных восемнадцати лет, когда пришел и его черед идти защищать Родину. Впрочем, Николай был рад: совсем мальчишка, он остро переживал свое, как ему казалось, бездействие, рвался на фронт, мечтал совершить подвиг. В ноябре 1943-го его призвали в армию и направили в запасной стрелковый полк в городе Ачинске. Скоро сформировали маршевые роты и отправили на фронт. Он шел в бой, полный праведного гнева и патриотизма – примером был подвиг Матросова, – не ради славы, а ради мира и жизни на истерзанной земле...

В мае 1944-го под Витебском с криком: «За Родину, за Сталина!» – Николай подорвался на противопехотной мине, и все его геройские стремления, как он сам вспоминает, были стремительно подорваны. Множественные осколочные ранения надолго вывели бойца из строя. Они – по выражению врачей, «инородные тела» – до сих пор сидят в нем и болью напоминают о войне и героизме. Боль – нестерпимая, жгучая – была и

тогда, он не потерял сознания, получив тяжелое ранение. До середины октября его лечили, спасали зрение, возвращали способность ходить, переводили из одного госпиталя в другой.

А в конце октября 1944 года Николай снова был на передовой. Он – наводчик пушки, пулеметчик, автоматчик, командир отделения... Река Нарев, Польша, бой. «13 января 1945 года был нанесен десятый сталинский удар, и мы пошли вперед. Получил благодарность Главнокомандующего за боевые действия при прорыве обороны немцев на западном берегу реки Нарев и при овладении городами Восточной Пруссии», – вспоминает ветеран. 24 февраля сквозное пулевое ранение снова уложило Николая Штаханова в госпиталь. Вспоминая далекий бой, Николай Кириллович говорит о командире роты, капитане – смелом и мужественном воине. Кличем «Вперед, за Родину!» он поднял бойцов в атаку, сам бежал впереди – и упал, подкошенный прямым попаданием. Вспоминает своего друга, такого же, как был сам, юного паренька. Мальчишку тяжело ранило, кровь изо рта, перебиты ноги и руки. Он, царапая землю ногтями, хрипел от боли и просил ребят пристрелить. Сколько лет прошло, сколько произошло всего за длинную-длинную жизнь, но стоит подумать о войне – и вспоминается этот жуткий эпизод боя. Боя не на жизнь, а на смерть ради жизни...

После взятия Кёнигсберга роту отвели на какой-то хутор – сейчас Николай Кириллович уже не может вспомнить местечко. Память услужливо показывает картинку: трава, цветы, буйство сирени, яблоневый сад... Утром проснулся от криков – сразу и не понял, о чем кричат,

почему плачут и смеются. Наконец, дошло: Победа. Победа! Войне конец!

После Победы остался служить в армии и лишь в 1970 году уволился в запас. Долго переписывался с фронтовыми друзьями. Мало их осталось, единицы... Есть у Николая Кирилловича любимое занятие. Любит он копать на даче. С любовью перетирает каждый комочек земли, лелеет крохотные росточки, ухаживает за садом. В день нашей встречи он тоже был на даче и пришел поздно вечером. Отойдя от темы войны, ветеран рассказывал, какую замечательную теплицу соорудил он сегодня, теплую, легкую. Потом посеял семена огурцов и заботливо, как малых деток, укрыл пленкой. Мы говорим обо всем понемножку, и я не тороплюсь уходить. Два пожилых человека – супруги Штахановы – искренне рады госте. Полина Федоровна угощает пирогами, наливает чай в самые красивые чашки, а с Николаем Григорьевичем мы выпили по маленькой за Победу. Но пора и честь знать. Прощаюсь, и меня напутствуют не забывая, звонить, заходить...

Вечер рваным плащом падал с небес. В окнах пылал закат уходящего солнца. Крошечные желтые цветы никак не могли уснуть и тарасили в вечернюю синеву лепестки-глазки. Я шла домой. Сквозь асфальт пробивалась трава, ярко-зеленая и нежная, какой бывает только в апреле, – такой она была и в далеком 1945-м. Тихо. А мне кажется, слышу надрывный стон восемнадцатилетнего мальчишки, сквозь толщу времени вижу серую ладошку, а в ней бурый от крови комочек земли. Пытаюсь стряхнуть оцепенение: полно, тебе, фантазерка, на земле давно мир. Но кто-то шепчет, обжигает дыханием – его принес тот убитый мальчик и его ровесники...

Благодаря красным следопытам средней школы №1 и городского штаба «Факел» во второй половине 1960-х годов было обнаружено место гибели разведгруппы «Сокол». Отважным разведчикам теперь посвящены экспозиции в Музее боевой славы им. И.Д. Черняховского (ДЮЦ), музеях лицея №7, средней школы №6. Трагическая история этой группы и сейчас вызывает интерес, тем более что до сих пор в ней не мало белых пятен.

Светлана КОЖЕВНИКОВА,
руководитель историко-краеведческого клуба «Эпоха»
лицея №7 г.Черняховска

В ТЫЛУ ВРАГА

Инстербургско-Кёнигсбергская операция вошла в историю Великой Отечественной войны как еще один пример доблести, мужества и героизма советских солдат и офицеров: военные действия велись в районе, где располагался самый мощный узел обороны вражеских войск в Восточной Пруссии.

Для взятия такого рубежа необходима была длительная подготовка. Огромный вклад в разработку операции внесли разведывательные группы, работавшие на этой территории в тылу врага.

Группы «Джек», «Максим», «Неман», «Тигр», «Вол», «Мороз», «Кросс» и многие другие были заброшены в глубокий тыл противника, за 500 километров от линии фронта, еще в начале лета 1944 года, за несколько месяцев до прихода наших войск.

Начинался путь разведчиков под Москвой, где в 1941 году знаменитый Спрогис формировал первые разведгруппы. Большая часть их, к сожалению, погибла в начале войны. А вот те, кто сумел выжить тогда, те, кто вырвался из окружения, плена, настоящую военную службу проходили на территории Белоруссии. Вошли в эти группы и бывшие партизаны, подпольщики. Вот почему большинство из тех, кто дошел до Победы, имеет московские и белорусские корни.

В период с июня по октябрь 1944 года командование забросило на территорию Восточной Пруссии более 20 групп (от 7 до 20 разведчиков в группе). Потери порой составляли более 80% от состава. Многие группы погибли полностью. Условия выполнения задания были крайне тяжелы: население настроено враждебно; лесные массивы невелики, — разбитые на отдельные секторы-квадраты и очищенные от подлеска, они хорошо просматривались; высока концентрация войск; все сферы жизни — под активным контролем гестапо. Помимо того, сами разведгруппы не всегда были достаточно подготовлены и оснащены, нередко пользовались старыми картами, не соответствовавшими актуальному состоянию местности; к большим потерям мог приводить и голод. Разведчики, несмотря на трудности, выполняли задание и регулярно снабжали командование оперативными данными о противнике, обеспечивая таким образом подготовку к наступлению войск трех фронтов.

На территории Восточной Пруссии в районе Инстербурга в 1944-45 годах действовали следующие группы: 1) «Гром» (заброшена 17 августа 1944 года в 18 км северо-восточнее Инстербурга; погибло и пропало без вести 6 человек); 2) «Искра» (заброшена 28 сентября 1944 года в 15 км юго-западнее Инстербурга; из 7 человек погибло и пропало без вести 4); 3) «Сокол» (заброшена 14 октября 1944 года в 20 км западнее Инстербурга; из 8 человек пропало без вести 7 вместе с командиром); 4) «Дятел» (заброшена

Тамара Васильева.

3 августа 1944 года в 20 км юго-западнее Инстербурга; пропало без вести вместе с командиром 11 человек); 5) «Быстрый» (заброшена 18 августа 1944 года в 12 км северо-восточнее Инстербурга; пропало без вести вместе с командиром 7 человек); 6) «Харон» (заброшена 16 сентября 1944 года северо-восточнее Инстербурга; из 11 человек пропало без вести 3); 7) «Мичиган» (заброшена 19 сентября 1944 года; погибло и пропало без вести 5 человек); 8) «Мороз» (заброшена в ночь на 25 июля 1944 года, в 2.30, у населенного пункта Розенталь; в составе группы было 14 человек); 9) «Кросс» (заброшена 27 сентября 1944 года в районе населенного пункта Айхенштайн; в составе группы было 9 человек).

Днем и ночью по дорогам двигалась пехота, шла техника. Враг готовился к обороне. Высадившаяся в ночь на 14 октября 1944 года недалеко от Тапиау группа «Сокол» в спешном порядке переместилась в район Инстербурга, где работала в течение десяти дней. В ее состав вхо-

дили семь разведчиков и радистка. Группа получила задание: собрать как можно больше сведений о передвижении войск противника, о его потенциале и возможном пополнении на случай военных действий. Вся информация передавалась на «большую землю».

Радистка Тамара Васильева хорошо знала немецкий язык и могла пройти куда угодно. Она и лейтенант Прохоров (командир группы), под видом переводчицы и немецкого офицера, проникли в штаб, достали нужные сведения, а затем вернулись в группу, которая скрывалась в лесной зоне близ населенного пункта Неттинен. В этот день Валентин Кудряшов, разделенный с Тамарой линией фронта, поймал ее позывные в эфире. Радистка работала четко. Вдруг темп передачи стал нарастать: Тамара явно торопилась. Фашистские пеленгаторы уже обнаружили советскую радиостанцию, и эсэсовский батальон окружил маленький лагерь разведчиков, которые заняли круговую оборону по краю воронки от авиабомбы (со дна этой воронки и вела свои передачи радистка). Тут разгорелся последний и неравный бой. Но ничто не могло остановить Тамару — ничто, кроме смерти. Она успела передать все необходимые сведения, а потом Кудряшов принял открытый текст: «Мы окружены... Подрываю себя и рацию гранатой. Прощайте!» — и рация замолчала... Это было 24 октября.

В состав группы «Сокол», кроме ее командира, лейтенанта Михаила Михайловича Прохорова, и радистки Тамары Ивановны Васильевой, входили разведчики: Сергей Яковлевич Горшков (заместитель командира группы), Николай Федорович Хмеленко, Константин Михайлович Бойко, Владимир Иванович Демидович, Григорий Семенович Ульянов, Иозас Анто Сипавичус.

Несколько слов о каждом.

Михаил Михайлович Прохоров родился в 1924 году в деревне Горный Дубняк Кировского района Калужской области. До войны семья жила в г.Кирове Калужской области, где Михаил учился в средней школе. Он был любознательным и очень общительным. Война началась, когда Михаил окончил 10 классов. Киров оккупировали немцы. В городе было создано несколько подпольных групп, одну из которых возглавлял Михаил Прохоров. Члены этой группы совершили ряд диверсий – вывели из строя кабели вражеской связи. В ночь на 7 ноября 1941 года Прохоров вместе с товарищем по группе, Сорокиным, поднял красный флаг на здании клуба чугунолитейного завода... Михаил прожил совсем короткую жизнь. Когда он погиб, ему было всего 20 лет.

Сергей Яковлевич Горшков родился в 1924 году в селе Евгамино Дзержинского района Омской области. За отвагу и мужество, проявленные в боях, был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. В 1943 году в «Комсомольской газете» появилась статья «Подвиг комсомольца Горшкова», в которой говорилось о том, что 3 декабря комсомолец Сергей Горшков оказался один в окружении взвода гитлеровцев. Засев в окопе, Горшков положил около себя оружие – два ручных пулемета, два автомата и винтовку. Долгие часы он отражал натиск фашистов. Под утро следующего дня подразделение, в котором он служил, пошло в атаку. Патроны у Горшкова, продолжавшего оказывать сопротивление, были на исходе. Выпустив их все до одного, он схватил винтовку и вместе с подоспевшими товарищами бросился на врага врукопашную. Под ногами у него оказались две немецкие гранаты. Воспользовавшись ими, Горшков уничтожил еще четырех немцев. Преследуя

Тамара Васильева. Фотография довоенных лет.

отступавших гитлеровцев, Горшков без устали бил из своей винтовки и первым ворвался в населенный пункт...

Константин Михайлович Бойко родился в 1924 году в деревне Лошаны Заслоновского района Минской области.

Григорий Семенович Ульянов родился в 1908 году в деревне Залузье Городского района Витебской области.

Владимир Иванович Демидович родился в деревне Королино Бегомельского сельсовета, которая расположена среди лесов недалеко от реки Береза. По окончании семи классов учился в школе ФЗО в Минске, где и застала его война. В начале войны сражался в партизанском отряде.

Григорий Семенович Ульянов родился в 1908 году в деревне Залузье Городского района Омской области. В 1934 году, когда в деревне образовался колхоз «Новый строй», Григорий Семенович был избран его председателем. Руководил

хозяйством до 1939 года, затем уехал на Украину. Воевал, после тяжелого ранения находился на излечении в Москве. Пропал без вести в Восточной Пруссии.

Николай Федорович Хмеленко родился в 1924 году в деревне Красники Бегомельского района Минской области. Работал в сельском хозяйстве. Воевал в партизанском отряде. Был женат, дочь Галя девяти месяцев умерла во время блокады партизанского края фашистами.

Тамара Ивановна Васильева родилась 28 марта 1921 года в Одесской области. Отец был учителем, мать – акушеркой в больнице. У нее был брат Виталий и младшая сестренка Рая. В 1926 году Тамара вместе с матерью, Евгенией Васильевной, переехала в город Балта Одесской области, здесь в 1927 году поступила в первый класс средней школы №1. Училась хорошо, мечтала стать инженером. В 1937 году закончила десять классов с золотой медалью. После школы поступила в железнодорожный техникум. Показала отличные способности и через два года перевелась в институт в Харьков. После третьего курса вместе с подругой, Верой Булавиной, уехала на практику в Полтаву, где работала на паровозе помощником машиниста. В начале войны институт эвакуировали в Ташкент. Тамара, как и тысячи советских людей, подала заявление, чтобы пойти на фронт. В 1942 году ее просьбу удовлетворили и послали в спецшколу в Москву. В течение года она должна была овладеть немецким языком, топографией, подрывным делом. Будущие разведчики работали по 14-16 часов в сутки. В июле 1943 года Тамара закончила спецкурсы и была направлена на оккупированную немцами территорию Белоруссии. В одном из маленьких городов она работала переводчицей в гестапо. Тамара Васильева передавала по радиации ценные сведения,

каждый раз рискуя быть обнаруженной фашистскими пеленгаторами. Это были бессонные ночи страха и бесконечного мужества...

В начале осени 1944 года в Прибалтике стояла хорошая погода. С фронта приходили радостные вести, война подходила к концу. Тамара мечтала о встрече с матерью, с которой уже не виделась четыре года. 9 октября 1944 года она писала маме: *«Дорогая мамуся, ты, наверно, много волнуешься обо мне, не надо, родная. Ничего со мной не случилось и не случится, ведь я везучая».* А вот строки из другого письма: *«Дорогая мамочка, здравствуй! Никак не могу написать тебе вволю! Обо мне не беспокойся, живу хорошо и безбедно. Обстановка переменилась. Может, уеду в конце этого месяца в долгую командировку. Не волнуйся, не получая писем, но сама пиши всегда. Ведь из дома пара слов меня будет радовать всегда. Я ношу с собой фото, где мы вдвоем, но я его тебе не решлю в самую последнюю минуту, перед отъездом. Ну, пока все. Пиши побольше и поскорее обо всех и обо всем. Как Витя? В каком он сейчас чине? Целую, твоя дочь Тамара».* Ее мечте не суждено было сбыться...

...Давно отгремела война, но земля хранит память тех суровых лет. У поселка Красная Горка, где разведчики группы «Сокол» приняли свой последний бой, находится могила Тамары Васильевой. Здесь каждый год вот уже много лет 8 мая собираются ветераны и ученики школ на «Костер Памяти» и митинг, посвященный героям-разведчикам. В музее лица №7 бережно хранятся письма и документов, связанные с именем Тамары Васильевой. На улице Гагарина, у здания лица, стоит обелиск, на котором начертаны имена разведчиков группы «Сокол». 28 марта, в день рождения Тамары Васильевой, и 24 октября, в день гибели разведчиков, почетный караул у обелиска напоминает

всем об этих памятных датах, а у его подножия лежат цветы как маленькая дань той безграничной памяти, которая должна храниться в наших сердцах...

В заключение мы приводим текст письма, адресованного красным следопытам пионерской дружины имени Тамары Васильевой средней школы №7 (ныне лицей) ветераном Великой Отечественной войны и труда Владимиром Семеновичем Монастырским (публикуется впервые). Это еще одна страничка памяти о героически погибшей разведчице.

Дорогие юные друзья!

Спасибо за Ваше письмо, за то, что разыскали меня. Оно меня очень взволновало и опять взбудоражило неутраченную боль памяти. Теперь кратко по сути дела.

Познакомились мы с Тамарой в 1938 году во время поступления в Киевский индустриальный институт. Затем была длительная переписка, которая прервалась в 1940 году. Снова возобновилась в 1944 году, после освобождения города Балта. На мое письмо Тамариной маме, Евгении Васильевне, с которой я тоже познакомился в 1938 (когда Тамара очень тяжело болела), она сообщила номер полевой почты (адрес) Тамары. Оказывается, мы были на одном направлении. После Сталинграда и Крыма я также очутился на 3-м Белорусском фронте в 1-й воздушной армии.

Встретились мы в городе Каунасе за несколько дней перед вылетом Тамары в этот проклятый рейс... А вскоре ее подруга Клава, по фамилии (кажется, точно не помню) Красильникова, написала, что Тамара с задания не вернулась, связь с ней оборвалась внезапно, во время сеанса, и что дальнейшая ее судьба неизвестна.

На мои запросы уже к концу войны в часть получил ответ: «Сообщаем, что Тамара Васильева пропала без вести в ночь на 24 октября 1944 года». На мои

письма мать Тамары и сестра Рая ответили, что «нашей Томочки больше нет». Только после передачи Украинского радио, копию текста я вам высылаю (автор Татьяна Воротняк), я связался с редакцией радио, затем с автором передачи и через него с братом Тамары, Виктором Ивановичем Васильевым. С ним сейчас держим связь. Нашел в библиотеке книгу В.И. Бондарева «Сильнее смерти». Повесть о Тамаре, мне кажется, имеет пробелы, которые можно восполнить только глубоким исследованием через архивы. Мне не совсем понятно утверждение «очевидца», что он видел «останки женщины с длинными косами».

При нашей последней встрече кос у нее не было, ибо, как сказала Тамара, они были только помехой при выполнении задания. Видимо, то была найдена не Тамариной могила, хорошо было бы отыскать друзей Тамары, более широкий круг. О Кудряшове я узнал только из передачи по радио и из книги В.И. Бондарева. Кто он? Напишите подробнее. Если у вас есть адрес Бондарева, прошу сообщить.

Дорогие следопыты! Продолжайте, пожалуйста, поиск. Такие, как Тамара, достойны, чтобы о них помнили, чтобы о них писать повести и романы, и каждое слово с большой буквы. Воспоминания о наших встречах с Тамарой я постараюсь вам со временем прислать.

Хотелось бы, что бы вы описали подробнее ход поиска, его достоверность и сомнения.

Спасибо большое за приглашение приехать к вам. Если это мне удастся, буду рад. Ведь я знаю ваши красивые места. Когда-то прошел по линии: Гумбиннен, Инстербург, Кёнигсберг, Пиллау...

Пишите, что вас интересует. Если мне ведомо – обязательно напишу вам.

Еще раз сердечно вас благодарю за ваши добрые дела и память.

11.12.1985 г.

**Дмитрий СМИРНОВ,
ученик 11а класса средней школы №6**

О ТАЙНОЙ ВОЙНЕ И ЯВНОЙ ПОБЕДЕ

Проходят года, сменяются поколения. Каждая эпоха, каждый век диктует свои порядки и условия, формирующие мировоззрение человека своего времени. Что-то подчас забывается, что-то всплывает сегодня в нашей памяти. Но не забыть никогда человечеству страшных последствий войн и международных конфликтов.

Война – это всегда разрушение, разрушение всего: порядков, существующего строя, памятников архитектуры, культуры. Но, пожалуй, самое страшное – «разрушение» человеческих жизней. В этом году наш народ будет отмечать 60-летие со дня Великой Победы, победы над теми, кто, заключив контракт со смертью, шел на «разрушение» не только чужих жизней, но и своей.

Город Черняховск (ранее Инстербург), в котором я живу, не миновал лихолетья войны. Инстербург, как оплот восточнопруссского милитаризма, ждала суровая Божья кара – физическая смерть с потерей своего населения. В то же время эта смерть дала начало новой жизни городу, рожденному войной, городу, который является ровесником Великой Победы и носит имя героя минувшей войны – Ивана Даниловича Черняховского.

После освобождения территории Советского Союза наши войска подошли к границам Восточной Пруссии. Еще в снегах Подмосковья, на полях Орловщины, в брянских и белорусских лесах гвардейцы мечтали о том дне, когда они, наконец, вступят на территорию поработителей. Осенью 1944 года эта мечта становится реальностью.

«Железной перчаткой, протянутой к горлу России», «пистолетом, приставленным к ее виску», называл фюрер оплот Третьего рейха в начале войны. Но в 1944 году командование вермахта понимало всю опасность сложившейся ситуации: «пистолет» так и не выстрелил, а «железная перчатка» заржавела. Необходимо было разработать конструктивно новые планы по укреплению тылов.

До середины января 1945 года на территории Восточной Пруссии возникло множество подземных объектов, о местонахождении которых знал ограниченный круг лиц. Кроме пяти бункеров в Роминтенской пустоши, где размещался Вальдтойфель («Лесной черт»), были оборудованы не менее мощные сооружения в Иоганнесбургском лесу неподалеку от бывшей ставки Гитлера в районе Тройбурга, буквально в семи-восьми километрах от линии фронта под Лётценом, Инстербургом, Велау и Тапиау.

Кроме мощных подземных сооружений, в прифронтовой полосе повсеместно были построены и отдельные бункера, рассчитанные на кратковременное размещение в них небольших групп разведчиков и диверсантов, а также предназначенные для складирования боеприпасов и средств радиосвязи. В специальных герметических металлических ящиках-сейфах были сложены тщательно изготовленные документы военнослужащих Красной Армии, а также тысячи аккуратно упакованных рейхсмарок. С 1944 года в лучших разведшколах Германии ускоренными темпами шло обучение разведчиков для ведения ими террористической партизанской войны на случай захвата противником территории Восточной Пруссии.

Из дневника Йозефа Геббельса (август 1944 года)

Я занят сейчас организацией в широких масштабах так называемой акции «Вервольф», целью которой является создание партизанских групп в областях, занятых противником, для ведения ими диверсионно-разведывательной работы.

Из спецсообщения 1-го управления «Интеллидженс Сервис» №18 от 13 июня 1944 года

1. Состоявшаяся 10 января 1944 г. встреча руководства НСДАП возложила на Гимmlера руководство подготовкой нацистской партии к нелегальной работе после завершения войны.

2. В планы на ближайшее время после завершения войны входит организация партизанской работы на территории Германии силами СС, СА и Гитлерюгенда, а также работа по сбору информации силами «Вервольфа».

Из выступления Адольфа Гитлера (август 1944 года)

Великая Германия никогда не проигрывает эту войну. А если все-таки это и произойдет, то мы будем действовать методом русских: партизанская война – вот главная ставка на нашу победу.

Из воспоминаний Г.К. Жукова, Маршала Советского Союза

К концу 1944 года Германия вступила в тяжелую полосу своего существования. Она оказалась зажата с востока, юго-востока и запада. Надежда на помощь западных империалистических кругов не оправдалась, а мощь Красной Армии день ото дня все более возрастала. Сколько же приходилось нам в этот период опрашивать пленных немцев, мы не встречали тех, кто бы еще верил в победу Германии. Все они в один голос заявляли: «Гитлер капут». Однако Гитлер проводил одну тотальную мобилизацию за другой. Фашисты беспощадно подавляли всякое инакомыслие и малейшее недоверие к своему

режиму. Особенно жестокие расправы проводило гестапо после покушения на Гитлера 20 июня 1944 года. 18 октября 1944 года был введен указ Германского правительства об образовании фольксштурма («народное ополчение»), в который призывались лица от 16 до 60 лет. Это ополчение под началом Гимmlера должно было служить резервной армией. Гитлеровцы создали даже вспомогательный женский корпус. Но тем не менее армия Гитлера могла довольно серьезно сопротивляться. В вооруженных силах противника насчитывалось свыше 9,4 млн. человек, при этом в действующей армии – 5,4 млн., более 8 тыс. танков и пулеметов, 4,1 тыс. самолетов.

Первоначально никто из советского руководства не придавал особого значения гитлеровскому плану «Вервольф – партизанская война», но еще до завершения Восточно-Прусской операции в спец-

сообщениях Управления контрразведки «Смерш» появляется информация о начале диверсионной деятельности.

Одно из первых подобных донесений датируется 4 апреля 1945 года. В нем говорилось:

«В районе Инстербурга была обнаружена и захвачена группа диверсантов-штурмовиков в количестве 26 человек. Они успели произвести несколько подрывов железнодорожного полотна на перегоне Гумбиннен – Инстербург, совершить нападение на танковую колонну, перерезать кабель вблизи командного пункта стрелковой дивизии, коварно убить около десяти советских офицеров».

В сообщении от 16 апреля 1945 года содержались следующие сведения:

«Совсем недавно в 30 километрах юго-западнее того же Инстербурга немцы выбросили парашютный десант в составе 25 человек, окончивших партизанскую школу в Иенкау под Данцигом. Вот имена диверсантов: Дитмар Хорст, Ахорт Рольф, Мартин Шерт и т.д.»

Диверсанты, прошедшие спецподготовку, имели при себе, кроме экипировки, солдатскую книжку или книжку рабочего-восстановителя, естественно на вымышленную фамилию. «Партизаны» передвигались, искусно маскируясь под советских солдат, конвоирующих пленных. У каждого из них была капсула с ядом, зашитая в пояс кальсон.

Восточно-Прусская военная операция разрабатывалась уже с учетом опасности возможного ведения партизанской войны немецкими спецслужбами на захваченных территориях Восточной Пруссии.

13 января 1945 года началась мощнейшая артподготовка, ознаменовавшая новое наступление Красной Армии. Общий замысел заключался в том, чтобы ударом на Мариенбург отрезать Восточную Пруссию от центральных районов Германии и одновременно нанести с вос-

тока глубокий фронтальный удар на Кёнигсберг. Центральное место в операции отводилось 3-му Белорусскому фронту, которым командовал генерал армии И.Д. Черняховский.

Из воспоминаний Федора Распоркина (книга «Северный бастион»)

Накануне наступления 13 января перед солдатами и офицерами нашего подразделения выступил генерал Черняховский. «Товарищи, – начал он, – нам предстоит сокрушить Восточную Пруссию. Это все одно что выбить все сваи из под гитлеровского Рейха. И я недалеко от того, чтобы, поддавшись эмоциям, крикнуть, что мы выбьем их, эти сваи! Но мне, как командующему фронтом, было бы преступлением смягчать или облегчать нашу задачу. Ведь на оборону этих свай брошена 41 дивизия, фольксштурм, отряды СС, другие войска. Есть тысячи дотов, надолбов, фортов – и «королевских», и каких угодно – все неприступно и аспидно опасно для наступающих. Можно положить жизни и не взять их».

Посмотрев на часы, Черняховский махнул рукой начальнику артиллерии Барсукову. «Начнем», – сказал командующий.

Войска фронта наступали в направлении главного удара, Велау – Кёнигсберг. Но прежде чем выполнить эту задачу, необходимо было разгромить тильзитско-инстербургскую группировку. Ведь именно здесь проходила вторая линия обороны немцев, названная Ильменхорст.

Из воспоминаний военного летчика В.В. Калашикова

Мне посчастливилось выполнять 9 июня 1944 года необычное боевое задание. Нам была поставлена задача – бомбардировка самолетами ЯК-7 окрестностей города Инстербурга с целью морального воздействия на противника.

В воскресенье четверо наших «яков» вылетели на выполнение задания по маршруту Сморгонь – Вильно – Каунас – Инстербург. Погода была ясной. Появление советских истребителей в небе над Восточной Пруссией было настолько внезапным, что ни одна зенитная батарея не открыла огонь.

Видим свою цель, заходим с запада. Первую атаку решают провести на скопление техники. С высоты тысячи метров переводим самолеты в атаку, пикируем, ведем прицельный ураганный огонь из всех точек. Видим сильные взрывы, костры пожаров. Атаки следуют одна за другой, они были столь стремительны, что немцы даже не успели опомниться. Операция завершилась. С победой мы вернулись на базу.

Налет истребителей на Инстербург, о котором написала «Правда» 17 июня 1944 года, вконец развеял миф немецкой пропаганды о недосыгаемости собственной имперской территории. В этот же день инженер авиационного полка Мерцхулава написал следующие строки:

*Инстербург объят тревогой.
Что случилось? Ради Бога,
Помогите! Караул!
Русских «яков» грозный гул
Немцев вывел из терпенья,
Началось сопротивление.
Говорят и строчат пушки,
Недопито пиво в кружке,
И на камнях мостовой
Фриц лежит полуживой.*

Для более успешного осуществления операции по захвату Инстербурга необходимо было провести разведку этой местности. С этой целью в октябре 1944 года в окрестности Инстербурга была заброшена разведгруппа «Сокол».

Из книги В.Бедарева «Последнее задание»

Шел октябрь 1944 года, в воздухе чувствовалась неприветливая осень. Са-

молет то и дело бросает из стороны в сторону, сильно гудит мотор. Восемь человек в самолете молчат. Каждый из них думал о своем, но их объединяет одна цель – скорее уничтожить фашистов, для этого они и летят в тыл к немцам. Мужчины теребят в руках давно погасшие самокрутки. Только девушка из всех них улыбается чему-то, и в ее глазах играет молодость и жизнь.

Самолет уже находился над территорией Восточной Пруссии. «Пора. Инстербург», – объявляет пилот. Группа скрывается в темноте.

Это произошло в ночь с 13 на 14 октября 1944 года. В составе группы было 8 человек: командир лейтенант Михаил Михайлович Прохоров (псевдоним «Сокол»), заместитель командира Сергей Яковлевич Горшков, 5 бойцов – К.М. Бойко, Г.С. Ульянов, В.И. Демидович, Н.Ф. Хмеленко, И.А. Сипавичус – и радистка Т.И. Васильева.

Задача разведчиков заключалась в том, чтобы вести наблюдение за важными военными пунктами, складами, продвижением войск неприятеля на Кёнигсберг. Группа не раз рисковала жизнью, делая вылазки в предместья Инстербурга со своей базовой точки у населенного пункта Неттинен (ныне пос. Красная Горка), откуда хорошо просматривался весь город. Регулярно два раза в сутки Тамара Васильева выходила в эфир и передавала сведения в Москву. Группа действовала десять дней – с 14 по 24 октября. Во время очередного сеанса связи она была запеленгована. В районе мельницы после неравного боя все разведчики погибли.

Вот практически и все сведения о действиях «Сокола». Оно не удивительно, поскольку долгое время группа была засекречена и любая информация о ней представляла государственную тайну.

М.А. Костина с отрядом «Искатель», 1968.

Из воспоминаний М.А. Костиной

Нашим отрядом «Искатель» была проделана большая работа по сбору информации о героях минувшей войны, о местах боевой славы русского оружия. История поиска места гибели отряда «Сокол» началась в 1965 году, когда на адрес военкомата стали приходить письма ветерана войны. Как мы позже выяснили, письма принадлежали одному из бывших офицеров Генерального штаба, куда поступали шифровки от разведчиков. Этот человек, имени которого я, к сожалению, не помню, просил нас помочь найти место гибели группы «Сокол» и лично Тамары Васильевой, которую он очень любил. Этот офицер расшифровывал 7 радиogramм из Инстербурга. Самая первая из них, переданная Тамарой Васильевой, заключала в себе следующие строки: «Прибыли на место, расположились на опушке леса, внизу река, недалеко мельница, хорошо просматривается Инстербург». Затем следовали радиосообщения о передвижении вражеских частей, обороне го-

рода, скоплениях техники и вооружения. И, наконец, последнее сообщение явно говорило о гибели группы: «Окружены. Все погибли. Подрываю себя и рацию».

Конечно же после таких писем и личной встречи мы загорелись отыскать то место, где погибла группа. Поисковый отряд исследовал все подходящие по описаниям пригороды Черняховска, но нигде не было обнаружено никаких следов. И все же нам повезло. У поселка Красная Горка все сходилось: река, опушка, хорошо просматривался город, но не было мельницы. У кого бы мы ни спрашивали о ней, никто не помнил. Советовали обратиться к старожилам. Наконец, местный пожилой житель по фамилии Иванов после некоторых колебаний рассказал, что после войны он занимался поиском кладов. Однажды возле большого жернова от мельницы он заметил осевшую землю. После раскопок на этом месте он обнаружил останки погибшей девушки, накрытой солдатской шинелью. Разочаровавшись, что это не клад, поисковик закопал погибшую. Место это он показал нам сразу. Здесь еще проглядывались остатки мельничных стен. Иванов посоветовал нам больше не копать, поскольку, по его мнению, уже все останки разбросаны пахотным гребнем. Но нашему энтузиазму не было границ. Попросив у того же Иванова лопаты, мы начали копать в указанном месте и где-то на глубине одного метра наткнулись на обрывки шинели, полуистлевшую гимнастерку, фрагменты вязаной кофты и, наконец, кости человека. Хотелось найти череп, но обнаружили только кости рук и ног. Вскоре мы нашли и разбитую рацию. По возвращении в город кости были отданы на экспертизу в военный госпиталь. Экспертиза установила, что кости женские, женщине до 30 лет.

О результатах наших поисков узнала мать Тамары Васильевой, Евгения Васильевна Васильева, которая приехала

в Черняховск. Она рассказала нам о своей дочери, выросшей в городе Балта, показала привезенные фотографии и письма. Последнее письмо было датировано 11 октября 1944 года:

«Дорогая мамочка! Я снова скоро уеду на дачу, а проще говоря, кувыркнушь голловой вниз. Но за время войны я уже привыкла к этому, и на сердце у меня спокойно. Как хочется хотя бы краешком глаза увидеть вас, родные мои. Кажется, будь у меня крылья, не раздумывая, полетела бы, чтобы хоть на миг прижаться к твоей груди, моя мамуся! Ну ничего, пишите мне по-прежнему. После возвращения я буду с радостью читать ваши письма. Жди меня, мамочка. Целую крепко, крепко, крепко. Твоя Тамара».

Мы показали матери все находки. На одной из фотографий Тамара была запечатлена в красивой вязаной кофте, фрагменты которой мы и нашли на месте гибели разведчиков. Сомнений не было – погибшей девушкой была Тамара Васильева.

Кости были захоронены на мемориале погибшим воинам. На месте их находки была сооружена символическая могила. В Доме пионеров прошел ряд встреч с родственниками других разведчиков «Сокола». На собранные населением деньги у школы №7 был установлен памятник Тамаре Васильевой и группе «Сокол».

Несколько месяцев спустя, тщательно изучив материалы разведки, 11-я гвардейская армия во взаимодействии с 28-й и 5-й армиями и 1-м танковым корпусом должна была овладеть Инстербургом.

В первых числах января 1945 года генерал-майор Г.И. Карижский прибыл в 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию, сменив генерала-майора Г.И. Исакова, который был смертельно ранен. С ходу пришлось готовить соединения к последующим боям. Новый командующий в учебном составе сосредоточил главные усилия на отработке действий при веде-

нии боев в тактической и оперативной глубине обороны, при прорыве промежуточных рубежей, атаках в населенных пунктах, блокировании долговременных огневых сооружений. Главный удар должен быть нанесен вдоль шоссе Тильзит – Инстербург. 16-я гвардейская дивизия получила задачу – нанести удар в направлении Нойнишкен – Шприндт.

21 января в 22.00 после двадцатиминутной артиллерийской подготовки началось наступление на Инстербург. Немецкие войска оказали яростное сопротивление. Атаки наших дивизий захлебнулись. Несмотря на то что немецкие гарнизоны в опорных пунктах Падройен и Пагелинен были разгромлены, овладеть с ходу предместьем Инстербурга – Георгенбургом не удалось. Время работало на противника, он в любую минуту мог подтянуть резервы. Ситуацию изменил маневр, предпринятый командиром 36-го стрелкового корпуса генералом Кошевым, который в поддержку 58-го стрелкового полка ввел в бой части 84-й гвардейской стрелковой дивизии. Решительными атаками его полки овладели опорными пунктами гитлеровцев Гросс Шункерн и Цвион (Георгенталь). 18-я и 16-я гвардейские дивизии наконец прорвали оборону. Был взят Георгенбург, захвачены мосты через Инстер и Анграпп. Завязались бои в самом городе.

Из воспоминаний ветерана войны А.С. Мысливца, штурмовавшего Инстербург

Впереди двигалась только дивизионная разведка. Отступающие гитлеровцы заминировали мосты, деревья по обочине дороги. Мы остановились в районе нынешнего мясокомбината. Ночью выдвинулись на окраину города. Под удар нашей авиации попала колонна противника: лежали трупы людей, лошадей, разбитые телеги, транспорт. Нам пришлось заночевать в большом пятиэтажном доме (на этом

месте сейчас стоит памятник Ленину). Ночь прошла более-менее спокойно. Утром наше орудие подавило несколько огневых точек. Потерь было много. Бои за город тем и тяжелее, что приходится сражаться за каждый метр земли. На вражеских улицах отовсюду нас подстерегала смертельная опасность.

На рассвете в город вошла 16-я дивизия. Ее 46-й полк, форсировав Анграпп, завязал бои на северо-восточной окраине. В ходе боев наши подразделения заняли предместье Георгенхорст. К утру

центральная часть города фактически уже контролировалась советскими войсками. Однако отступавшие немецкие подразделения, сгруппировавшись в трех километрах от города, в течение всего дня 22 января продолжали вести интенсивный огонь по городу из орудий. Благодаря активным действиям в тылу врага 53-го гвардейского полка, гитлеровцы не выдержали натиска и отступили в район Гайтцунена.

Войска выполнили задачу – Инстербург пал.

КНИГА ИСПОВЕДЕЙ О ВОЙНЕ

Репортажи из прошлого

Зимой этого года проводила урок, посвященный книгам о войне, учитель литературы Привольненской школы Антонина Васильевна Пастушенко. Урок назывался «Последние свидетели». И возникла у нее и ее 10-классников идея записать воспоминания живущих рядом очевидцев событий военных лет: пережитое и выстраданное ими не должно быть похоронено под глухими плитами забвения; о том нужно помнить, чтобы предотвратить новое кровопролитие. Так родилась книга, в которую вошли живые рассказы этих людей – своеобразные репортажи из дня вчерашнего, ставшие посланиями в будущее... Она еще не окончена - в нее будут внесены новые записи, а сама книга - ее рукописный оригинал - будет храниться в музее Привольненской средней школы.

ПРОШЛЫМ ТОЖЕ НАДО ЖИТЬ

Я, Боева (Пономарева) Анастасия Сергеевна, родилась 24 июня 1922 года в Смоленской области, в деревне Мартеновка. Я была самая старшая в семье. Нас у матери было шестеро. Когда началась война, мне исполнилось 19 лет. Отец, Сергей Ионович Пономарев, работал председателем сельского совета. Жили бедно. Спали на соломе.

Хорошо помню день, когда объявили войну. Уже на следующий день, рано утром, к нам пришел человек из военкомата и дал на сборы на фронт два часа. Сельский совет от нашей деревни находился где-то в трех километрах. Поехали провожать отца. А там народу, крику! Помню, как отец говорил матери: «Сань, береги детей, война больше трех месяцев не продлится...» Отец погиб где-то под

городком Ефремовом, когда шла страшная сеча за Москву. Позже мы выяснили, что отец работал писарем при штабе. Налетели немецкие самолеты и разбомбили штаб в щепы. Потом уже пришла повестка, что отец пропал без вести. Что там от штаба осталось? Всех и записали – «пропал без вести».

Немец пер на Москву, поэтому нас стали эвакуировать из опасного района, чтобы не угнали в Германию. Нас погрузили в вагоны и отправили в сибирский город Кемерово. Мама осталась с пятью детьми.

Привезли нас на завод. Работали по 20 часов в сутки. Кормили плохо. Мы с подружкой, Нинкой Автушко, убежали. Как добралась до мамы, один Бог знает. Где товарняком, где пешком. Голодные, холодные, босые... Где две-три картошки дадут люди, тем и живы были. Помню, с нами еще два парня было, два брата – Иван и Володя Киселевы. Недели две добирались. Грязные, вшивые...

Пришли в деревню, а там – немцы. Мама к этому времени перебралась было в деревню Глотовка. Встретились. Жили у хозяйки. Есть нечего. Деревни с боями переходили из рук в руки. То немец возьмет, то через неделю наши. Некоторые наши девчонки пошли работать к немцам переводчицами. Работа их заключалась в том, чтобы ходить по дворам и показывать, у кого еще есть поросенок или куры. Немец жрать тоже хотел. Жители живность прятали – детей-то кормить надо. Находили, сволочи, отбирали подчистую. А потом наших девчонок немцы насиловали и убивали. Оставшихся убивали наши – за предательство. Когда наши отбили деревню в очередной раз, к хозяйке ходил капитан, вроде с Украины, Шухлин Володя, не знаю, жив ли остался. Так вот он хозяйке носил поесть: то картошки мешок припрет, то крупы. Она всегда делилась с нами, очень добрая

Берлин капитулировал. 2 мая 1945г.

была женщина. Так и выжили. Мама плакала, говорила мне: «Дочка, иди на войну, здесь с голоду помрем или немцы убьют». Этот капитан и взял меня в госпиталь санитаркой. Отмыли меня, привезли в часть.

Чего я только здесь я не насмотрелась. На операциях помогала: кровяца, стоны, смерть. Врачи от усталости сногвалились. А раненых сколько было! Наркоз и уколы научилась делать. Даже отрезала ноги у оперируемых солдат. Наш госпиталь был передвижной, недалеко от передовой. Рядом бой идет, а мы палатки раскидываем и оборудование, чтобы раненых принять. И сами в бою участвовали, когда надо было раненых из-под огня вытаскивать. Таскали на собачьих упряжках,

Советские воины у стен рейхстага. Берлин, май 1945г.

а когда их не было, тогда на плащ-палатке волоком тащили до эвакупункта. А другой раз – развернемся, а тут немец с воздуха давай нас бомбить... Ужас, что творилось... Казалось, что самолет именно на тебя и летит и превратит сейчас тебя ни во что. Погибали и раненые, и врачи, и медсестры. Опять сворачиваемся, уходим в другой район. Брели самое необходимое: уцелевших раненых и медицинский инструмент. Тяжелораненых отправляли в тыл.

Сейчас, когда смотрю кино, не могу спокойно слышать свист бомб и снарядов, потому что видела, как от них погибали люди, много людей... Тысячи перевязок сделали мои руки. Сдавала для раненых свою кровь, плакала, когда умирали...

Вот так и прослужила всю войну в госпитале. До Берлина дошла. Там и замуж вышла. На рейхстаге подпись свою оставила. И Знамя Победы над рейх-

стагом видела. Помню, солдаты наши бегали по зданию, все Гитлера хотели найти...

Кончилась война, надо было строиться заново. Поехала в Калининградскую область. Вырастила детей, внуков.

День Победы. Я жду этот день и боюсь его. Болеть начинаю сразу от воспоминаний. Придут подруги, сестра. Плачем, нам платков носовых не хватает. Я не могу глядеть, как дети наши играют «в войну». Это переворачивает душу. Мы победили, потому что жили тяжело, не были избалованными и смогли вынести все трудности. Мы победили, потому что верили...

МЫ ЭТОТ МИР СПАСАЛИ

Я, Еремихин Иван Семенович, родился в 1926 году в Смоленской области, в деревне Лужница. Деревня наша была большой – из двух хозяйств состояла.

Известная была деревня – здесь сражение с Наполеоном было. Долго он не мог деревню нашу взять... Помню, что там стоял большой бетонный крест в память об этом сражении. Деревня наша сохранилась и теперь относится к Калужской области. И район поменяли, теперь он Кировский. В деревне была школа-семилетка. В семье у нас детей было пятеро – четыре сестры и я. Немцы быстро подходили к нашим краям, но мы успели уйти в леса – в те самые, непроходимые брянские. Вырыли землянки и там жили вплоть до самого освобождения. Находились в оккупации почти три года.

Помогали партизанам: когда они уходили на задания, мы готовили кушать, стирали, протапливали землянки. Все три года я был в партизанском отряде. Изучил все системы оружия – и немецкого, и итальянского. Мог собрать и разобрать трофейные винтовки и автоматы чуть ли не с закрытыми глазами. Но для боя мне оружие так и не давали, наверное, потому, что я был еще пацаном. Работы не боялся никакой. Когда еще жили в деревне, нас пятеро было и без отца (он умер в 1937 году), я был главный помощник. Мать присматривала за лошадьми. Ночью я их пас, а днем помогал кормить. Так что к труду мне было не привыкать. Жили бедно, почти не было одежды – ходили в самотканом, в лаптях.

Немцы лютовали сильно: жгли хаты, расстреливали. Сожгли и наш дом. В первый раз немцы расстреляли сразу около 70 человек – за связь с партизанами. Много было полицаев из числа наших русских, которые и выдавали. Немцы боялись партизан, поэтому в деревнях около лесов старались не останавливаться. Полицаи боялись партизан еще больше: наши с ними вообще не церемонились – расстреливали на месте без суда и следствия. В нашей деревне было человек двадцать

немцев да полицаи. Схватили и моего дядю Илью, расстреляли со всеми. Мертвых закапывали неглубоко, потому что эту работу делали в основном немощные старики. Дядя мой был ранен, выбрался из ямы и вернулся домой, можно сказать, с того света. Он потом в отряд пришел.

По лесу бродило много брошенного скота, и дичи в лесах было много, так что еда в отряде была. Правда, не было хлеба и картошки. Когда уходили в лес, картошку не успели выкопать, она и замерзла. Ночью мы пробирались на эти поля, выкапывали мерзлую, пекли и ели. Есть ее можно было только горячей, остывшая в рот не лезла.

Наконец, к нашему району подошли войска Брянского фронта и освободили всех 9 октября 1943 года. Стали жить в амбарчике – не амбаре даже. Всех, кто был под немцами, стали «просеивать» на связь с врагом. Меня тоже проверили и взяли в армию, когда мне исполнилось 17 лет. Направили в сержантскую школу в Ивановскую область в город Шуя, где запомнилось большое количество ткацких фабрик. Заселились в бараки и землянки.

Получил звание младшего сержанта. Во время ускоренной учебы тоже кормили плохо – в основном одной тухлой рыбой. Многие заболели дизентерией. Болезнь эта очень тяжелая. Я выжил и выучился. Попал на Украинский фронт в запасный полк, стоящий на станции Киверцы в Тернопольской области. Здесь было много бендеровцев, которые ненавидели русских и убивали их. В полку было много солдат из Средней Азии: узбеков, таджиков, туркменов. В наш полк постоянно приезжали представители из других частей и забирали с собой необходимых бойцов по разным специальностям.

Дошла очередь и до меня. Вместе с другом нас забрал капитан. Начали обучать

Боевые действия в Венгрии. 1945г.

разведывательному делу по специальности «помощник разведчика-корректировщика». Нашей задачей было наблюдать за перемещениями противника и докладывать офицеру. Прятались мы обычно на деревьях с трофейными биноклями. Бывало, не слезали с дерева по нескольку суток. Благодаря нашим данным, артиллерия поражала немецкие позиции с живой силой и техникой. Пока артиллеристы накрывали немецкие позиции, нам надо было покинуть наблюдательный пункт, иначе немцы быстро рассекречивали наводчика и переводили огонь на него. Однажды мне не повезло: я был тяжело ранен – раздроблен тазобедренный сустав. Это произошло около озера Балатон в Венгрии, возле города Секешфехервар. Здесь шли крупные бои, немец чуть было не сбросил наши полки в Дунай. После эвакуации меня направили через Дунай в центральный госпиталь в город Бая. Там мне сделали операцию. Потом я узнал, что госпиталь, где мне оказали первую помощь, полностью был уничтожен фашистами.

В госпитале я пробыл более трех месяцев. Надо было возвращаться в строй и искать свою часть, поскольку в другой

тебя могли посчитать предателем или дезертиром. С капитаном-однополчанином мы все-таки нашли нашу часть в Австрии. Здесь я впервые увидел американских солдат. Офицеры – все белые, солдаты – черные. Здоровые как быки. Никакой дисциплины. Они запросто приходили к нам (а русских они уважали) и угощали нас водкой и закуской. Людями мне показались они простыми. Пили с нами на равных. Не очень-то рвались в бой, все легло на плечи нам – русским солдатам. Они шли за нами, «русский Иван» брал первый огонь на себя.

В Венгрии я получил медаль «За отвагу», в Болгарии – «За боевые заслуги». Есть орден Отечественной войны. Воевал и в Румынии.

Прослужил в армии до 1950 года. Мне тогда было 24 года. Как инвалид, работал шофером. Демобилизовался, приехал в Калининградскую область в поселок Привольное. С 1950 года живу здесь. Работал управляющим, шофером, трактористом, звеньевым по выращиванию зерновых культур. Имею медаль «За трудовую доблесть» и «Знак Почета». С 1986 года на пенсии.

ОТ ВОСПОМИНАНИЙ МЕНЯ ОХВАТЫВАЕТ УЖАС...

Я, **Богомолова Раиса Васильевна**, 38 лет отработала в поселке Привольное фельдшером.

22 июня 1941 года в воскресный день отец уехал на рынок в районный центр и привез мне туфли. После обеда по радио объявили, что началась война. Ночью принесли повестку, и утром 23 июня отец уже отбыл на фронт. В августе 1941 года от него пришло письмо, откуда-то из-под Вязьмы... И все. Больше мы его никогда не видели и не получали никаких известий. Погиб он на Смоленщине, где могила – не известно.

Помню, как однажды мы с подружкой гадали на блюде с кругом – вызывали духов. Я спросила, жив ли мой папа. По буквам прочла, что папы нет, что он умер в 1942 году в плену. Когда вернулся домой друг отца, он сказал, что отец действительно попал в плен, работал на кухне у немцев. Выносил в рукаве то картошку, то кусочек хлеба для своих. Немцы заметили – перевели на тяжелую работу, таскать шпалы на железной дороге. Когда в их бригаде заболели дизентерией 18 человек, в том числе и мой отец, то немцы закопали их живьем в землю...

20 августа я должна была сдавать экзамены в медучилище, а 19 августа 1944 года пришло письмо с известием, что брат отца, Александр, умер от кровотечения бедра в госпитале. Где его могила, мы тоже не знаем.

Наш район граничил с Тамбовской областью, и война его не тронула. Голод был повальный. Очень много работали, независимо от возраста, – по 15-18 часов. Ночью помогали маме на скотном дворе. Зерно мололи и пекли хлеб сами. На год давали по 40 килограммов зерна всего.

Молотили ночью. Мужиков не хватало – все почти на фронте. Рожь и просо сеяли сами без плугов и лошадей, вскапывали землю лопатами. Нам, детям, было тогда по 10-12 лет. Сеяли вручную, через сито. Впрягались в борону вместо лошадей, тянули что есть сил.

Школы были, но учиться в них было почти некому. Мы с подружкой вдвоем ходили учиться зимой, когда работы было поменьше. Нас учил директор школы Александр Герасимович Чернышенко. Закончив школу, поступила в медучилище города Усмань Воронежской области.

Много вынесли матери наши и мы, дети войны, и вообще женщины... Как только начинаю вспоминать, меня ужас охватывает... Другой раз хочу внучке рассказать о том, как жили, а невестка одернет: зачем девочке такое знать? – женщина растет, мать...

Я ВСЕГДА БЫЛА ВЗРОСЛОЙ...

Я, **Загоруйко (Пономарева) Антонина Сергеевна**, родилась в 1932 году. Я сестра Боевой Анастасии Сергеевны.

Сестра уже вам рассказывала, что она ушла на войну, а мы остались в оккупации. Пришли наши и говорят: «Быстро собирайтесь! Немец уже близко!» Коров у нас забрали, а то так и так немцу бы достались.

Самому малому из нас у мамы не было и года. Голод, холод... До 1943 года деревня то под немцем была, то наши ее захватывали. Часто попадали под бомбежку, особенно бомбили нас ночью. Как только мать услышит вой снарядов, хватает нас всех в охапку – и бежать к лесу, до которого было метров шестьсот. Там прыгали в окопы и траншеи. Мать накроет нас всех, как наседка. Трясемся все, плачем, молимся... Если бомбили днем, то немецкие самолеты летали так низко, что в кабинах мы могли рассмот-

Я СПАСАЛА ЖИЗНЬ

Я, **Фирсанова (Хребтова) Екатерина Семеновна**, родилась в 1924 году в Запорожской области в селе Терпение Мелитопольского района. В семье нас было пятеро детей. Тяжело жили без отца, не помогал колхоз вдове с пятью детьми. Почти всегда в школе голодные сидели.

В 1933-34 годах был повальный голод. Давали по 200 граммов пшеницы на трудодень, то есть за год – мешок пшеницы за работу! Люди мерли ежедневно. Мертвых складывали в яму и не закапывали, потому что завтра надо было класть новую партию умерших. Да и кому закапывать? Люди совсем обессилели и лопату держать не могли в руках.

В день начала войны мы пошли на работу, в совхозе работали. Радио у нас тогда не было. Вдруг приезжает из сельского совета охранник и объявляет: «Война!» Брат мой был уже в армии – его забрали в 1940 году, а отец умер еще в 1929 году от ран, полученных на Гражданской войне.

Мужчины ушли воевать, а мы остались в селе – работать на полях. Как-то раз мы с сестрой пропалывали свеклу тяпками, и она попала тяпкой по старойmine. Ее сильно поранило, и через пять дней она умерла. Ей тогда было всего 26 лет. Где-то в 1942 году в наше селение пришли части австрийцев и румын, и немцы, конечно, тоже были. Запомнились румыны, которые колоннами шли через наше село в желтых шинелях. Они возвращались домой. Говорили, что их президент отозвал их с войны.

Пришлось нам и окопы рыть. Тяжелая это оказалась работа. Нужно было сделать так, чтобы одна стенка была плоская, а другая как бы со ступенькой – это чтобы танки застревали и не могли пройти. Но немцы все же прошли и захватили Мелитополь. Он два раза еще переходил из рук в руки. Немцы издевались над на-

реть лица летчиков. А они смеялись, глядя на нас, и бомбили...

Война войной, а есть надо было постоянно, ртов-то сколько. И вот я, девятилетняя девочка, пошла побираться по деревням. Мать покрестит меня, заплачет и пускает по миру. Ходила одна километров за 25. Иду, реву. Нужно хоть что-то принести, иначе все умерли бы от голоду. Спасибо, находились добрые люди, картофелин сырых дадут, а то и хлеба краюху. Тогда во мне, наверное, умер ребенок. Я уже была не я, а совсем другой человек. Во мне жил еще ребенок, но он был как-то в стороне, с кем-то другим.

Принесу несколько картофелин. Мама даст по одной каждому, а остальные золотой присыплет и уберет про запас. Мама все собирала, чем можно было нас кормить. Огород когда засеяли, легче стало, обжились. Однажды мешок картошки насобирали, а тут немцы. Мы спрятали его в сарай, в подпол. Когда немцы ушли, пошли забирать эту картошку, а она испорчена. Оказывается, немцы держали в сарае лошадей, а те мочились на нашу картошку, и есть ее было уже нельзя. Это было для нас страшное горе.

Один раз самолеты налетели, а мы до леса не успели добежать. В подвал спустились и в бочки залезли. Не помню, сколько сидели в темноте. Потом слышу голос: «Вылезай, дочка, немцев отогнали». Это были наши солдаты. Вот так и прожили войну. В начале войны мы были еще детьми – 9-12 лет, а война закончилась, – я считаю, что мы были уже совсем взрослыми, хотя нам было по 16-17 лет.

Вновь надо было засучивать рукава и восстанавливать разрушенное. И на свидание было бегать не к кому: женихи погибли... Ни детства, ни юности судьба нам не оставила. В 1947 году опять голод страшный... Мне кажется, что я всегда была взрослой...

селением как хотели: поджигали поля с колосющимся зерном, в колодцы живьем бросали и топили и русских, и украинцев. Просто так! От злости! Многие убегали и прятались, как могли. Никогда не забыть, как нас немец бомбил, как потом ходили в поле и собирали мертвых солдат наших. По 60-80 человек хоронили – складывали в одну большую яму и закапывали. Кто они? Кто их родители? Никто не знает до сих пор. Захоранивать приходилось обязательно, иначе эпидемия, чума, смерть. Помню, как от голоду пухли. Давали нам по 200 граммов в сутки на человека макухи – это жмых от семечек. Чтобы не умереть с голоду, варили весной конский щавель на суп. Лебеду рвали. Положим ее на ладони, похлопаем ими – и на сковородку. А она к сковородке пристаёт (без масла же), не отодрать. Отскоблишь ножом и ешь. А от сырой лебеды люди умирали. Так продолжалось до 1943 года, пока наши не освободили Мелитополь. Тогда я видела, как «катюши» «утюжили» немцев. Как даст машина залп по 8 снарядов сразу! Немцы «катюш» смертельно боялись. Потом прогнали немцев совсем с земли нашей.

Помню, как брат с войны вернулся в 1946 году, но вскоре умер. А через год от голода умерла и мама. И мы бы умерли, но волей случая мы уехали в Орловскую область: там хоть картошка была, что нас и спасло. Жили в Мценске. Устроилась на спиртзавод, рабочей. Потом вышла замуж. В 1951 году с мужем переехали в Калининградскую область.

Здесь тоже несладко было. На работу в городе было устроиться трудно. Пришлось остаться в деревне, а здесь деревенские были вроде крепостных. Паспорта забирали. Уехать нельзя было, как бы ты ни желал. Я в колхозе стала работать. На лето давали отработать норму – на одного человека два гектара картошки: прополоть, окучить, убрать. Если на свеклу

ставили, то гектар. Пока до одного конца поля с тяпкой дойдешь, другой конец уже зарос! Платили 1 рубль 40 копеек за трудодень. Что можно было купить за эти деньги? На хлеб не хватало. Да и не продали бы белого хлеба, он продавался только блокадникам или больным желудком. Тогда отпуск по уходу за ребенком составлял полтора месяца. Работаю в поле, душа болит – как ребенка сходить накормить? Брат мужа брал дочку – а ей было всего два месяца – и нес ко мне в поле, чтобы я покормила ее грудью. И никому дела не было. А если бы не было свекрови, то с кем бы я вообще ребенка оставила? Муж у меня тогда служил в армии.

Теперь все это вспоминаю и не перестаю удивляться: как мы все это смогли выдержать и не очерстветь сердцем? Наверное, я спасала жизнь, а она спасала меня. Я сейчас на все согласна. Ничего не надо, никаких излишеств. Пусть ничего не будет! Только пусть будет мир. Пусть даже хлеба не будет. Только мир! Мы же этот мир спасали!..

У НИХ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГОЛОВЫ

Я Нина Ярошевич. Когда началась война, мне было 9 лет. Вечером к старшей сестре приходил жених – свататься. Все в доме обсуждали, когда играть свадьбу, куда молодые поедут расписываться. А с самого утра отца вызвали в военкомат. По деревне уже зашумели – война! Мама растерялась, не знала, что делать. А я об одном думала: как пережить этот день? Я думала, что завтра все опять станет хорошо. Никто мне не объяснял, что война – это не один день и не два, а может продлиться еще очень долго.

Стояло жаркое лето. Хотелось сходить на речку искупаться. А мама собирала нас в дорогу. У нас был еще и брат, его только забрали из больницы. Ему сделали опера-

НЕ НАДО ВОЙНЫ...

Я Балусова Наталья Андреевна, 1930 года рождения. Родилась в Смоленской области в деревне Милоселье. Нас в семье было пятеро: три брата и две сестры.

Война ворвалась в нашу жизнь сразу. Помнятся бомбежки, мне тогда было 11 лет. На третий день войны немец был уже под Смоленском. В колхозе тогда готовилась уборочная. Выросло просо, рожь, пшеница. В конце июля – начале августа семьям распределили делянки для уборки урожая. Начали работы – и вдруг немцы. С трассы Смоленск – Москва они заехали к нам в село.

Мы тогда решили бежать, но что можно с собой взять? Решили, что возьмем только одежду и продукты. Часть продуктов закопали, думая, что война продлится не больше года. Стали мы с братом закапывать вырытую яму – вдруг слышим за спиной: «Киндеры, неправильно делаете: сначала надо доски положить, затем солону, а уж потом закапывать!» Мы обмерли – это были немцы, но они не поняли нашей затеи.

Помню, что в нашей деревне прятали одну еврейку с двумя детьми. Как она у нас появилась – не знаю. Но, помню, кормили всей деревней. И немцы так и не узнали о ней. Носили ей кушать по очереди. Никто не предал, хотя предателей хватало. Жила в деревне одна такая сучка, Шарапова по фамилии вроде. Так она все маме говорила: «Я возьму и расскажу немцам, что у вас партизанская семья». А муж у нее был без одной ноги. Он ей говорил: «Попробуй только – убью сразу!»

Теперь мы решили перебраться в другую деревню, а когда приехали, то увидели, что там полно немцев. Вернулись назад. В нашей деревне гитлеровцев было гораздо меньше. Практически, они у нас не задерживались, только наездами. Они

цию на ноге, и он ходил еще на костылях. Но мама сказала: «Надо идти всем». Куда – никто не знал. Прошли мы километров пять. Всю дорогу брат хромал и плакал. Куда с ним дальше? Повернули назад. Дома нас ждал отец. Мужчины, которые утром ушли в военкомат, вернулись, потому что фашисты уже взяли Слуцк.

Помню первую бомбежку. Увидела первые летящие бомбы, взрывающиеся на земле. Кто-то подсказал, что надо открывать рот, чтобы не оглушило. Открываешь рот, затыкаешь уши и все равно слышишь грохот. Страшно было...

Помню, как немцы ехали на больших машинах. Мы смотрели на них через плетень. На людей вроде похожи. Я только хотела увидеть, какие у них головы. У меня было представление, что головы у них нечеловеческие. Мы уже знали, что они убивают и жгут, а они ехали и смеялись...

За несколько дней за деревней немцы выкопали большую яму, и каждый день в 5-6 утра оттуда доносились выстрелы. Ехали как-то раз мы с отцом на подводе. Он придержал коня возле той ямы: «Пойду, – говорит, – погляжу». Там его двоюродную сестру расстреляли. Он идет – и я за ним. Вдруг отец поворачивается, закрывая собой яму. «Закрой глаза, дочка, не смотри туда». Я только успела увидеть, когда переступала ручей, что вода в нем красная... Тогда поднялись вороны. Их было так много, что я испугалась и закричала. А отец после этого несколько дней ничего не мог взять в рот. Увидит ворону и в хату бежит, его трясет...

Помню, как повесили в парке две семьи, связанных с партизанами. Морозы стояли сильные, и повешенные так промерзли, что, раскачиваясь на ветру, звенели, как звенят в лесу замерзшие деревья.

Отец помогал партизанам, а когда нас освободили, ушел на фронт. Ушел и вернулся живым.

Вручение наград отличившимся в боях партизанам.

тогда на Москву шли. Когда их разбили, стали отступать через Смоленск, то есть через нас. Гибло их при отступлении много. Больше всего – замерзали от холода. Одеты они были хуже, чем наши солдаты. У наших полушубки, валенки, а у них сапоги. Разве спасут они от такого холода? Партизаны их заодно громили.

Мой брат Василий организовал партизанский отряд. До войны у него был «белый» билет: не мог служить в армии, потому что страдал куриной слепотой. С отрядом провел все пять лет войны. Дошел до Берлина. Вася был бесстрашный и неуязвимый. Красивый, веселый. Многих товарищей потерял, а сам цел остался. Правда, домой пришел весь больной, пораненный. А вот брат Миша погиб при обороне Брестской крепости в первые дни войны. Он еще до войны служил на границе. Незадолго до начала Отечественной прислал письмо: «Ждите в отпуск». И все. Дальше следы затерялись. Знаем, что погиб в Бресте. А как? Где похоронен? Помню, после войны вернулся в наше село солдат. Он ска-

зал матери, чтобы она отца больше не искала. Он был очевидцем событий в Бресте. «Только нам отбой дали, слышим – стрельба ураганная началась. Немцы! Пришлось в одних подштаниках убежать. Месиво там было! Рядом Днепр. Кто в чем был, в том в реку и прыгал. А немец с самолетов наших бойцов добивал в воде». Наверное, утонул наш брат. Кто тогда искал? Но извещение пришло: «Пропал без вести». А раз пропал без вести – пенсию за погибшего не давали (вдруг он к немцам перебежал). Так мама ничего не добила на счет пособия.

Брат Борис тоже служил в армии до войны. С первых дней – на фронте. За несколько дней до окончания войны прислал письмо: «Войне конец. Ждите!» А через месяц новое письмо: «Я в Японии». Пришлось ему еще повоевать в Манчжурии. Вернулся домой весь израненный. Умер в 1986 году. Он также был в числе переселенцев в Калининградскую область. Работал в совхозе №8 (позже «Калининградский»). Затем уехал к семье, где и умер.

Не могу больше вспоминать, душу бередить. Тяжело мне это. Одно скажу – не надо войны! Не надо!

ТАК ХОЧЕТСЯ ПОЖИТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ...

Я, Бабичева (Пантелеева) Ольга Нестеровна, родилась в 1926 году в Смоленской области в селе Жугино. Нас в нашей многодетной семье было пятеро: четыре сестры и брат Василий. Он учился в Новосибирске в летной школе. Год отучился, как его забрали на войну. Вернулся домой в 1944-м, без ноги. В 1950 году погиб молодым...

Конечно же помню, прежде всего, бомбежки. Рядом с деревней была станция Дурово. Ох и бомбили немцы ее! Поезда шли на Москву – их и бомбили. Налетят самолеты с крестами – неба не видно. Рельсы – как кони вздыбленные. Людей погибло – страсть сколько. Оставшиеся в живых добирались до деревни и прятались у нас. Но разве спрячешься от войны? Нам самим приходилось уходить в лес и хорониться в крутом рве. Туда мы поуводили и коров – наших кормилиц. Немцы узнали о нашем схороне, пришлось уходить в другой район. Нас и там нашли. Пришлось вещи закапывать.

Двинулись мы на Вязьму, через Днепр. Беженцев – море. Уходили, кто как мог: на лошадях, на подводках, пешком. Подошли к Вязьме, а там уже немцы. Вернулись назад – и там немцы. Оказались в полном окружении. Лютовали немцы у нас. Детей с родителями жгли в сараях. Подопрут бревнами и поджигают... Потом стали молодежь угонять в Германию. Меня с ребятами (все примерно в возрасте 15 лет) схватили и загрузили в машины с автоматчиками. Привезли на одну из станций за Смоленском. Выгрузили из машин за колючую проволоку. Ночь спали на земле. Кому-то удалось

убежать. Нас, оставшихся, погрузили в вагоны для скота и куда-то повезли. Не помню, сколько ехали, но ни есть ни пить в дороге не давали. Если кто начал кричать – открывали огонь из автоматов. Привезли в Германию, в какой-то портовый город (мы видели пароходы), привели в бараки. Везде колючка. Наконец, дали поесть: теплая брюква и вода. Через день, к вечеру ближе, вновь погнали нас куда-то. Уже первый снежок землю посыпал, мороз чувствовался. Опять на земле всю ночь просидели в холоде собачьем. Прижмемся друг к другу – вроде бы теплее. Оказались в лагере. В Бухенвальде. Издевались над нами как хотели: под капель ставили, давали в руки по кирпичу и с поднятыми руками заставляли стоять. Не выдержал – расстреливали. Возле барачков обливали раздетых холодной водой на холоде. На утренних проверках травили людей собаками. Один раз подожгли барак. В нем человек сто было – кто успел выскочить, кто нет. Еда – брюква да вода.

Людей жгли в больших печах. Кого эта участь миновала – работали. С утра нас уводили, вечером возвращали. Потом нас перевели в другой лагерь, где было очень много полицеев, которые ходили в штанах с красными полосами. Били они нас, когда хотели. Тоже нас на работу водили в город. Улочки там были очень узкие – машина не проедет. Один раз пытались сбежать. Спрятались в подвале, а у немцев подвалы как лабиринты – еле выбрались. Решили вернуться. Фронт далеко. Куда бежать? Помню, что один раз мы с девочками договорились, что если кого ранят или еще как изуечат, то остальные должны добить, чтобы прекратить страдания.

Вот такое мое отрочество. Перегоняли нас из лагеря в лагерь, в одном месте долго не держали. Везде смерть. Освободили нас американцы с нашими войсками.

После освобождения привезли в бывшую Восточную Пруссию, в Норкиттен, сейчас Междуречье. Всех допрашивали...

Работала потом во 2-м отделении совхоза №8. Работала везде, куда посылали. Тяжело было. Замуж вышла. С 1981 года на пенсии. Пенсию получаю 1900 рублей, видимо, больше я не заслужила.

БЕРЕГИТЕ МИР!

Я Чаркина (Глазница) Надежда Николаевна, 1936 года рождения. Родилась в Казахстане, в селе Косома Кустанайской области.

Когда началась война, мне было пять лет, но я очень отчетливо помню, как провожали на фронт отца. Помню, как посадили его в машину и повезли. А у мамы на руках брат маленький. Ему и года еще не было. Крик, причитания, слезы...

В наше село приехало очень много эвакуированных. Дети были почти всех национальностей. Были у нас и евреи, и немцы, и даже дети из Ирана. Жили вместе. И никто никогда не ссорился на национальной почве. Все были равны, всех уравнила война. Жили дружно. Особого голода не было. Однако почти все наши родственники и очень много крестьян погибли.

Моего отца, Глазницу Николая Захаровича, призвали на фронт в первые дни войны, ему тогда было 30 лет. Работать приходилось очень много и в совхозе, и по дому, с утра до позднего вечера, а то и ночью – стирать или делать какую-нибудь еще работу. Где-то в 1943 году мама сильно заболела. Мы тогда жили в землянках, которые назывались помянками. И тут приходит письмо, кажется из Уфы – из эвакогоспиталя. «Ваш отец жив, но получил ранение под Сталин-

градом – у него перебиты ноги, воевать он больше не сможет. Встречайте его». А как встречать? Мы все маленькие, мама тяжело больна, а ехать надо было в райцентр. И вот какая-то женщина из нашего села (ей такое же письмо пришло про ее мужа), не помню ее фамилии, поехала в райцентр на повозке и обещала привезти нашего папу. Помню, что мы всю ночь не спали, все ждали своего папочку...

Его привезли. Идти сам он не мог. Занесли его в наше жилище. До самой смерти он мучился с ногами, потому что были перебиты нервы обеих ног. Лежал он месяца четыре, не вставал вообще. Был весь изранен, ранения были и в грудь, и в живот... Лечили, как могли. Кое-как стал ходить. Но одна нога так его и не слушалась. А семью-то кормить надо. Как ему ни было тяжело, а работать он пошел. Совхоз выделил ему лошадь. Работал ветврачом. Мама тоже работала зоотехником. Так вот и жили.

В 1972 году я вышла замуж за человека, который приехал осваивать целинные земли. С ним я переехала в Калининградскую область. Здесь, в Привольном, я его и похоронила.

Не хочется вспоминать о войне. Это тяжелые воспоминания. Когда-то я всегда просила папу рассказать о войне – о Сталинградском пекле. Он часто говорил: «Дай Бог, чтобы не только вы, но и ваши дети, мои внуки, не знали войны никогда... Мне трудно смотреть военные фильмы, тяжело слушать слова песни Толкуновой: «Какой бы мы счастливой были парой, мой милый, если б не было войны...» Много полегло на фронте моих боевых товарищей. И не проходит дня, чтобы я не вспомнил о них. Берегите мир!

Впервые об этой женщине мы услышали от нашей землячки, поэтессы Надежды Сергеевны Топтыгиной, которая встретила с Тamarой Алексеевной Левченковой-Лыткиной в Черняховском Доме офицеров, на вечере, называвшемся «Дети войны», записала ее рассказ и потом поведала нам о ее детстве «без детства», познакомилась с ней. И сама Тамара Алексеевна взялась за перо – убедилась, что это нужно другим, – и стала писать о прошлом: его до сих пор она видит, «как на ладошке». Мы публикуем ее воспоминания о самом трудном в ее жизни периоде, который не ведавшие войны привычно называют самым счастливым.

ДНЕВНИК ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Рассказ Тамары Алексеевны Левченковой-Лыткиной, бывшей узницы фашистского концлагеря

Май-июнь 1941 года

Мне 10 лет. Живу я у своей тети – отцовой сестры Захарутиной Анастасии Алексеевны в деревне Гаврилково Ревельского сельсовета. Сейчас каникулы. Бегаю с подружками в лес по грибы, по ягоды, пасу шкодную буренку. Конечно же помогаю тете по хозяйству: кормлю цыплят, мою посуду, мету полы. Вечерами мы с тетей Настей сидим на теплом крыльце, едим свежеспеченный хлеб и запиваем его парным молоком. Я дремлю, а тетя гладит мои непослушные вихры, шепчет что-то ласковое и нежное. Прижавшись к ее плечу, улетаю в радужные сны, где вместе со мной озоруют и мои подружки...

Зима 1942 года

Мне 11 лет. Идет война. Под руководством секретаря райкома партии Суслина организован партизанский отряд, штаб которого располагался в доме моей тети Анастасии Алексеевны. В сентябре 1942 года партизанский отряд был окружен и разгромлен передовыми частями карателей. Деревня была сожжена, жители расстреляны. Уцелевшие сельчане, в том числе и я с двоюродным братом Женей, не дождавшись возвращения с боевого задания нашей тети, осиротевшие, вместе с горсткой партизан, прорвавшихся через

Тамара Левченкова (слева) со своей польской подружкой. 1944г.

кольцо окружения, ушли в лес, в партизанский отряд...

Лес. Густой лес. Землянки. Походная кухня. Мы, дети войны, с глазами старух и стариков, были готовы делать все, чтобы приблизить победу над фашистами. Парни и девушки ходили в разведку, до-

бывая оружие и продовольствие. Я тоже не сидела сложа руки. Я воевала, но не с автоматом, а за счет своих глаз и смекалки. На старой кляче, что была когда-то водовозом, я возила партизан на задание в ближайшие деревни и хутора.

Моя задача была не из легких: под прицелом снайпера, этакой простушкой, я должна была переезжать на своей лошади от стога к стогу и как можно безмятежнее выдергивать из стога пучки сена, как бы нехотя наполняя телегу этим нехитрым богатством. Мои партизаны этим временем должны были с величайшей осторожностью незаметно покинуть телегу, чтобы выполнить задание. Под видом заготовки сена я должна была дожидаться возвращения партизан и доставить их в отряд.

...В этот злополучный день ребята долго не давали о себе знать. Я сильно разволновалась. Страх сковывал мои движения. Сердце замирало от каждого шороха, вороньего крика, треска заледеневшего сучка и звуков далекой канонады. Было

Тамара Левченкова в детском доме. 1945г.

очень холодно, я начала замерзать. Прислонившись к стогу, стала забываться сном. Так бы и осталась там навеки, если бы не подоспели партизаны. Они положили меня в телегу и погнали лошадь по заснеженной неприметной тропе в партизанский отряд. Разведчики, как могли, отогревали в дороге мои руки и ноги. Осторожно, чтобы не было больно, растирали лицо, не чувствовавшее почти уже ничего. Не добравшись до места расположения отряда, мы попали в засаду. Одна из пуль попала прямо в спину лошади, и она, залитая кровью, ошалев от боли, понесла не разбирая дороги, чуть было не разнесла всех нас вдребезги. Раненая лошадь, ломая оглобли и все, что было на ее пути, примчалась в лагерь и рухнула наземь. Вскоре до партизан донесся лай собак, автоматные очереди карателей. Отряд пошел на прорыв вражеского кольца, но силы явно были неравными. Овчарки, отпущенные с поводков, настигали бойцов, рвали их на куски, а подоспевшие фашисты добивали наших парней и девушек. Те, кто не смог прорваться сквозь кольцо блокады и остался жив, попали в плен. С ними была и я.

Нас, детей, стариков и женщин, собрали в кучу и вместе с оставшимися партизанами повели на расстрел к берегу Десны. Тех, кто не мог идти, убивали на месте. Нас же, избитых и израненных, поставили цепью на кромке берега реки и, потехи ради, начали беспорядочно стрелять в кого попало. При этом фашисты играли на губных гармошках, ели шоколад и заливались смехом. По счастливой случайности я осталась жива. Бог миловал. Все мое тело болело от побоев и укусов собак. Нас, оставшихся в живых, снова погнали в лес, где посадили на стволы спиленных сосен и так держали под дулами автоматов. Когда я, обессиленная, замерзающая, посмела обернуться в сторону партизан, удар немецкого сапога пришелся мне в

Тамара Алексеевна Левченкова-Лыткина.

самую челюсть. Я еле удержалась от падения с бревна. По чьему-то приказу нас стали по одному выводить на допрос. Назад, к соснам, не вернулся никто.

Плен

Мне, двенадцатилетней, на допросе задавали такие вопросы, что я даже при всем желании не смогла бы на них ответить. На моем лице говорили только глаза, но в них было столько недетской ненависти, что даже ярые садисты отводили свой взгляд от моего лица. Мне загоняли под ногти иглы, подвешивали за руки, били по спине плеткой, пытаюсь выдавить из меня признание. Я теряла сознание, и тогда мои мучители выбрасывали меня на улицу, в сугроб.

После издевательств нас, оставшихся в живых, погрузили в телячьи вагоны и отправили в неизвестном направлении. В пути не давали ни капли воды, ни крошки хлеба. Тех, кто не умер в пути, выгрузили из вагонов и отвезли в какой-

то лагерь. Здесь нас остригли, помыли в бане и стали брать кровь из вены. Многие дети умирали тут же, под иглой, а тех, в ком еще теплилась жизнь, оставили для дальнейших донорских целей. Для поддержания «сил» выдали жестяные банки с каким-то пойлом, от которого и без того слабые дети стали умирать в муках. Я же из-за раздробленной сапогом челюсти не могла даже раскрыть рот, что и спасло меня от гибели.

Лагерь

Вскоре нас, детей, вместе с пленными бойцами отправили в лагерь, который находился в деревне Малый Тростянец. Это место для многих стало настоящей душегубкой. Издевательства над пленными продолжались: вновь берут кровь из вены, пункцию из позвоночника, травят газом, трепанируют черепа. Возле деревни был лес, который пленные называли «Благовещина». Туда увозили убивать детей, женщин и стариков. Перед расстрелом своих жертв фашисты вырывали из рук матерей грудных детей, подбрасывали их вверх и на глазах обезумевших женщин убивали младенцев.

Ивьё

Сколько мы пробыли в этом аду – я не помню. Мне кажется – целую вечность. Из Малого Тростянца нас увезли в Молодечненскую область, в город Ивьё. Загнали, как скотину, в сарай. Время от времени кого-то выводили на улицу. Назад человек не возвращался.

Как-то в сарай, вместе с немцами, пришла женщина с добрым лицом и тихим, ласковым голосом. Она подошла и ко мне, спросив фамилию и имя. Из-за большой челюсти я не смогла ей ответить. Один из пленников сказал, что меня зовут Хохлуниной Тамарой. Он сказал, что первое при-

шло ему в голову. Откуда было ему знать мою настоящую фамилию – Левченкова?

Меня и еще нескольких отобранных сирот немцы передали женщине, которая привела нас в Ивьевский приют. Оказалось, что фашисты проявили «гуманность», приказав женщинам-переселенкам собрать по окрестностям голодных, оборванных детей в одном месте, не предоставив для этого места никаких условий. Обездоленные ребяташки, лишенные родительского тепла и заботы, выброшенные из вагонов-душегубок, бродившие по опустошенным деревням и жившие на милость Божью, стали мешать немцам, представлять для них некую опасность. Вот почему они и решили открыть приют, совсем не из доброжелательных чувств.

Детей собирали А. Барышева, Т. Куницкая и А. Егорова. Они находили истощенных бродяжек в лесу и забирали их из барачков, где содержались пленные бойцы. Отыскали пустующий еврейский дом, где и разместили детей. Еды было совсем мало. Однажды помогла хлебом польская гмина. Она же дала официальное разрешение на сбор милостыни. Численность детей в приюте росла.

Когда Антонина Николаевна Егорова привела меня в приют, она не надеялась, что я выживу – до такой степени я была истощена. Несмотря на то что приют, ставший для нас домом, охранялся немцами, Антонина Николаевна тайком, рискуя жизнью, иногда забирала меня на

ночь к себе домой, где возвращала меня к жизни: лечила, ставила банки, подкармливала, чем могла. Она дарила мне свое душевное тепло без остатка, вернула интерес к жизни. Эта сердобольная женщина смогла передать меня из приюта в одну из польских семей. Там тоже было несладко, но все же это был не плен...

1945 год

В год окончания войны моя спасительница, Антонина Николаевна, смогла отыскать меня и определила в специальный детский дом. На первых порах я училась плохо, ничего не могла запомнить – сказывалось загубленное войною детство: постоянный страх, ожидание новых бед мешали сосредоточиваться. Антонина Николаевна и здесь проявляла чуткость, понимая мое душевное состояние. Ее добрые слова, улыбка, материнская забота – все это стало возвращать мои силы. На моих щеках даже появился румянец. «Значит, дело на поправку», – сказала, смахнув набежавшую слезу, эта добрая женщина, которая помогла мне выжить, поставила на ноги. До конца жизни я останусь ей благодарной...

Сейчас, на склоне лет, я часто вспоминаю то время, кажется, вижу все, как на ладошке. А когда мне снится мое военное детство, опять становится страшно... Вот уже и дети мои выросли, и внуки подрастают. Счастье, что они не испытали того, что пришлось пережить нам, «детям войны».

Екатерина ЮФЕРЕВА,
ученица 10а класса школы №6

РАЗГОВОР С БАБОЙ ШУРОЙ

Война – это страшное слово, которое приходилось слышать многим, но не многие могут объяснить, что это такое на самом деле.

В нашем городе живут ветераны Великой Отечественной войны, которым удалось пройти через этот кровешный ад. У одной из участниц военных событий я побывала в гостях. Ее зовут Александра Петровна Бурова (девичья ее фамилия – Максимова), но мы, дети, называем ее просто баба Шура. Она не только прошла всю войну и пронесла на своих плечах тяжесть фронтовой жизни, но и, вернувшись домой с поля боя, рассказала нам в своих стихах об ужасе войны. Баба Шура – человек искренний, простой, добрый, открытый и любящий свою страну, Родину...

– Баба Шура, я человек новой эры и о военных событиях знаю только из кинофильмов и книг, поэтому я хотела бы услышать о Великой Отечественной войне из уст участника. Но первый вопрос, который я хочу задать Вам, будет связан не с войной, а, скорее, с Вашей прошлой жизнью. Где Вы жили до войны и как?

– Я жила в Калининской области, в Лихославльском районе, в деревне Басихе. Жили мирно, в согласии, конечно пока не началась война, потом все изменилось. До того молодежь ходила в клуб по вечерам, гуляла в парке. Я училась в школе, правда недолго, всего лишь до пятого класса. Вот так я жила.

– Вы, наверное, как многие в то время, попали на фронт совсем молоденькой? Расскажите, как это было.

– Мне был двадцать один год, когда меня призвали на фронт. 13 ноября 1941 года надо было явиться в военкомат уже с вещами. Я с двумя своими сестрами и братом отправилась защищать свою Родину. Вернулась домой в двадцать три года.

– Какая у Вас военная специальность (конечно, если она есть, потому что в то время, как известно, брали на фронт всех, кто мог постоять за Родину, а это были и взрослые люди, и совсем молодые ребята и девушки)?

– У меня звание ефрейтора. Я служила в 11-й армии, в 50-м отдельном батальоне. В группе у нас были одни девушки. Работа наша была несложная, но опасная. Мы, девушки, подрывали фашистские танки – «тигры» и «пантеры», снаряды и встречали «катюши» для нашей армии. Были, конечно, на фронте и такие моменты, которые заставляли нас плакать. Это случилось уже в Пруссии: у многих не было обуви, и наш командир заставил нас снимать обувь с наших же убитых солдат. Я, конечно, обувь не взяла, но ткань на портянки взяла. Вот так мы и жили на фронте.

– Баба Шура, я знаю, что у Вас много наград.

– Да, медалей у меня много, и есть даже один орден. Мною получены медаль Жукова, юбилейные медали, посвященные 25-летию, 30-летию, 40-летию и 50-летию Великой Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», орден Отечественной войны 2-й степени.

– Извините меня за этот вопрос, но была ли у вас любовь на фронте?

– Ой, любовь? О ней-то мы и не думали, нужно было защищать страну от ненасытного врага, да и когда думать, если наш батальон состоял из одних девчат?

Александра Петровна Бурова (слева)
и ее сестра Екатерина Петровна Ласточкина

Вот до войны любовь была. В шестнадцать лет у меня был парень, но его, когда началась война, забрали на фронт, он так и не вернулся домой.

– Я знаю, что многие фронтовики во время войны и после нее писали стихи и рассказы о том, как они выживали в тех условиях, также я знаю, что Вы пишете замечательные стихотворения на военную тему. Скажите, когда Вы начали писать и сколько стихотворений на данный момент Вами создано?

– Начала я писать уже после войны, в 60 лет, а всего у меня пятьдесят девять стихотворений. Конечно, если бы не зрение, то я бы еще писала, и много.

– Скажите, на какие темы Вы больше предпочитаете писать?

– На разные. Есть стихи как о войне, так и о мирной жизни, – одним словом, пишу о том, что в стране происходит.

– Если не секрет, как у Вас получается писать такие стихи, которые берут за душу?

– Как получается? Да просто. Я как посмотрю телевизор или послушаю радио, считай и стих готов. Очень у меня быстро получается писать.

– Да? Учтем. А вот скажите, как Вы, человек, прошедший войну, изведавший и хлебнувший немало горя, относитесь к сегодняшнему времени и к нашему поколению?

– Мы, «сталинские дети», еще не забыли старое время. Я ветеран, и мне обидно и больно смотреть на нашу спившуюся и «бомжующую» молодежь, ведь мы сражались и воевали не за такое будущее для своих детей. Конечно, меня еще не покидает надежда на лучшее...

Вот такой разговор происходил между мной и Александрой Петровной. Из него я почерпнула новое и интересное для самой себя и, надеюсь, для многих из тех, кто познакомится с моим интервью. Конечно, это всего лишь малость из жизни потрясающе мужественной, крепкой и стойкой бабы Шуры, но если прочитать стихи, которые она написала, можно узнать больше о ее фронтовой жизни, потому что в стихах и есть ее прошедшее. Такие люди, как Александра Петровна, учат нас быть достойными, почитающими и уважающими свою Родину настоящими патриотами, и мы должны равняться на них.

Александра БУРОВА

ТРОФЕЙНЫЙ БАТАЛЬОН

Фронтная нам выпала доля
От снарядов поля очищать,
Мины тоже повсюду лежали -
Нужно было нам все подбирать.

И трофейные танки подбитые
На куски нам пришлось подрывать,
А куски отправлять на заводы,
А с заводов «катюши» встречать.

Еще танки на фронте мы ждали,
Чтоб скорее покончить с войной,
От врага нашу землю очистить
И с победой вернуться домой.

Мы в леса все снаряды возили,
Да и мины пришлось подрывать,
Чтобы люди могли жить спокойно,
После боя могли отдыхать.

Весь народ уже хочет свободы,
Пусть враги восвосяси сидят
И не рушат они нашу землю, -
Только мира народы хотят.

Сорок лет мы живем уже в мире,
Но войны никогда не забыть.
Ах, война, разрушительна сила -
Никого и нигде не щадит.

УТРОМ ДЕВЯТОГО МАЯ

Утром Девятого мая
Сообщили всей нашей стране:
«Победа! Победа! Победа!..»
Нет радостней слов на земле.

От радости все ликовали,
Улыбка у всех на лице:
Победа! Победа! Победа!
Мир в нашей советской стране!

Повсюду и птицы нам пели
После ужасной войны.
Победа! Победа! Победа!
Счастливей нет нашей страны.

Домой мы не сразу вернулись
И жили как будто во сне.
Победа! Победа! Победа!
Ждали встречи с родными мы все.

К деревне своей подходила,
Я помню, вечерней порой.
Победа! Победа! Победа!
Вернулась я с фронта домой.

Волнуясь, я дверь открываю,
И вижу я маму свою.
Победа! Победа! Победа!
Вернулась в родную семью.

Сестренки мои все проснулись,
Не спали мы все до утра.
Я дома. От радостной встречи
Казалась мне ночь коротка.

Виктор ХАБИБУЛЛИН

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

В 30-е годы самой популярной и романтической профессией в нашей стране была профессия летчика, о которой мечтали десятки тысяч подростков. Мечтал стать летчиком и Николай Белов, ученик восьмилетней школы села Мартемьянова Каширского района Московской области. Каждый день после уроков он бежал к летному полю и, задрвав голову, наблюдал за полетами самолетов «У-2», на которых курсанты местного аэроклуба овладевали мастерством пилотирования.

В 1937 году Николай окончил школу и стал учиться в фабрично-заводском училище города Ступино. Закончив его через год, получил профессию токаря и стал работать на комбинате. Одновременно продолжил учебу на вечернем отделении Ступинского техникума и в аэроклубе комбината. Здесь исполнилась его заветная мечта – впервые под контролем инструктора аэроклуба он взмыл в небо на учебном самолете.

Это время было временем дерзаний и свершений. Как и многие его сверстники, Николай работал на производстве и учился в двух учебных заведениях, практически не зная отдыха. Через два года, в предвоенном 1940-м, по комсомольской путевке он поступил в авиационное училище города Тушино, чтобы стать военным летчиком – защитником Отечества. Война уже год бушевала в Европе, и молодежь страны прекрасно понимала, что рано или поздно придется воевать с фашизмом. 22 июня 1941 года СССР был атакован гитлеровскими войсками по всей западной границе. Противник не был остановлен и быстро продвигался вглубь страны.

Николай, как и многие его сверстники, рвался на фронт. 23 августа 1941 года

Николай Белов (слева) со своим товарищем. Германия, 1945г.

он получил назначение и выехал к месту службы.

23 сентября он получил приказ вылететь на задание по маршруту Подольск – Вязьма – Малоярославец – Подольск на самолете «ИШ-16Р» и определить местоположение войск Красной Армии и частей противника. Это был первый боевой вылет, и молодой летчик еще на земле продумал все до мелочей. Он решил в любом случае выполнить задание, а для этого необходимо было избежать воздушного боя с самолетами противника и как можно меньше находиться в зоне огня его зенитной артиллерии.

Задание было успешно выполнено, и, доложив о результатах разведки, он полу-

Майор Н.И. Белов. 1948г.

чил разрешение отдохнуть. Нервное напряжение было таким сильным, что, как писал он в своих воспоминаниях, вряд ли он «смог бы совершить второй вылет в этот день». Так начались его фронтовые будни летчика, начались и очень быстро закончились: уже на четырнадцатом вылете его самолет был подбит, загорелся, и раненый пилот оказался на территории, занятой врагом. На земле его обнаружили наши бойцы-пехотинцы, выходявшие из окружения. Они оказали ему медицинскую помощь, и через три дня они вместе пробилась к своим.

Летчика оставили в армии, но медицинская комиссия закрыла для него путь в небо, признав негодным к летной службе. После лечения он вынужден был осваивать новую военную профес-

сию, прошел переподготовку по специальности артиллериста.

В мае 1942 года он вернулся на фронт командиром минометного взвода перед началом Ржевской наступательной операции, которая закончилась неудачей. Войска, не сумев прорвать фронт противника, вновь перешли к обороне. Разведка начала активный поиск «языков», однако все операции заканчивались неудачей. Николай Белов вызвался добровольно выполнить задачу по доставке «языка». Он был назначен руководителем группы захвата, направленной в тыл врага. Несколько дней группа вела поиск цели, пока не обнаружила пулеметный расчет, вынесенный на фланг обороны противника к высоте 141,0 в районе деревни Большая Слотня. Минуя нейтральную полосу, бойцы Белова добрались до окопа противника, но никого в нем не обнаружили – ночью немцы отводили своих солдат в тыл. Возвращаясь, группа попала под плотный минометно-пулеметный огонь. С двумя ранеными бойцами вернулись в расположение своих войск. Вторая попытка взять «языка» также закончилась неудачей. Офицер Белов решил подготовить новый поиск более тщательно.

И только через полтора месяца ему повезло – разведчики взяли в плен немецкого офицера, который передал командованию важные сведения, – и двадцатилетний Николай Белов был награжден первым боевым орденом – орденом Красной Звезды. Вскоре он был ранен и вновь оказался в медсанбате.

Летом 1943 года он был направлен в 16-ю гвардейскую дивизию 11-й гвардейской армии, связав с гвардейским подразделением свою судьбу до конца войны. В июне-августе воины дивизии принимали участие в исторической Курской битве и, наступая на Орловском направлении, освободили город Карачев. За бои на этих участках фронта артилле-

рист Белов был награжден вторым орденом Красной Звезды.

В составе дивизии Николай Белов освобождал Белоруссию в ходе военной операции «Багратион». 11-я армия наступала южнее города Витебска в направлении на Борисов. Немецко-фашистское командование в условиях лесисто-болотистой местности создало оборонительную полосу глубиной от 20 до 45 километров, названную «Пантера». Города Витебск и Орша были превращены в мощные узлы обороны. 23 июня 1944 года при поддержке массированных ударов с воздуха и артиллерии войска 3-го Белорусского фронта прорвали оборону врага и повели наступление южнее Витебска на запад. За умелые действия артиллерийского подразделения Белов был вновь отмечен правительственными наградами – сначала орденом Отечественной войны 2-й степени, а за форсирование Немана – орденом Отечественной войны 1-й степени.

В октябре 1944 году советские войска перешли границу Восточной Пруссии и вторглись в логово врага. В районе города Гумбиннен подразделения 16-й дивизии приняли участие в боях, которые были очень тяжелыми. Противник яростно оборонялся. Часть дивизии попала в окружение. В ходе боев Н.Белов возглавил пехотный батальон, который поддерживала его батарея, после того как комбат был смертельно ранен.

После выхода из окружения 43-й пехотный полк, в котором служил Николай Иванович, получил приказ наступать на Инстербург, прикрытый мощными оборонительными сооружениями. По плану командира корпуса генерала П.К. Кошевого, полк должен был занять позицию на берегу реки Инстер с дальнейшим наступлением на населенный пункт Шприндт.

21 января, в 22.00, 16-я и 18-я дивизии после артподготовки перешли в наступле-

ние, но не смогли прорвать оборону противника. Повторная атака, предпринятая через 45 минут, также не дала результата, и тогда по решению командира корпуса в бой была введена 84-я гвардейская стрелковая дивизия, что позволило гвардейцам прорвать оборону и начать бои в городе на рассвете 22 января. К 5.00 центральная часть Инстербурга была уже в руках наших войск. Деморализованный противник спешно покидал город, отступая к Тапиау. За умелое руководство боем в районе Гумбиннена и в ходе штурма Инстербурга командующий 11-й гвардейской армии генерал К.Н. Галицкий лично наградил отважного офицера орденом Красного Знамени.

Затем были бои за Пиллау, выход к заливу Фришесс-Хафф и участие в штурме Кёнигсберга. После трехдневных боев, в ночь на 8 апреля, командир батареи с группой разведчиков переправился через реку Прегель в районе морского порта и лично корректировал огонь своих 120-миллиметровых минометов. В результате 43-й пехотный полк успешно форсировал реку, соединившись с частями наступавшей с севера 43-й армии, и кольцо окружения противника в городе удалось замкнуть. 9 апреля гарнизон города-крепости капитулировал, а Н. Белов был награжден шестым боевым орденом – орденом Александра Невского.

Закончилась война, и начались мирные будни, но боевой офицер, прошедший через горнило Великой Отечественной войны, остался в армии, продолжая служить в нашем городе.

В 1947 году он был переведен в Германию, затем служил в городе Коврове. Все свои знания и боевой опыт он передавал молодому поколению, молодым офицерам послевоенного периода. В 1960 году Николай Белов был направлен на учебу в Высшую командную артиллерийскую академию, после окончания которой получил

Ветеран 16-й гвардейской полковник Н.И.Белов.

новое назначение – продолжать службу в войсках ПВО в Венгрии, где дислоцировалась южная группа войск. За укрепление добрососедских отношений, примерную службу и наставничество Николай Белов был награжден венгерским правительственным знаком «Золотой венок».

Прошли годы, возмужали его сыновья. Оба пошли по стопам отца. Старший сын Александр закончил Московский авиационный институт, начал службу в научно-исследовательском институте, получил звание подполковника. Младший Сергей закончил военное училище, в настоящее время – майор.

Сам Николай Белов в 1973 году в звании полковника ушел в запас по возра-

ту и выслуге лет, но его связь с армией не прервалась. Он часто выступал в школах, на предприятиях, перед молодыми офицерами, рассказывая о фронтовых буднях, друзьях-однополчанах. Вместе со своими единомышленниками Н. Белов начал поиск ветеранов 16-й гвардейской стрелковой дивизии. Написали объявления, разослали их в газеты различных регионов страны. Отовсюду стали приходиться письма, открытки, телеграммы ветеранов, с которыми установилась постоянная переписка. И тогда было принято решение собраться всем вместе. В подмосковный город Загорск стали прибывать воины прославленной дивизии из различных уголков страны. В ходе встречи был создан совет ветеранов соединения, который по предложению многих возглавил полковник Николай Белов.

За короткий срок была проделана огромная работа. В 1978 году Совет ветеранов соединения объединил 674 человека. В средней школе №58 г.Москвы был создан музей истории соединения. На тот момент действовали еще 10 музеев в различных городах, которые освобождала дивизия. В 1986 году в музее Черняховского педагогического училища была открыта экспозиция, посвященная истории 16-й гвардейской Карачевской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии, на открытие которой приехали ветераны со всей страны. Во всех учебных группах прошли Уроки Мужества. Большим событием для всего педагогического коллектива училища была встреча с легендарными людьми, из которых каждый заслуживает отдельного очерка. После отъезда ветеранов переписка продолжалась еще несколько лет, и, хотя она постепенно прекратилась, память об этом мужественном и достойном человеке осталась.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО ВОЙНЫ

В 1965 году в рукописной «Книге Памяти» комнаты боевой и трудовой славы Дома пионеров и школьников г. Черняховска (ныне Музей боевой и трудовой славы имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра) оставил свои воспоминания участник боев за освобождение Праги, гвардии подполковник в отставке, ветеран 16-й гвардейской Карачевской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии **Валерий Александрович ГАБРУХ**.

В мае 1965 года по приглашению общества Дружбы ЧССР и СССР я в составе группы ветеранов 4-й гвардейской танковой армии был приглашен в Чехословакию на празднование 20-летия освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков.

В Праге я встретился со своим боевым другом Виктором Крюковым, бывшим командиром танковой роты 63-й гвардейской танковой бригады 4-й гвардейской танковой армии. 9 мая 1945 года в последнем бою я огнем своих пушек поддерживал танковую атаку роты Крюкова. Во время встречи чешские друзья записали на пленку рассказ Виктора Крюкова о боевом эпизоде последнего дня войны.

«Рассвет 9 мая 1945 года. Злата Прага, Чехословакия. Тысячи горожан окружили советские танки, тысячи дружеских рук протянулись к нам, жали нам руки. Впереди находился враг, в предсмертной агонии он цеплялся за каждый дом, за каждый квартал. Надо было идти вперед. И молодые русские парни на своих грозных «тридцатьчетверках» снова пошли в бой.

Нашу атаку поддерживал артиллерийский дивизион, и в частности артиллерийская противотанковая батарея гвардии старшего лейтенанта Валерия Габруха. Как только наши танки начали продвигаться вперед, сразу же на них обрушивался огонь фашистов. Друзья-артиллеристы, быстро обнаружив фашистские огневые точки, посылали туда смертельные «гостинцы». По броне

моего танка дробно застучали пули, впереди разорвался снаряд. Я лихорадочно искал через смотровой прибор вражескую пушку, спрятанную где-то в зелени парка, и вдруг увидел, что по площади с огромным букетом сирени бежит маленькая девочка. Она не знала о смертельном поединке советского танка с врагом. Она видела только яркую красную звезду на нашем танке и бежала изо всех сил, спе-

В.А.Габрух.

В освобожденной Праге. 1945г.

ша передать свой букет тем, кто принес жизнь и освобождение ее родному городу. Длинная очередь крупнокалиберного фашистского пулемета огненной трассой перерезала девочке путь. Но она не понимала опасности и продолжала свой бег к краснойзвездной машине. Это была вся благодарная Прага, протянувшая букеты сирени советским танкистам, своим освободителям. Откуда стрелял фашистский пулемет, там разорвались снаряды, выпущенные батареей Валерия Габруха, пулемет умолк. Танк рванулся из своего укрытия, сбил какой-то киоск, вырвался на площадь и своим могучим бронированным телом закрыл девочку. По броне танка вновь застучали осколки снаряда. Тяжелый снаряд разорвался рядом с нами и градом осколков осыпал машину. У меня в запасе было несколько считанных секунд, которые потребуются фашистам, чтобы произвести следующий выстрел, быть может последний для нашего экипажа. Солнце всходило

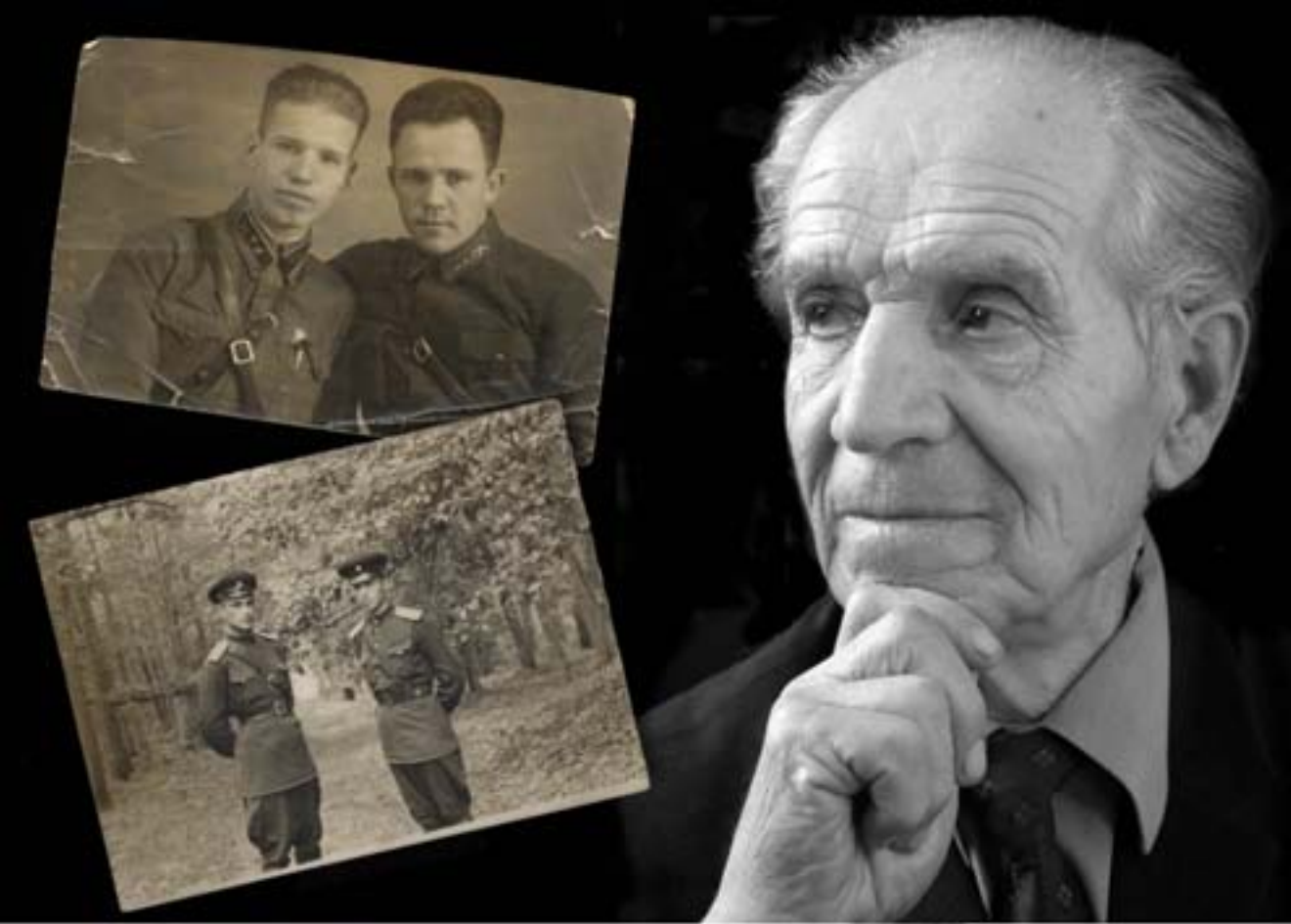
над Прагой. Я видел в перекрестье прицела вражескую пушку и темно-зеленые фигурки фашистов, суевившихся возле нее. Сделав выстрел, я выскочил через люк танка, схватил девочку и втащил в машину. Танк задним ходом вновь ушел в укрытие. На том месте, где стояла вражеская пушка, зияла воронка, курился дымок. Из-под наших шлемов струился холодный пот, а «пятый» член экипажа, крепко обняв нас, кричала нам, оглохшим от грохота боя, чудесное слово «Наздар!» («Да здравствует!»).

Нас окружили пражане плотной толпой. Маленькая белокурая девочка сидела у меня на плече, замерев от восторга, с букетом сирени в руках. Она была героиней этого последнего утра войны и находилась теперь среди своих.

Оставив девочку в толпе жителей и не успев узнать ее имя, мы вновь направились выполнять боевую задачу – очищать городские кварталы от все еще сопротивлявшихся гитлеровцев».

ЯЗЫКОМ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Повесть. Стихотворения

Александр ГАХОВ

ОПЕРАЦИЯ «ВОЛХВЫ»

Приключенческая повесть

Глава 1

У отставного полковника внешней разведки Ивана Васильевича Тихомирова это раннее сентябрьское утро вызвало острое ощущение приближающейся осени. Тончайшая желтизна, растворившаяся в воздухе над садом и дачей, тонкой струйкой просачивалась в приоткрытую форточку, создавая впечатление незримой болезни, надвигающейся на округу. Редкий туман, зацепившийся за кусты крыжовника, был золотисто-зеленым, таким же, как лужицы листвы, скопившейся под яблонями. Горьковатый цвет увядания присутствовал и в стакане бледного, недопитого им чая, в развалах газет и журналов, лежащих на столе и диване. Чувствуя, как горьковатый дух осени, проникая с дыханием, впитывается ему в кровь, вызывая легкое голово-

кружение, Иван Васильевич сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла. Начинаясь день обещал быть таким же, как и многие другие дни, незаметно проследовавшие своей обыденной чередой в его жизни.

«Нас осталось мало – мы да наша боль...» – беззвучно повторял он строчку бардовской песни, случайно залетевшую в память и трепетавшую там, словно муха, попавшая в паутину.

Мелодия мобильного телефона, обрывая эти паутины, заглушила беззвучные строки.

– Батя, прости, что рано потревожил. Это я, Константин, – прозвучал в телефоне голос сына, – соскучился, хочу поглядеть. Что тебе привезти, кроме свежих газет?

– Главное – себя, – усмехнулся Тихомиров-старший, – а остальное как обычно.

Еще несколько слов дребезжащего в мембране телефона родного голоса – и вновь тишина.

В былую давность Иван Васильевич был первоклассным разведчиком. Врожденная способность проникать в сущность вещей и людей дала направление всей жизни и деятельности Тихомирова. А вся его жизнь и деятельность были именно такого рода, что могли только развивать и совершенствовать эту способность. Своей эрудицией он напоминал царских офицеров-первопроходцев, отмечавших на картах речные броды, горные тропы, колодцы в пустынях, двигаясь впереди наступающих войск. Они одновременно описывали нравы аборигенов, собирали гербарии, минералы, оставляя после себя научные изыскания и коллекции, украшавшие музеи университетов и академий.

Его жизненные цели были смелы и до крайности дерзновенны. Но судьба во все времена не приветствовала героев, добивавшихся поставленных целей, платя им за строптивость отчуждением, неожиданно поворачиваясь к победителям острой как бритва гранью.

Первые шаги нелегала Тихомиров сделал, работая в «Красной капелле» под руководством Гуревича-«Кента», впоследствии обвиненного в провале организации лишь за то, что он женился на француженке без ведома руководства НКВД. Чудом вырвавшись из рук гестапо, Тихомиров через нейтральную Швецию вернулся домой, где был немилосердно проверен контрразведкой. И только благодаря начальнику первого отдела генералу Судоплатову избежав штрафбата или, того хуже, лагеря, был допущен к работе, и уже через несколько месяцев по новой легенде его вновь забросили в тыл врага. Но вся тяжесть тех лет не при-

несла ему столько разочарования и боли, сколько доставили памятные августовские дни, когда по телевизору он увидел, как в свете голубых прожекторов краном с постаменты снимали бронзовую скульптуру Дзержинского, которая огромным висельником покачивалась в ночном небе перед светящимися окнами Лубянки. Эта картина оглушила его, и он, отшельником уединившись на даче, жил здесь уже несколько лет словно контуженный взрывом фугаса. Двигались руки и ноги, выполняли свои функции внутренние органы, но оказались разорванными тончайшие волокна, связывавшие его с бытием. Не удивило его даже то, что сын, дослужившийся в родной ему «конторе» до подполковника и уволенный в запас по сокращению, стал подрабатывать консультантом в частной фирме.

Константин появился к обеду, оповестив о своем приезде тремя короткими гудками автомобиля. При встрече обнялись, сын неловко ткнулся в седую отцовскую щетину.

– Ну как ты тут, батя? Не надоело еще? – разглядывая старика, поинтересовался он. – Перебрался бы к нам, что ли.

– Да ты что?! – одними губами ответил Тихомиров-старший, – только тут я и живой.

– Да ведь всякое может случиться, – тоже едва слышно возразил сын, – помочь-то некому будет.

– Потому и живой, – неожиданно громко засмеялся отец, – что всякое может случиться.

– Ты, случаем, не поторапливаешься? – укоризненно взглянул на него Константин.

– Нет, – протянул Иван Васильевич, – уже опаздываю.

Несмотря на преклонный возраст, Тихомиров, в свои восемьдесят семь лет, сохранил ясный ум и способность контролировать положение окружающих вещей.

– Что там новенького? – поинтересовался отец, когда они расположились в большой комнате с камином, застланной пушистым ковром.

– Да все по-старому, доламывают, – разводя в камине огонь, проворчал сын. – Меня только удивляет, что государство, вернее то, что от него осталось, разрушают те, кто по-своему положению должен укреплять и оберегать его.

Тихомиров-старший промолчал – настолько то было очевидно. Из читаемого им в газетах на эту тему можно было составить многотомное издание. Из жизненного опыта он знал, что умалчивание – не самый верный путь к сокрытию истины. Куда более верный способ ее сокрытия – погружение в океан слов. В этом океане истина ведет себя, как топор. Измена всегда более податливых ветру времени верхов, в сущности, для него не была неожиданностью. Народ сам толкал верхи к измене. Предъявляя претензии на уровне личности к Родине, которую держал за злую мачеху, народ и сейчас продолжал терпеть измену верхов, тотально разрушавших основы государства, так как на уровне коллективного подсознательного ощущал, что эта измена – следствие измены его, предавшего свое государство в очередной раз. Это наглядно проявлялось в том, с какой страстью народ смотрел глумящееся над ним, ненавидящее его телевидение, как везде охотно читал труды автора с неслучайным псевдонимом Суворов, утверждавшего как неоспоримую истину неправдоподобное о нем. Тихомиров видел вещи и похуже, но не сомневался, что в комплексе вины народа за само предательство и кроется основная причина выживаемости режимов, приносивших ему много бед и страданий. Так было в России в тысяча девятьсот семнадцатом году, так повторилось и в конце века.

– Я тебе за месяц газеты привез, – оторвавшись от своего занятия, заметил сын, –

в одной из них на глаза заметка попала – хотелось услышать твое мнение. – Он принес из машины газеты и, найдя нужную, протянул отцу. – Думаю, тебе будет интересно, почитай, пока я на кухне повожусь. Тихомиров развернул газету и, найдя статью, о которой говорил сын, пробежал глазами первые строки.

Люди, говорилось в ней, о которых пойдет речь, предприняли в семидесятих годах достаточно дерзкую «акцию» по обнаружению и раскопке в центре Калининграда тайников, в которых были спрятаны старинные прусские ордена и медали. Он читал вдумчиво и не спеша. Дальше сообщалось, что незаконные раскопки проводились лже-археологами под видом строительных работ.

«На глубине 3 метра 20 сантиметров, – вспоминал один из “черных искателей”, – ручной бур зацепил тайник. Оцинкованные ящики были подняты на поверхность. По завершении раскопок место, где они проводились, было приведено нами в порядок, даже дерн был восстановлен...»

Когда позднее «искатели» консультировались у профессионалов об истинной цене отдельных орденов, которые им удалось вывезти в Латвию, то этот вопрос зависал в воздухе, а знающие люди даже боялись брать их в руки, понимая, чем это может для них закончиться. В небольших оцинкованных ящиках, кроме старых орденов, были и три серебряных печатки с руническими знаками, указывавшими, на принадлежность старшим офицерам СС.

«Эти серебряные печатки, – писал корреспондент, – казались сущей безделицей в сравнении с тем, что было поднято на поверхность, но они-то и сыграли роковую роль в судьбе тех людей, которые промышляли орденами старой прусской армии».

На внешних сторонах колец шведскими рунами были нанесены надписи «Кё-

нигсберг-13» и «Посвящение владельцу». Эти строчки Иван Васильевич перечитал дважды и, задумавшись, словно с чем-то соглашаясь, покачал головой, продолжая читать дальше.

Одну из печаток выставили в витрине антикварного магазина в Риге. Прекрасная сохранность изделия из белого металла и необычная гравировка сразу привлекли внимание коллекционеров, но так как изделие было редкое и ранее не встречавшееся, то многие усомнились в его подлинности. Ведь, как известно, профессионалы могут подделать и древние монеты, и серебряные украшения, и многое другое.

Владелец антикварного магазина, ничего не подозревая, попал в такую историю, что позднее боялся рассказывать о том, что с ним произошло.

«Однажды, – нехотя вспоминал он, – рано утром, перед открытием магазина, ко мне подошел мужчина средних лет и, обратившись по-латышски, но с явно выраженным немецким акцентом, предложил сесть в машину, стоявшую у обочины...»

Влекомый какими-то неведомыми силами, владелец магазина последовал за ним. Когда он сел рядом с водителем автомобиля, машина сорвалась с места и ему, не говоря ни слова, передали большую фотографию, на которой были изображены восемнадцать орденов старой прусской армии. Антиквар, взглянув на этот снимок, стал истерично смеяться. Его спутники сохраняли спокойствие. Затем один из них достал из портфеля тоненькую острую пластинку из белого металла. Ловким движением он слегка надрезал кожу на виске антиквара и ввел в разрез эту пластинку. Что характерно – крови совсем не было. Антиквар превратился в податливого и исполнительного человека.

Машина остановилась у известной рижской гостиницы, и трое поднялись в

номер на девятом этаже. Человек, который обращался к антиквару на латышском языке с немецким акцентом, бросил фотографию с орденами на стол и, положив ладонь на телефонный аппарат, достаточно громко сказал: «По нему ты будешь звонить тем, кто их откапывал в Калининграде». Подойдя к окну, он распахнул створки и произнес: «Ты будешь подходить и смотреть вниз, когда я тебе скажу».

Номер был куплен на несколько дней, в течение которых все участники раскопок в Калининграде должны были посетить номер и поставить на фотографии орденов свои инициалы. Телефон заработал сразу же, и уже к вечеру в номере было шесть человек. Гости повиновались беспрекословно.

В результате все ордена были переданы людям интеллигентного вида. По завершении достаточно странного общения с любителями древностей пластина, введенная под кожу на голове владельца антикварного магазина, была извлечена, а ему за причиненное беспокойство заплатили 10000 марок.

«После этого события, – патетически завершал статью корреспондент, – не было случая, чтобы предметы лаборатории «Кёнигсберг-13» выставлялись в антикварных магазинах».

– Как ты ко всему этому относишься? – кивнув в сторону отложенной Тихомировым-старшим газеты, поинтересовался сын.

– Зачем выкапывать то, что не принадлежит тебе, даже если ты и знаешь, где это лежит? – немного помолчав, туманно ответил отец. – Остальное похоже на деятельность людей из «Кёнигсберга-13».

– Так это не сплетни? – взглянул он на отца.

– Сплетни – тоже материал для газетчиков, – попытался мягко уйти от вопроса Иван Васильевич.

– Ну да, – кивнул головой Тихомиров-младший, – слухи в России всегда были средством массовой информации. Их не изъять, не сжечь. Они постоянно сопровождают казенную исто-

рию...И все же что ты обо всем этом думаешь?

Тихомиров-старший не спеша поднялся со своего места и, подойдя к окну, взглядывая в сад, задумался...

Глава 2

Весна 1944 года была теплой и дождливой, словно сама природа хотела вразумить и оплакать людей, которые в смертельной вражде сошлись против друг друга где-то там, на востоке, куда – страшно подумать, – весело переключаясь, по закатному небу спешили гусиные стаи.

Здесь, под Берлином, в небольшом местечке Харцвальд, где находился особняк рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера – убийцы с внешностью интеллигентного учителя начальной школы, – царили тишина и покой, настоянные на легчайшем аромате распустившейся сирени.

В этот день рейхсфюрер страдал от жестоких желудочных колик – из-за них он периодически лежал почти в беспомощности, целыми днями не мог работать, и, если бы был рядовым узником, а не всесильным хозяином концлагерей, то вымуштрованные им сотрудники давно бы нашли способ разлучить его душу с телом. В болезненном состоянии встреча «заведующего смертью» с его любимцем, доктором Керстеном, с которым его познакомили в марте 1939 года, была как бальзам на душу: в течение нескольких минут тот руками снимал боли.

Был вечер, когда черно-глянцевый «Хорьх» с личным штандартом рейхсфюрера на левом крыле, посланный за доктором, вернулся из Берлина. Машина незаметно подрулила к дому. Щеголеватого вида здоровенный молодой штурмбаннфюрер – один из адъютантов рейхсфюрера, очевидно дожидавшийся у входных

дверей, – стал сходить навстречу, но Керстен предупредил его и быстро поднялся по ступеням. Адъютант, распахнув перед ним тяжелые дубовые двери, едва успел доложить: «Поспешите, господин Керстен, экселенц ждет».

– Хорошо, – сказал Керстен, передавая ему свой плащ и шляпу, и направился к широкой парадной лестнице, ведущей на второй этаж, где в одной из спален находился хозяин. Полную тишину, стоявшую во всем доме, неспешно раскачивал маятник больших напольных часов, глухо отбивавший уходившие в вечность мгновения. Поднявшись, доктор прошел в большую залу, где на светлых лоснящихся стенах висели старинные картины. Остановившись у запертой двери, он постучал.

– Кто там? – почти сразу раздалось изнутри.

– Это Феликс, экселенц.

– Войди.

Он вошел в просторную и высокую комнату, наполненную вечерними сумерками, где на своей кровати тяжело вздыхал приболевший шеф СС. Лицо Гимmlера с потухшими глазами было искажено страданием. Несмотря на то что в комнате было тепло, рейхсфюрер кутался в теплый халат.

– Здравствуй, Феликс, – произнес он слабым голосом, откладывая на небольшом инкрустированный столик какую-то бумагу, читанную им перед тем. – Я полагаю, что ты вернешься быстрее, и посылаю за тобой, ведь ты сказал, что навестишь

только этого «имперского укольщика» – Мореля. Где же ты был все это время?

– Я и был только у Мореля и теперь прямо от него. Он консультировал фюрера, пришлось подождать.

Гимmlер поднял глаза и поглядел на доктора с неопределенным выражением. Несколько минут продолжалось молчание, наконец он прервал его.

– Если тебе, Феликс, тяжело со мною, можешь уйти, – сказал он, и голос его задрожал от последовавшего вздоха.

Керстен придвинул к себе кресло и сел рядом с больным. Его холодное, спокойное лицо осталось неизменным, хотя он понял и взгляд рейхсфюрера, и его вздох.

– Генрих, – произнес он, – мне нисколько не тяжело с тобой. Тяжело не мне, а тебе, я хотел бы снять с тебя эту тяжесть.

– Так помоги же мне, – глубокое страдание изобразилось на лице Гимmlера. – Чью жизнь, – попытался пошутить он, – ты будешь выдавливать из меня сегодня?

– Об этом, Генрих, мы поговорим позже, – вставая с кресла, улыбнулся Керстен.

Судьба этого человека была невероятна. Случай, помощь сильных людей, хитрость, а порой даже и преступление, могут возвести человека на вершину земных почестей. Но ему на этом пути помогли удержаться только собственные силы и знания.

Бывший российский подданный, прибалтийский немец, изучавший до революции агрономию и воевавший в годы Гражданской войны против Красной Армии, впоследствии стал «народным целителем», как бы его называли теперь. Врачи одной из больниц Гельсингфорса, где он лежал после ранения, заметили у него удивительную способность уменьшать боль прикосновением рук. Позднее он переехал в Берлин, где стал брать уроки у одного жившего там старика-китайца, а также у некоторых известных врачей.

Вскоре он открыл лечебную практику и прославился своим умением выполнять обезболивающий массаж. Его способности были замечены на самом верху. За помощью к нему стали обращаться знаменитости и партийные бонзы. В 1940 году Керстен был назначен личным врачом Гимmlера. Став любимцем рейхсфюрера, Керстен начал вести себя не так, как другие приближенные шефа СС. Занесенный на вершину власти, он, подобно мелкому барышнику, принялся торговаться с Гимmlером, продавая свои услуги не за деньги, отказываясь их брать, а за человеческие жизни. Рейхсфюрер, идя на уступки врачу, без которого уже не мог жить, соглашался на просьбы Керстена и освобождал кого-то из лагерей, не делая разницы между арийцами, евреями или славянами, угнанными в Германию. Самыми разными путями врач узнавал об этих людях и являлся лечить рейхсфюрера со своим списком. Так, после одного удачного сеанса Гимmlер заплатил своему врачу двумя железнодорожными составами, которые везли в газовые камеры Майданека около трех тысяч евреев. Составы повернули к швейцарской границе, и там заключенные были выпущены на свободу. В другой раз осмелевший Керстен, сотрудничая с шведскими властями, отобрал у Гимmlера более двадцати тысяч узников концлагерей в основном скандинавского происхождения. По оценкам историков, желудочные колики и другие болезни Гимmlера спасли многие тысячи жизней.

– Последнее время, Феликс, мы с тобой редко общаемся, – забыв про страдания, внезапно оживился рейхсфюрер. – Знаю, на это нет времени. Дела Рейха требуют от меня полной самоотдачи. Сними же с меня тяжесть боли.

Керстен пристально глядел на больного холодным, блестящим, как сталь, взглядом. Его лицо оставалось спокой-

ным, незаметно делаясь темнее и даже старее. Он медленно поднял руку. Глаза рейхсфюрера закрылись, и в то же мгновение он откинул голову на подушку и заснул крепким спокойным сном. Еще несколько минут Керстен держал руку над головой рейхсфюрера, и черты больного принимали все более и более спокойное, какое-то даже блаженное выражение. Вот слабая улыбка мелькнула в усах и бледные щеки покрылись румянцем. Рейхсфюрер сделал во сне движение и положил руку себе на сердце. Он прошептал что-то, но что – разобрать было невозможно.

Этот могущественный страшный человек был натурой противоречивой, колеблющейся. В нем, убийце всех своих соратников, механичный, беспощадный дух Робеспьера уживался с чертами, присущими трагической фигуре Валленштейна. Раздвоение в его существе доходило до самых основ. В чем он был мягок по характеру, в том проповедовал твердость. Чуждые ему дела выполнял как автомат, если приказ исходил от фюрера. Так же он относился и к физическому уничтожению людей. Даже жестокие его колики, как предполагал Керстен, не были связаны с его конституцией и переутомлением, но отражали эту душевную раздвоенность, сопровождавшую его всю жизнь.

Через час целебного сна Керстен поднял Гиммлера, который выглядел отдохнувшим и жизнерадостным.

– Что ты теперь попытаешься выпросить у меня, дорогой мой Феликс? – лукаво взглянул он на доктора. – Впрочем, пользуйся, я сейчас нахожусь в таком состоянии, что появись в моей комнате сам Великий инквизитор, то бишь Папа Римский, и ты попросишь его казнить, я непременно прикажу это сделать. И да умрет тогда Католическая Церковь.

– О, экселенц, не надо трогать его святейшество, – усмехнулся Керстен, – я

попрошу немного, всего лишь послабления режима в лагерях для этих недочеловеков – евреев и цыган.

– Это действительно немного, – удовлетворенно заметил рейхсфюрер и, зная, что до войны Керстен часто бывал в Гааге, рассмеялся, – а на чай, мой Феликс, я дарю тебе твоих любимых педичников-голландцев.

– О Генрих, твое великодушие не знает границ, – улыбнулся Керстен.

В дверь комнаты громко постучали.

– Войдите, – вставая с кровати, властным голосом произнес Гиммлер. Дверь распахнулась, и на пороге комнаты возник адъютант.

– Экселенц, звонок из Кёнигсберга.

– Переключи, Пауль, сюда.

– Яволь, экселенц, уже сделано.

Рейхсфюрер небрежно взял телефонную трубку.

– Хайль, Эрих, – коротко бросил он, – в чем дело? Запустили проект «Куклы старой Магды»? Поздравляю. Не забудь, первым Черчилль. И главное, Эрих, помни: как говорят эти английские свиньи, время – деньги. Держи меня в курсе всех мероприятий. Хайль!

Положив трубку, рейхсфюрер задумался.

– Экселенц, – нарушил молчание адъютант, – я еще буду нужен вам?

– Свободен, Пауль, – махнул рукой Гиммлер. – Дела, мой Феликс, важнее здоровья. Людвиг как-то приглашал в Кёнигсберг, полечиться, – взглянул он на Керстена, – да все нет времени заняться собой. У тебя еще есть ко мне просьбы?

– Да, экселенц, – замялся Керстен, – просьба личного плана.

– Для вас, Феликс, у меня нет слова «нет», – просиял рейхсфюрер, – говорите, в чем дело.

– Дело, Генрих, в моем племяннике, оберштурмфюрере вспомогательных войск СС, проходящем службу в Латвии.

– Это достойное занятие для немца, – улыбнулся Гиммлер, – я помню, Феликс, что еще ваш предок с красным мечом на белом плаще, этим знаком ордена Меченосцев, в свое время воевал против русского князя Александра.

– Да, Генрих, – соглашаясь, кивнул Керстен.

– Так чего же ты хочешь, Феликс?

– Я хотел бы перевести племянника в Берлин, экселенц. Только не подумай, Генрих, что это пораженческое настроение. Просто у мальчика хорошая голова, и для любимого нами Рейха он сделает больше живой. В свое время во Франкфурте он был старательным учеником бедного и грязного еврея Иосифа Мельцера, который за определенную плату согласился передать ему все свои тайные познания. Целые дни они проводили вместе, и я убедился, что деньги не пропали даром. На основании полученных знаний племянник составил мой

гороскоп, который оказался тождественным работе еврея. Объяснения, подробно и точно рассказавшие обо всей моей жизни, племянник нашел в старинной рукописи, хранившейся у Мельцера и составлявшей главный источник его астрологических познаний. По уверениям еврея, рукопись была написана доктором Екатерины Медичи. Эта наука, экселенц, обладает огромной силой – знанием природы. В руках человека она может быть как источником высочайшего блага, так и источником высочайшего зла.

– Хорошо, Феликс, – остановил доктора рейхсфюрер, – перевести в Берлин твоего племянника не составит большого труда, но... – на мгновение задумался он, – у меня есть другое предложение. Насколько я знаю, человек силен своей связью с родной землей. Поэтому для начала пошлем его в Кёнигсберг, там в одной из наших лабораторий он сможет расширить познания и проявить свои способности.

Глава 3

В назначенное ему время, с отчетом о последних месяцах своей работы, старший лейтенант Тихомиров стоял у двери кабинета начальника первого отдела внешней разведки НКВД. Генерал Судоплатов внимательно, в присутствии Тихомирова, ознакомился с отчетом. Видимо, кое-что из прочитанного ему не понравилось; он встал из-за стола и принялся, как Сталин, прохаживаться по кабинету, заложив руки за спину, но только вместо трубки в руках держал карандаш. С позиции Тихомирова, генерал выглядел человеком старше своих лет. Вероятно, это являлось результатом образа жизни и тяжелого бремени ответственности, которую генерал нес последние годы.

Вокруг глаз лучились морщинки, а между бровей пролегла глубокая борозда,

свидетельствующая о его крутом нраве. Брови, как и волосы, были темного цвета. Они делали серые глаза глубокими до черноты. Нос был большим, выступающим, с горбинкой. Кожа, однако, отличалась скорее смуглостью, нежели матовым оттенком. На усталом лице генерала отражалось смешение мрачности, отчаяния и злости. Это было лицо человека, которому можно было доверять. По-своему красивый, при первой встрече он не понравился Тихомирову. Таких людей, подумал он тогда, либо ненавидят, либо боготворят, за ними идут, но с ними и сражаются. Выбрав одно из двух, рядом с ними нельзя было ждать спокойной жизни.

– Расскажи-ка, старший лейтенант, – нарушил молчание генерал, – своими словами все с самого начала, по порядку.

И Тихомиров, в который раз за эти месяцы после своего возвращения, начал свою нехитрую исповедь о том, как, прибыв в Варшаву со шведским паспортом, был схвачен возле явочной квартиры агентами гестапо. Не утаил он от генерала и то, что нарушил неписанный закон разведки – не ходить по одной тропе дважды, – и то, что ему до сих пор не ясно, почему его отпустило гестапо. Неискушенному человеку все это могло показаться рядом случайных совпадений, но Тихомиров догадывался, что за его спасением стоит незримая титаническая работа соратников. Почти одновременно с ним в руки варшавского гестапо попали шесть шведов, обвиненных в шпионаже. К спасению шведов, к которым был причислен и Тихомиров, через министра иностранных дел Швеции Гюнтера, сотрудничавшего с советской разведкой, был подключен личный доктор рейхсфюрера Гиммлера Керстен.

– Хорошо, сынок, – выслушав Тихомирова, по-отечески обронил генерал, – я

тебе верю. Но все, что произошло с тобой, – я надеюсь, ты это понимаешь, – иллюстрация золотого, но горького правила – «горе от ума». Наставления пишут не дураки, выполнять их – естественная форма существования разведки. Горе от ума – ее погибель. Ты должен это уяснить.

Слова генерала были тяжелы, но Тихомиров после всего, что перенес, понял: он снова не одинок, с друзьями, награжден их доверием, принят в их тайный круг. Сейчас он был готов рисковать, умирать, истреблять ненавистных врагов. В нем возникло страстное желание служить, применяя свой опыт разведчика, со всей своей любовью и ненавистью, вновь находящимися выражение.

Все, что скрывалось за словом «Родина», призывало его, и он готов был все это прижать к своему сердцу, окропить своей кровью и окружить согревающим дыханием.

– А теперь к делу, – достал из стола папку генерал и, раскрыв ее, вытащил фотографию. – Ознакомься, – предложил

он, протягивая ее, – это один из районов Кёнигсберга после августовского налета авиации союзников.

Среди развалин на фотографии четко просматривалось несколько уцелевших строений.

– По заданию командования, – задумчиво продолжил генерал, – летчики должны были трижды бомбить этот район сверхмощными бомбами и применять напалм. По нашим данным, где-то здесь у немцев находится секретная лаборатория. Исследования, проводящиеся в ней, относятся к разряду стратегических. Среди самых разнообразных направлений, которыми занимается лаборатория, главным является, насколько нам удалось выяснить, разработка концепции психотропного оружия. Но вот что парадоксально, – взглянул он на Тихомирова, – шесть напалмовых бомб, упавших на эти дома, не разорвались. Лаборатория является кардинальной частью немецкой политики защиты, и союзники не желают, чтобы секреты лаборатории в итоге перешли к нам, стоящим у порога Восточной Пруссии. Это может показаться неправдоподобным, – убрал фотографию в папку генерал, – город, разделявшийся в древности на три части, всегда представлял огромный интерес для людей, занимающихся тайнами и древними средневековыми ритуалами. В Кёнигсберге по расположению его древних башен, соборов и кирх сведущие люди определяли дальнейшее развитие исторических событий в Европе. В Англии, например, триста лет назад прекратились суды над колдунами, ибо доказательство их деятельности было всегда трудным и спорным. Пожалуй, последние и самые массовые гонения на колдовство имели место во времена Петра Первого. Найдя поддержку у правителей западных держав, великий царь принял решительные меры, и за один год в России и в некоторых странах Европы

было сожжено на кострах около тридцати тысяч колдунов и ведьм. Но дьявол, – усмехнулся генерал, – заботится о своих кадрах. Город имеет исторические центры энергетики, где проводятся страшные и жестокие ритуалы. О том, что на острове Кнайпхоф, начиная с XIV века, были самые изощренные и искусные в Европе колдуны и предсказатели, знали далеко за пределами Пруссии. Одна из древних школ называлась просто: «Куклы старой Магды». С XV века в городе существовало поверье, что если человек владеет необъяснимой силой, то он способен влиять на других людей на расстоянии. Люди, которые обладали этими качествами, в средние века, как это ни странно, охранялись в Кёнигсберге и пользовались особым расположением властей. Я думаю, – обратился генерал к Тихомирову, – три месяца общения с оберштурмфюрером Рудольфом Грюнбергом в одной камере для тебя, сынок, не прошли даром.

Генерал был прав. Три месяца, проведенные с плененным прибалтийским немцем, к которому подсадили Тихомирова для «вживания в роль», дали ему очень много. От безысходности и камерной скуки Грюнберг начал обучать Тихомирова астрологии. Цепкий ум и профессиональная память помогли разведчику понять и изучить иноземную премудрость. Вот и сегодня человеческое любопытство заставило его с утра приняться за работу. Эта работа, состоявшая из вычислений, комбинаций знаков, чисел и строго логических выводов спокойной, ясной мысли, показала ему, в каком именно моменте своей судьбы он находится и что его ожидает сейчас. Когда работа была закончена, Тихомиров знал, что ему предстоит знаменательная встреча и что эта встреча должна иметь решающее значение для его будущего.

– Тебе, – между тем продолжал генерал, – надеюсь, не надо объяснять, что че-

ловека всегда интересовало его будущее и существование тайных механизмов, способных предотвратить цепь роковых событий. Нам известно, что волхвы Кнайпхофа всегда с особым интересом относились к людским трагедиям и чудовищным происшествиям, пытались докопаться до корней несчастья и выяснить, кто, когда и при каких обстоятельствах способствовал злосчастному стечению событий, приведших к трагедии. Спецслужбам Кёнигсберга вменялось в обязанность подробно описывать наиболее ужасные преступления и несчастные случаи с особой скрупулезностью и передавать для исследования на остров Кнайпхоф в лабораторию. К ним относились убийства родителями своих детей, массовые самоубийства, смерти на дорогах в самых людных местах города, крупные пожары, повлекшие за собой большие человеческие жертвы, и другие происшествия.

Особенно интересовала лабораторию смерть, в результате которой отчленялась голова. Таких случаев было зафиксировано в Кёнигсберге восемьдесят семь, в период с XVII по XX век. Один из них произошел во время разгрузки боевой техники на одном из вокзалов Кёнигсберга в 1914 году, когда оборвавшийся трос во время подъема артиллерийской пушки отсек голову стоящему на платформе солдату. Удар был молниеносный и настолько сильный, что тело еще несколько секунд стояло неподвижно, в то время как голова лежала на железнодорожных рельсах. Нам известно, – вздохнул генерал, – что сотрудники лаборатории собрали все мыслимые и немыслимые детали жизни погибшего солдата, выяснив место его рождения, подробности его детских переживаний, даже составив перечень тех игрушек, которыми он любил играть. После огромной аналитической работы по исследованию его судьбы они определили узловые даты и скрытые мотивы

происшедшего несчастья, исходя из главного посыла: ничто на свете не случается просто так, все события жизни взаимосвязаны. И трагедии, по их мнению, могло не быть, если бы удалось применить их метод «предостережений».

Но самым примечательным достижением лаборатории «Кёнигсберг-13» на Кнайпхофе можно считать дело «Конькобежца»... Не подумай, старший лейтенант, – угрюмо усмехнулся генерал, – что я просто морочу тебе голову. Я, сынок, просто не знаю, с чем тебе придется столкнуться на этой кухне, но нам необходимо знать, что там варится. А любая информация, – заключил генерал, – в нашем деле не бывает лишней. Так на чем я остановился?

– На «Конькобежце», товарищ генерал, – напомнил Тихомиров.

– Да, правильно, – кивнул Судоплатов. – Говорят, – продолжил он, – что в январе 1896 года лед реки Прегель был толстым и многие жители города любили кататься на коньках недалеко от Кафедрального собора. У поворота реки была прорубь, край которой ветер и течение реки сделали особенно острым. Один из конькобежцев на большой скорости, не заметив проруби, угодил в нее, и острый лед буквально отсек ему голову. Студенты Альбертины достали несчастного из воды и выловили его голову, приложив ее к шее на льду. Был сильный мороз, и голова примерзла к туловищу. Четверо студентов взяли оледеневший труп и затащили в близлежащий ресторанчик, вызвав полицию для опознания. Закопавший труп поставили у стены недалеко от вешалки, а так как в ресторанчике было тепло, то произошло буквально следующее: дочка хозяйина ресторанчика, ждавшая ребенка, принесла студентам горячего чая как раз в тот момент, когда голова конькобежца, оттаяв, грохнулась на пол. С несчастной беременной женщиной случились пре-

ждевременные роды, при которых новорожденный сильно ударился головой об пол. Вследствие этого вырос умственно отсталый мальчик, которого детвора дразнила «конькобежцем». А люди, знавшие историю, утверждали, что рожденный на острове Корсика будущий император Франции Наполеон Бонапарт так же неудачно появился на свет, из-за оплошности акушерки ударившись головой об пол, но в результате этого не потерял рассудок, а стал настоящим бедствием для всей Европы, в том числе и для Кёнигсберга. И мальчик, рожденный в Кёнигсберге, тоже впослед-

ствии проявил незаурядные способности. А когда у него пробудился дар ясновидения, очень многие прикусили языки, ибо стоило ему что-то предсказать – это обязательно случалось в городе.

Так вот, – подвел итог встречи генерал, – на все про все тебе, старший лейтенант, – пять суток. За это время подготовят все необходимые документы, получив их, ты поступаешь в распоряжение генерала Алешина, начальника разведотдела 3-го Белорусского фронта. Будем надеяться, старший лейтенант, – устало улыбнулся генерал, – что мы еще встретимся после войны.

Глава 4

Конец августа 1944 года в Москве выдался погожим. В саду ближней дачи Сталина в Кунцеве дозревали яблоки. Сонную тишину, наполненную легким звоном ос, круживших над полусгнившими паданцами, нарушала кукушка, зов которой эхом долетал из росшей неподалеку березовой рощицы.

Вождь, любивший работать вечерами и ночью, до обеда отдыхал. Во второй половине дня его машина, выехав из ворот дачи в сопровождении двух автомобилей охраны, помчалась по направлению к Кремлю. После того как по центральным улицам провели пленных немцев, город жил ожиданием скорой победы. В этот час улицы были немногочисленны. Люди в основном встречались пожилые, плохо одетые и, словно в укор вождю, среди них было много калек. Вряд ли кто когда-либо узнает, что думал он в эти минуты, глядя на проплывавший за окнами город.

Сталин поднялся к себе в кабинет и, проходя через приемную, бросил шагнувшему навстречу Поскребышеву: «При-

будет Берия с товарищами – приглашай сразу».

Войдя в кабинет, представлявший просторную, довольно светлую комнату, стены в которой были обшиты мореным дубом, а рядом с портретами вождей пролетариата находились портреты Суворова и Кутузова, Сталин прошел к своему столу, стоявшему у стены в глубине кабинета. Присев за него, в ворохе документов, бумаг и карт нашел нужное и, взяв из стопки остро отточенных карандашей голубой, стал читать, делая пометки. Через некоторое время в дверь постучали, и он, отодвинув документ, встал навстречу приглашенным.

Невысокого роста и непримечательный с виду, Сталин при ближайшем знакомстве производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения, свободной манерой разговора, способностью четко формулировать мысли, природным аналитическим умом, большой осведомленностью и редкой памятью. Он не терпел ответов наугад, требуя от подчиненных

исчерпывающей полноты и ясности. У Сталина было особое чутье на слабые места в документах и докладах, поэтому сейчас эти очень искушенные и значительные люди были внутренне собранны и держались начеку.

Приказы и директивы Главкомандующего, как правило, шли через Генштаб, но разрабатывались они в Кремле, в его кабинете, куда стекалась вся нужная информация. Накануне Сталин ознакомился с докладной запиской, где анализировалась работа разведок Белорусских фронтов. Результат проведенного анализа заставил его задуматься. Желая уточнить некоторые моменты, он вызвал к себе начальников разведотделов фронтов. В период подготовки операции «Багратион», которая должна была начаться почти одновременно с Прибалтийской, придавалось большое значение работе разведки, снабжавшей командование оперативными данными о противнике, обеспечивая подготовку к наступлению.

Стоя у большого стола, покрытого зеленым сукном, пришедшие стали по очереди докладывать.

– С июня 1944 года, – пользуясь своими записями, монотонно пояснял начальник разведуправления Красной Армии генерал Голиков, – на территорию Восточной Пруссии заброшено пятнадцать групп, от семи до двадцати разведчиков в каждой. Потери среди разведчиков порой составляют до восьмидесяти процентов от состава групп. Многие группы пропали без вести.

– Скажите, генерал, каковы причины таких неоправданно больших потерь наших людей? – прохаживаясь по кабинету, с заметным грузинским акцентом тихо поинтересовался Сталин. – «Забыли про овраги»?

– Нет, товарищ Сталин, – побледнев, вытянулся генерал, – условия выполнения заданий крайне тяжелы. Разведчикам

приходится работать с враждебно настроенным населением, и активная деятельность гестапо, большая насыщенность территории и небольших лесных массивов, пронизанных сетью автомобильных дорог, войсками, делают их уязвимыми.

– Почему, генерал, – показал знание вопроса Верховный, – разведгруппы забрасываются при недостаточной подготовке, плохой экипировке и оснащенности?

– Большая текучесть кадров, товарищ Сталин, – немного замямившись, объяснил Алешин, – и тыл дает то, что имеется.

Заслушав доклады начальников разведотделов фронтов, вождь задумался, поглаживая усы концом трубки.

– Хорошо, – наконец произнес он, – Ставка попробует помочь, но и вы, товарищи разведчики, должны работать на местах. Прошу остаться тебя, Лаврентий, – взглянул он на стоявшего в стороне Берию, – Голикова и Судоплатова. Остальные свободны.

Когда дверь за ушедшими закрылась, Сталин обратился к наркому:

– Разберись там, Лаврентий, только дров не наломай... – и, помолчав немного, спросил: – У тебя есть еще что-нибудь ко мне?

– Да, товарищ Сталин, – нарком достал бумагу из папки, – на командующего 3-м Белорусским фронтом поступили жалобы.

– В чем они заключаются? – глухо спросил Сталин, вернувшись к своему столу, взял пачку табака, разорвал ее и стал медленно набивать трубку.

– Неравнодушен к женскому полу, – холодно усмехнулся нарком.

– От кого жалобы? – поинтересовался вождь.

– От обиженных мужей, товарищ Сталин.

– От женщин жалобы есть? – спросил Верховный, раскуривая трубку.

– От женщин?.. – проглядел бумагу нарком. – Нет... – и, сделав стойку, словно сеттер на следе, вкрадчиво спросил: – Что будем делать, товарищ Сталин?

Вождь в задумчивости прошелся по кабинету и остановился у окна. Молчание затянулось.

– Так что же будем делать? – напомнил о себе нарком.

– Завидовать будем, Лаврентий, – взглянул на того Сталин, словно давая команду расслабиться. – Да и присутствующие не дадут мне соврать, – усмехнулся он, – командующий без яиц намного хуже Венеры без рук... Что хочет сказать нам товарищ Судоплатов? – перевел свой взгляд на начальника первого отдела Сталин.

– Нами, товарищ Главкомандующий, установлено, что противником в одной из лабораторий Кёнигсберга на основе оккультизма разрабатываются методы работы с психикой человека на расстоянии.

На лице Сталина отразилось мимолетное удивление и, махнув рукой, он взглянул на Берию.

– Что приходится выслушивать, Лаврентий? Сказки и бред о колдовстве. Какое хамство!

Вождь умело спрятал свой страх за маску раздражения. Честолюбивый, властный, он боялся малейших и самых неправдоподобных угроз.

– Товарищ Сталин, – покраснел Судоплатов, – я не из робкого десятка, но мне даже при свете дня не хотелось бы сойтись лицом к лицу с человеком, наделенным тайными знаниями.

Он произнес эти слова с такой силой и убеждением, что они подействовали на присутствующих.

– Под понятиями и словами, принимаемыми за шарлатанство и вздор, – пояснил он, – скрывается очень важная и серьезная сущность.

– Что вы этим хотите сказать? – настоятельно спросил Верховный.

Судоплатов обвел взглядом собравшихся и, не прочитав усмешки ни на одном лице, серьезным тоном сказал:

– Это касается таинственной области, ведь современная наука, так хорошо объясняющая все видимое, далеко отстает от науки древней, которая проникла в область невидимого. Кто может отрицать удачу и неудачу? Ведь та и другая преследуют людей, предприятия и вообще все в жизни. Тот, кто проникнет к источнику этих знаний, сможет управлять этими силами, – закончил он.

– Когда была образована лаборатория? – остановившись рядом, посмотрел в глаза Судоплатову Сталин.

– Точно сказать, когда была организована эта лаборатория, – выдержав пристальный взгляд хозяина кабинета, ответил Судоплатов, – не могу. Степень секретности объекта настолько высока, что в самом городе о его существовании стали догадываться только во время войны. По одному из каналов в июле сорок третьего года нами было получено донесение, в котором сообщалось, что некий местный житель, прогуливаясь вечером по острову Кнайпхоф, повстречал буддийских монахов в белых и красных одеждах. Сообщение было передано в аналитический отдел, где попытались объединить в одну картину отдельные очень интересные факты. По результатам можно судить, что деятельность лаборатории началась еще задолго до войны. Так, в 1929 году, во время своего визита в Восточную Пруссию, Гитлер простудился, охрип, и речь, которую он произнес в Штадтхалле, нельзя было назвать удачной. Завершал фюрер свое выступление патетической фразой: «Я приехал взять Кёнигсберг!» Позже одна из местных журналисток очень зло и ехидно на страницах газеты высмеяла осипшего оратора, мечтавшего завоевать сердца жителей Восточной Пруссии. Через несколько дней в редакции появился

обаятельный молодой человек. В знак своего глубокого расположения мужчина презентовал журналистке шоколадную плитку и удалился. Подошло время обеда, и, когда сотрудники спустились вниз в кафетерий, все присутствующие стали свидетелями страшной сцены. Когда журналистка развернула плитку и откусила от нее, раздался хруст стекла. Из рта хлынула кровь, но обезумевшая девушка продолжала неистово кусать стеклянную пластину. На следующий день на столе в редакции была обнаружена аккуратная записка: «Уступи ему город!» Можно предположить, что фашисты еще до прихода к власти вынашивали планы воздействовать на своих оппонентов при помощи гипноза.

– Кто, кроме немцев, всерьез относится к подобного рода исследованиям? – подойдя к столу и склонившись над планом Кёнигсберга, тихо поинтересовался Сталин.

– Практически все, кроме нас, товарищ Сталин, – нарушил воцарившуюся в кабинете тишину начальник военной разведки.

– Над этим вопросом, Лаврентий, надо будет хорошо подумать... – медленно произнес вождь и взглянул на Судоплатова. – А что вы можете сказать о наших английских друзьях?

– Доподлинно известно, товарищ Сталин, – вытянулся тот, – что еще осенью 1940 года Уинстон Черчилль на заседании в военном ведомстве обсуждал, как использовать колдовские знания. Существует также информация, что весной этого года премьер-министру Великобритании доложили о том, что с его куклой работают кёнигсбергские колдуны. Во всяком случае, эта информация объясняет кипучую ненависть британцев к этому городу и применение напалмовых бомб. По нашим данным, во время массированных авианалетов город просто сровняли

с землей. Но четыре здания, где располагается лаборатория, выдержали эти бомбардировки, несмотря на то что расположенный рядом Кафедральный собор лежит в руинах.

– Место создания лаборатории в Кёнигсберге, на ваш взгляд, было выбрано случайно? – взглянул на Судоплатова Верховный.

– По моему убеждению, товарищ Сталин, совершенно осознанно. Кёнигсберг с момента своего основания считался городом уникальных мистических загадок и парадоксов. Даже своим месторасположением город обязан знаку свыше. Изначально тевтонцы, поработившие пруссов, планировали основать столицу своего Ордена на двести километров восточнее, на реке Неман. Но во время привала рыцарей у языческого капища на горе, которая впоследствии получила название Королевской, случилось солнечное затмение. Магистры, возглавлявшие Орден, расценили это явление как перст Божий и перечить ему не решились. Что касается лаборатории, не случайно было выбрано и ее название. Число «тринадцать» является знаковым для Кёнигсберга. Все мало-мальски значимые события в жизни города связаны с чертовой дюжиной или кратны ей. Даже количество колонн на могиле самого знаменитого кенигсбержца – Иммануила Канта – равняется тринадцати, несмотря на тотальное стремление немцев к симметрии. Кстати, если суммировать цифры, составляющие дату основания Кёнигсберга – 1255 год, то тоже получится тринадцать. По иронии судьбы, такой же результат при сложении получается только у двух крупных городов Европы – Берлина и Москвы.

– Что думает противопоставить врагу наша доблестная разведка? – покрутил в руках погасшую трубку Сталин.

– Нами, товарищ Сталин, готовится ответная операция «Волхвы», – доложил

начальник разведуправления. – В начале лета в полосе действия 2-го Прибалтийского фронта взят в плен офицер вспомогательных войск СС латышского легиона Рудольф Грюнберг. При обыске у него были обнаружены документы, предписывавшие ему отбыть в распоряжение лаборатории «Кёнигсберг-13». При даль-

нейшей разработке пленного выяснилось, что он является племянником личного врача рейхсфюрера СС Гимmlера. По нашим данным, доктор Керстен завербован шведской разведкой, находящейся в тесных контактах с англичанами. Сейчас мы проводим подготовку по внедрению на «объект» своего человека.

Глава 5

Конец первой декады сентября 1944 года выдался прохладным. В землянке, где на полевом аэродроме близ литовского местечка Гарлява до заброски в тыл 4-й немецкой армии разместили разведгруппу, было холодно и темно. Весь день лил дождь. С веток, нависавших над входом в землянку, переполняя смятый ко-

телок, тоненькой струйкой бежала вода. Сбросив вещмешки и сложив оружие, разведчики растопили печурку, наскоро сделанную бывшими постояльцами из железной бочки, от которой вначале шло больше дыма, чем тепла. К вечеру дождь прекратился и начал медленно подниматься туман, скрывая все на высоте полуметра от земли. Деревья стояли словно привидения, а замаскированный ветками серо-зеленый двухмоторный трофейный «Хейнкель-111» походил на сказочного трехглавого змея.

С севера доносился приглушенный гул артиллерийской канонады. Там, отсекая группу армий «Север» от восточнопрусской группировки, вбивая клинья частей в немецкую оборону, истекал кровью 1-й Прибалтийский фронт. Здесь, в полосе действия 3-го Белорусского фронта, словно перед бурей, было временное затишье. Такая же тишина висела южнее, где до Нарева и Ломжи тянулась линия 2-го Белорусского фронта. Используя передышку, разведотделы фронтов осуществляли активный сбор информации о противнике. Группу разведчиков, под прикрытием которой шел на задание старший лейтенант Иван Тихомиров, он же Рудольф Грюнберг, забрасывали юго-восточной города Инстербурга – крупного железнодорожного узла Восточной Пруссии. Там, сопроводив его до автотрассы Шталлупёнен – Кёнигсберг,

группа должна была отделиться и уйти западнее, незаметно выйдя в расположение частей 3-й парашютно-десантной дивизии «Герман Геринг».

Пужинав, не сговариваясь, разведчики сгрудились у печурки. Крепкого телосложения мужчина в маскхалате, под которым скрывалась эсэсовская форма с петлицами оберштурмфюрера, бросил взгляд на светящийся циферблат своих часов. До взлета оставалось четыре часа. Иван Тихомиров, а это был он, мельком оглядел людей, от которых зависела его судьба и судьба всей операции на первом этапе.

Месяц назад он впервые увидел Подпригору, стройного черноволосого пареня-украинца с лукавыми карими глазами, которому неделю назад исполнился двадцать один год. За плечами парня, одетого в форму унтерштурмфюрера, было несколько десантированных во вражеский тыл. Рядом с ним сидел бывший партизан, вспыльчивый белорус Богулевич, остроумный, фанатично влюбленный в шахматы парень, знающий на память результаты всех чемпионатов, проводившихся за последние десять лет. Возле него притулился татарин Ахмет Файзуллин, тридцатилетний преподаватель из Казани, говоривший по-немецки с берлинским акцентом. Сорокалетний сибиряк Никанор Парфенов, бывший председатель колхоза в форме шарфюрера, по-немецки говорил неважно, путал артикли и времена, но отличался неиссякаемой энергией. Он частенько любил повторять: «Чем дальше в тыл, тем толще фашисты». Радист группы Николай Пинчук был почти мальчишкой. Это была его первая заброска в тыл врага. Кто-то из разведчиков тихо запел: «Вьется в тесной печурке огонь...» Другие подхватили: «...На поленьях смола, как слеза...» Песня текла, уплывая в заповеданные дали, и было в этом что-то мистическое, словно отпевали они свои

души. Возможно, отпеты таким образом, они легче принимали судьбу.

«Все они – русский, татарин, белорусс, украинец, – глядя на поющих разведчиков, думал Тихомиров, – отдельные зерна, та же пшеница человеческая. И только размолотая историческими жерновами в муку, выпеченная в хлеб в пышущей жаром печке истории, – в этом соединении она и составила народ».

Разведчикам – представителям этого народа – было строго-настроено приказано с прибытием на полевой аэродром забыть свои настоящие биографии и пользоваться только легендой, которой снабдили каждого, выдав одновременно эсэсовскую форму, документы и личные знаки, незадолго до этого изъятые у настоящих немцев, попавших в плен.

В 23.00 группа вышла к самолету. С этого момента все пошло строго по плану – и сам старт, и полет, и ориентировка по радио и на местности, – насколько это было возможно в условиях темной ночи. В призрачном свете луны, появлявшейся в разрывах туч, опознавательный крест на крыле самолета, нарисованный черной и белой краской, был почти незаметен.

Прямо перед собой Тихомиров видел силуэт пилота, справа и слева от которого слабо фосфоресцировали многочисленные приборы. Стрелка-радиста и наблюдателя он рассмотреть не мог – те находились позади. До него лишь иногда доносились отдельные обрывки слов, которые из-за гула мотора невозможно было связать в логическую цепь. В самолете было очень тесно. Командир группы, старший лейтенант Смирнов, одетый, как и все, в эсэсовскую форму, сидел рядом с ним и тоже наблюдал за полетом. Неожиданно впереди и позади самолета послышались хлопки разрывов зенитных снарядов, сопровождаемые ослепительно яркими вспышками.

– Артиллерия, вашу мать! – разразился руганью пилот.

«Свои лупят, – прислушиваясь к разрывам, понял Тихомиров. – Тогда почему по нам открыли огонь? – недоумевал он. – Зенитчики в этом районе заблаговременно предупреждены, что самолет будет перелетать линию фронта. Видимо, сбились с курса», – решил Тихомиров.

Летчик отклонил самолет несколько в сторону и попытался набрать высоту и лечь на нужный курс.

«Хейнкель» летел со скоростью четырехста километров в час. Непосвященным эта скорость могла показаться безумно огромной, но сидевшим в самолете казалось, что он ползет черепахой.

– Попали в переплет! – прокричал на ухо Тихомирову командир группы. – Не хватает, чтобы свои завалили.

Неожиданно справа раздался глухой удар, словно самолет наткнулся на что-то, хотя плотные разрывы уже остались позади. Тень пилота качнулась вправо.

– Черт, в мотор угораздило, – повернулся он к разведчикам.

– Ямщик, подстегни лошадку, – подбодрил пилота командир группы. Особого беспокойства в его голосе не чувствовалось – Смирнов не единожды пересекал линию фронта. Но в этих словах звучала бескомпромиссность приказа: «Вперед!»

Правый мотор стал реветь громче. Вновь в ночном небе начали рваться снаряды и взлетать осветительные ракеты.

– С одним двигателем, – прокричал пилот, – немцы нас собьют, как аэростат!

Все замолчали, прислушиваясь к прерывистому рокоту мотора, винт которого еще продолжал вращаться. В этот момент заложило уши – снарядный осколок пробил обшивку и разгерметизировал кабину.

– Они нас сначала запеленговали, – когда вышли из зоны поражения, пояснил пилот, – а потом открыли огонь из зениток. Чистая случайность, что мы еще летим.

– Подходим к заданному квадрату! – громко прокричал наблюдатель. – Высота пятьсот метров.

– Приготовиться, – вставая, скомандовал командир группы и, протискиваясь вдоль кабины, проверил, все ли правильно закрепили карабины вытяжного фала.

Наблюдатель на несколько секунд включил карманный фонарик, окинув беглым взглядом пятнистые маскхалаты, улыбнулся Тихомирову, под подбородком которого красовались петлицы с черепом и скрещенными костями:

– Если б не знал – вылитый фриц.

– Луч света упал на люк, створка открылась, ворвался поток холодного воздуха. Внизу было темно. Богулевич первым подошел к люку. Тихомиров чувствовал за собой учащенное дыхание Файзуллина. Командиру надлежало прыгать последним.

– Пошел! – раздалась команда. Тихомиров рванулся в темноту, где его закружило в объятиях воздушного потока. В лицо ударил холодный воздух, и в ту же минуту он почувствовал рывок раскрывшегося парашюта. При скупом свете луны увидел шелковый купол парашюта соседа, правая рука инстинктивно нашупала оружие. Шум моторов самолета удалялся. Операция началась.

Боковой ветер сносил Тихомирова на лес, который должен был находиться двумя километрами правее. Приземлился разведчик у самой его кромки, упав в невысокую траву. Вскочив на ноги, стал гасить купол. Покончив с парашютом, прислушался: невдалеке раздался крик сойки. Это был Парфенов.

– Пилот нервничал, – сказал сибиряк, подходя к Тихомирову, – потерял курс и влетел в зону своих зениток, а потом бросил нас чуть ли не на лес.

– Ты остальных наших не видел? – спросил Тихомиров.

– Видел два купола на деревьях, – сплюнул Парфенов.

Жадно вслушиваясь в ночную тишину, они направились к лесу и на опушке наткнулись на Файзуллина, Подопригору и Смирнова. На зовущий крик сойки, прихрамывая, подошел Богулевич.

– Ничего страшного, командир, – отмахнулся он, – в яму попал, главное, кость целая.

Радиста пришлось снимать с дерева, за верхушку которого зацепился парашют. Пинчук беспомощно болтался метрах в четырех над землей.

– Будем считать, что отделались легким испугом, – подвел по-русски итоги командир и, взглянув на светящийся циферблат часов, перешел на немецкий.

– С этой минуты все разговоры только на этом языке. Два человека сопровождают оберштурмфюрера до шоссе. Встреча с группой в пяти километрах западнее этого места.

Простившись, группа растаяла в темноте.

Ночь выдалась холодной. Шли быстро. Метрах в двухстах от дороги, ведущей к Инстербургу, Тихомиров сказал:

– Выходим на дорогу и останавливаем первую попавшуюся машину. Я – офицер связи, вы – сопровождение. Остальное – по плану Смирнова.

Шоссе оказалось пустынным: ни машин, ни повозок. Ближе к рассвету они услышали нарастающий шум машины.

– Будем надеяться, что она не проскочит мимо нас, – заметил один из бойцов, включая карманный фонарик, которым начал подавать сигнал водителю. Через минуту послышался скре-

жет тормозов, а затем открылась дверца машины.

– Халло, камераден, – громко сказал Тихомиров-Грюнберг, – здесь солдаты войск СС.

– Поднимите руки и подойдите ко мне. Вы один? – перекрывая шум мотора, произнес чей-то напряженный голос.

На фигуре разведчика скрестились, ослепив его, лучи двух фонариков. Тихомиров напрягся: кто знает, не нажмет ли немец, приказавший подойти поближе, спусковой крючок? Как-никак, прифронтная полоса – здесь чаще подстерегает опасность, смерть витает в воздухе.

Подняв руки, Тихомиров решительным шагом направился к машине. Автомат он оставил в положении «на грудь», чтобы в любой момент можно было открыть огонь.

– Оберштурмфюрер Грюнберг, из группы особого назначения 3-й дивизии, – представился он.

Дуло направленного на него автомата отвели в сторону. Из машины вылез какой-то майор и, разглядывая его, спросил:

– Сколько с вами человек?

– Два, группа сопровождения. Они останутся, а мне нужно добраться до города.

– Хорошо, – кивнул майор, – если оберштурмфюрера устроит кузов, – и, словно оправдываясь, добавил: – В районе высадились русские диверсанты, приходится прибегать к особым мерам предосторожности.

– Кому вы это объясняете, черт возьми! – с усталостью в голосе обронил Тихомиров-Грюнберг. Спустя пять минут он уже катил по дороге к Инстербургу.

Глава 6

Кёнигсберг, конечная цель маршрута оберштурмфюрера Грюнберга, встретил разведчика обилием света и красок. Выйдя из здания железнодорожного вокзала,

Рудольф остановился, пораженный увиденным. Город жил обыденной жизнью так, словно в двухстах километрах не проходил фронт. Перекликаясь, звенели

городские трамваи, гудели клаксонами автомобили, предупреждая зазевавшихся, спешивших по своим делам бюргеров. Все это составляло картину, внутреннее содержание которой не поддавалось осмыслению в преддверии скорых потрясений. Обилие цветов и начинающей желтеть и краснеть листвы скрадывало разрушения августовского налета англо-американской авиации.

Купив в привокзальном киоске свежую газету, Рудольф не спеша пересек привокзальную площадь и вышел на Ганзейскую улицу, переименованную фашистами в улицу Хорста Весселя, – она вела к центру старого города, на Адольф-Гитлер-плац.

В трехстах метрах от того места, где он остановился, сновали люди в полосатых робах, разбирая завалы у стен Кафедрального собора с выбитыми во время налета окнами и разрушенной кровлей. Промытая недолгим дождем, глянцево-черная черепичная крыша Королевского замка, отвлекая внимание от выгоревшей западной части, отливала золотом, вся светилась, горела в лучах осеннего солнца.

– Хороший знак, – подумал Рудольф, решительно берясь за толстое кольцо, вставленное в нос бронзовой кошачьей морды, которая красовалась на потемневшей от времени прочной двери с небольшим закрытым окошечком посередине.

Сейчас, постучав в дверь, он утешал себя мыслью, что предстоящий риск, в сущности, ничтожен в сравнении с определенным риском, имевшим место при его появлении на свет. В отличие от Иммануила Канта, душу которого, как известно, наполняло все возрастающим изумлением созерцание звездного неба над головой и морального закона внутри него самого, душу оберштурмфюрера Грюнберга все возрастающим удивлением наполняла констатация простого, но

не перестававшего быть от этого фантастическим факта, что он до сих пор жив. Его могли столько раз убить свои и чужие, что он давно и с облегчением перестал рассматривать собственную жизнь как нечто принадлежащее исключительно ему. Жизнь разведчика, по словам генерала Алешина, с которым он прорабатывал конечные детали операции, являлась не востребованным до поры достоянием.

– Чьим? – помнится, попробовал выяснить разведчик.

– Не знаю, старший лейтенант, – пожал плечами генерал Алешин, – считай, что тебя несет в океане холодное течение.

– К экватору, где жарко? – не то спросил, не то подумал вслух Тихомиров-Грюнберг.

– Холодные течения всегда несут туда, где жарко, – вздохнул генерал, – но не думай об этом, ты даже не успеешь заметить этой жары.

Пожилой немец, прочитав предписание, провел Грюнберга в одно из зданий, где передал его дежурному, молчаливому малому в штатском лет тридцати пяти с обожженным лицом.

Позвонив кому-то по внутреннему телефону, дежурный взглянул на оберштурмфюрера.

– Поднимитесь на третий этаж, группенфюрер ждет.

Когда Грюнберг отворил дверь нужного кабинета, навстречу ему будто что-то пахло и по нему словно пробежал легкий разряд электрического тока. Это было так мгновенно и показалось ему таким невозможным, что он не обратил на это никакого внимания. С первого взгляда ничего особенного нельзя было найти в лице находившегося в комнате мужчины. Это было самое обыкновенное, типичное немецкое лицо со следами еще не сошедшего летнего загара, с чертами неправильными и некрасивыми. Но вот он поднял глаза, и впечатление сразу

изменилось. При виде его глаз человек забывался и словно весь исчезал – в них была подавляющая сила и власть. Он заговорил мягким высоким голосом, который свидетельствовал о нервной энергии, свернутой внутри в тугую спираль, энергии, силе и, возможно, жестокости – самой непредсказуемой, но хорошо контролируемой.

– Вы когда-нибудь замечали, оберштурмфюрер, – просматривая бумаги Грюнберга, произнес мужчина, – как сгущается тьма в каких-нибудь нескольких километрах от большого города? Во вселенной больше тьмы, чем света. Однажды она все поглотит.

– На фронте об этом как-то не задумываешься, господин группенфюрер, – с легкой иронией произнес Грюнберг.

– Рудольф, оставьте группенфюрера в покое, здесь меня зовут Фридрихом, – холодно улыбнулся мужчина и сделал приглашающий жест в сторону кресла, такого же, в каком сидел он сам. – Прощу вас, присаживайтесь, это не займет много времени. С сегодняшнего дня вы будете отданы в штат нашего заведения приказом о зачислении. Что касается вашей работы, то тут мы полагаемся на ваши знания и инициативу. Позвольте лишь ввести вас в актуальные проблемы нашей общей деятельности, касающиеся и вас. Все мы, собравшиеся под этой крышей, – группенфюрер внимательно взглянул на Грюнберга, – с легкой руки исследовательницы черных культов Маргарет Мари, исповедуем религию Плодородия, относящуюся к каменному веку. Понимаю, Рудольф, на фронте не до этих тонкостей, но, если вы когда-нибудь случайно услышите что-либо – не удивляйтесь и не улыбайтесь, – затрагивающее скрытые связи между ведущими лицами Рейха и какими-то сотрудниками нашей организации, если вы случайно установите факт влияния этих людей на указанных

лиц, вы, Рудольф, сделаете полезное дело, если немедленно доложите об этом мне. Немедленно, Рудольф! Вы поняли? Вот и отлично! В остальном же вы совершенно свободны. Надеюсь, вы не будете перегружены работой.

Группенфюрер взглянул на часы.

– А теперь, – задумчиво произнес он, нажимая кнопку невидимого звонка, – давайте посмотрим наш кукольный театр.

Через мгновение в комнату вошла светловолосая молодая женщина в белом халате, подчеркивающим ее ладную фигуру.

Взглянув на нее, Рудольф почему-то смутился, а она с насмешливой пронительностью взглянула ему прямо в глаза. Он почувствовал непонятный магнетизм, исходивший от нее. Взгляд женщины, как бы обращенный куда-то внутрь, морщинки в углах рта, придававшие многозначительность ее улыбке, густые, лежавшие на плечах волосы, горделивый изгиб великолепной фигуры, бросавшейся в глаза, – все это, возможно, и создавало некий ореол избранности, подействовавший на него столь ошеломляюще.

– С прибытием, господин Грюнберг, – произнесла она, с любопытством разглядывая Рудольфа.

Он, зная, как отлаженно работает немецкая канцелярия, не удивился ее осведомленности.

«Бог, – говорил ему когда-то старый преподаватель по искусству вживания в роль, – всех нас создал по своему образу и подобию. Ищи схожесть – все мы похожи друг на друга». И он уловил свою схожесть с Грюнбергом.

– Это наш профессионал, одна из лучших учениц доктора Юнга, – представил женщину Фридрих. – Марлен, – обратился он к ней, – займитесь новым сотрудником, подготовьте пропуск для Рудольфа во второй и третий боксы. Через полчаса я жду его у Гюнтера. Человек он здесь новый, поэтому проводите его.

Лаборатория размещалась в четырех толстостенных средневековых зданиях. В одном из них, куда Грюнберг вошел вслед за Марлен, на первых двух этажах было собрано огромное количество предметов, характеризующих культуры всех времен и народов, – от православных икон до древнейших знаков викингов. Увидев золотой жезл, Рудольф остановился.

– Вас что-то заинтересовало? – приостановилась Марлен.

– Этот трезубец, – кивнул Рудольф, – действительно настоящий?

– Здесь подделок не держат, – улыбнулась она, – это жезл верховного жреца пруссов, олицетворение власти бога огня и солнца Перкунаса.

– В наше тревожное время такие ценности не должны находиться без охраны, – произнес он.

– Почему же без охраны? – снисходительно заметила Марлен и указала в один из углов зала, где Рудольф увидел две железные клетки. – Этих милых кошечек дежурный выпускает ночью на свободу.

– Рысь?! – удивился он.

– Рысь – очень коварный зверь, – пояснила женщина, – и, что очень интересно, чрезвычайно чувствительное и пронительное животное. Она всегда обойдет опасное место, видя в темноте, поразит любого непрошеного гостя.

– О, тогда я спокоен за вас, – улыбнувшись, взглянул он на Марлен, – и за ценности Рейха тоже.

Помещение, в которое они вошли, напоминало пошивочное ателье, мастерскую скульптора и химическую лабораторию, вместе взятые. В нем находилось несколько человек, сидевших за столами. На столах были разбросаны цветные кусочки шелка, бархата и кожи, лежало множество ножниц, портняжных лекал и подушечек, утыканных разными иглами и булавками. Тут же были миски с глиной и гипсом, высились груды мятого пластика, остывала муфельная печь для обжига. На многочисленных полках поблескивали колбы с разноцветными растворами, реторты с мутной жидкостью и кристаллическими осадками, пинцеты, пробирки, мудреные аппараты, соеди-

ненные змеевиками и раструбами. На отдельной полке находились хрустальные призмы и пирамиды с заключенными в прозрачную глубину ступками радуг. На стенах висели засушенные лапки птиц, мышей и лягушек, и среди них человеческий череп и кисть руки, обтянутая желтой пергаментной кожей, с такого же цвета ногтями и костяными фалангами. Рядом со светильниками и подсвечниками в виде замысловатых иероглифов лежало несколько свитков папируса и изрядно потертых старинных фолиантов. На толстой странице одной из раскрытых книг Рудольф увидел кабалистические знаки, геральдику тайных союзов, обрамленные строчками неведомого, похожего на клинопись, текста.

Среди всего этого нагромождения вещей, за ретортами и колбами, находился горбатый чернявый человечек с темными глазками зоркого зверька. Это был карлик, сидевший на стуле и не достававший ногами пола. Обнаружил он себя позвякиванием ножниц, казавшихся огромными в его крошечных цепких руках, которыми он, однако, ловко орудовал, вырезая из кожи затейливый завиток.

– Прошу знакомиться – Гюнтер, – представил человечка вошедший за ними в комнату Фридрих, сделав такой жест, будто представлял маленькую дрессированную обезьянку, – сотворяет кукол, подобно тому как Господь сотворил Адама и Еву, вдохнув в них живую душу.

Горбун, поблескивая умными глазками, не перебивал группенфюрера, хотя сам, по-видимому, думал о себе нечто большее.

– В этой скромной мастерской, – продолжил Фридрих, – мы кроим и шьем политику, лепим репутацию и здоровье лидеров, добывая философский камень истории, – он возложил руку на хрустальную призму, другой ладонью накрыл страницу книги с магическими формула-

ми. – Наша кукольная программа не фарс, не забавный спектакль марионеток, как полагают простосердечные бюргеры. Это магия, мистерия, таинство, основанное на мистическом соотношении образа и прообраза. Отсюда протягиваются невидимые нити от сверхсознательного ума Гюнтера к уму любого политика. В этой области мы достигли определенных успехов.

Рудольф примерно представлял, с чем может столкнуться в лаборатории, но только сейчас начал осознавать, что становится героем какой-то страшной сказки.

– А теперь посмотрим на кукольный забавный народец, – между тем продолжал витийствовать Фридрих, – который так же, как и мы с вами, рождается, живет и умирает. Сначала умирает кукла, а уж потом изображаемый ею человек... – он печально улыбнулся, как мудрец, ведающий о земном конце и начале.

Рудольф услышал звук, который напоминал шорох, производимый соскочившей со стула на пол кошкой. Это маленький горбун спрыгнул со своего высокого стула и ловко побежал перед ними на кривых ножках. На длинном столе, похожем на операционный, лежали в ряд кожаные куклы. Одни из них запрокинули вверх мертвенные лица, другие, в истрепанных облачениях, со следами копоти и надрезов, с какими-то ржавыми крапинами и пятнами, уткнулись носом в столешницу. В некоторых куклах торчали большие серебрянные иглы с янтарными шариками на конце, у других были обрезаны носы и уши, словно они побывали в камере пыток.

– Это наши мертвецы, которых больше нет ни на сцене, ни в политике. Так решил маэстро Гюнтер.

Фридрих погладил лысую голову горбуна, а тот благодарно потерся о ногу хозяина.

Среди умерщвленных кукол Грюнберг узнал одного немецкого генерала, смещенного Гитлером со своего поста за

провал летней кампании. Горбун небрежно поворошил мертвецов, выбрав одну марионетку, осмотрел ее со всех сторон, подбежал к очагу, кинул куклу на неостывшие угли и, раздувая огонь, стал что есть мочи работать старыми мехами. Кукла вспыхнула и мгновенно сгорела, оставив в воздухе запах паленых волос и жареного жира.

– Ну а это – наш действующий актив, – произнес Фридрих, уклоняясь от налетевшей струйки дыма, – им еще рано в печь.

Над столом, подцепленные на аккуратные петельки, свесив руки и ноги, опустив на грудь голову, висели действующие политики. Тут присутствовал и премьер-

министр Англии, чье лицо было слепо напоподобие клецки, был американский лидер, напоминавший облезлую белку. В одной из кукол Грюнберг узнал Сталина, точно схваченного скульптором.

– Каков герой! – Фридрих тронул куклу английского премьера, и та закачалась на шелковой петельке. – Это ты за открытие второго фронта?.. Что скажешь, маэстро? – он перевел на горбуна потяжелевший взгляд.

Тот, успев забраться на стол, вдруг выхватил из обшлага длинную серебряную иглу с янтарным шариком и с силой вонзил ее в голову куклы премьера. Игла вошла, как в живую плоть.

Глава 7

После неудавшегося в середине октября 1944 года прорыва немецкой обороны на границах Восточной Пруссии, предпринятого Белорусскими фронтами, наступило временное затишье. Войска перегруппировывались. В городах Восточной Пруссии, для поднятия духа населения, на административных зданиях появились новые лозунги – последние идеологические новинки геббельсовской пропаганды, заклиная жителей: «Победа или Сибирь!» Пруссия готовилась к долговременной осаде.

Октябрь в Кёнигсберге выдался мягким.

Была ночь. Рудольф Грюнберг стоял у окна комнаты, в которой поселился по прибытии в Кёнигсберг. Город медленно плыл во тьме – ни огонька, ни звука. От неестественной тишины сжималось сердце, казалось, что все вокруг указывает на смерть. Мысли оберштурмфюрера были безрадостны. Больше месяца он числился сотрудником лаборатории, а ясности в вопросах, поставленных Цен-

тром, не прибавилось. Круг его деятельности был четко ограничен. Его ввели в состав группы, которую возглавлял Ганс Шур, прославившийся своими предсказаниями. В Германии всегда было много людей, зарабатывавших на жизнь своим умением проникать в незримое. Но перед самой войной эти люди в одночасье словно растворились.

Как-то, оставшись наедине с прорицателем, Рудольф доверительным тоном спросил старика:

– Ганс, вы действительно в начале сороковых предсказали гибель Рейха?

Шур, покрутив серебряный медальон с руническими знаками, висевший на его жилистой шее, взглянул на Грюнберга.

– А разве сейчас мы в этом не убеждаемся?

– Но ведь есть катрены Нострадамуса? – попробовал спорить оберштурмфюрер.

– Да, – согласился старик и процитировал: – «Дитя родится от бедных родителей, языком обольстит армию великую. Шумная ярость распространится

до царств Востока...» Что здесь не так? – спросил он Рудольфа. – Нострадамус предсказал все довольно точно. Все дело в том, что хотели увидеть или услышать в этих пророчествах люди.

– Ганс, – обратился Рудольф, видя, что прорицатель расположен к нему, – вы не могли бы увидеть мое будущее?

– Воину незачем знать свое будущее, – довольно сухо произнес Шур, дотронувшись до медальона, но, помолчав, спросил: – Для чего, оберштурмфюрер, вы хотите знать будущее?

– Я хочу знать, что мне делать, – ответил Грюнберг, – для того чтобы я мог изменить ход тех событий, которые мне хочется предотвратить.

– Тогда они не станут твоим будущим, – ответил ясновидящий.

– Но, возможно, – не согласился Рудольф, – я тогда смогу подготовиться к тому, что со мной произойдет.

– Если произойдет что-то хорошее, – улыбнулся Шур, – это будет приятной неожиданностью, а если плохое – ты почувствуешь это задолго до того, как оно случится. Не заботься о будущем – живи настоящим, помни прошлое, и пусть каждый твой день проходит, как частица вечности.

«Не совсем ты прав, Ганс, – мысленно споря со стариком Шуром, подумал Рудольф, – именно сегодня и нужно думать о будущем, а если и приоткрывается оно, то лишь с одной целью – будущее должно быть изменено... Отдел занимается аналитикой, – отодвинул он мимолетные воспоминания, пытаясь мысленно составить свое донесение Центру, – но это какая-то нереальная, в духе средневековых исследований, работа, контролируемая лично гауляйтером Восточной Пруссии Эрихом Кохом...»

В том, что сознание Гитлера и его соратников было во многом подвержено мистицизму, Рудольф не сомневался – все

они верили в демонологию и языческие ритуалы. Он сам был свидетелем, когда «рунические воины», или, как их очень часто называл Кох, «черные посвященные», под руководством наставников из лаборатории приняли участие в старом тевтонском обряде. Словно находясь под гипнозом, эсэсовцы совместно, целой ротой при помощи осколков красной черепицы сделали на руках надрезы, символизирующие их непреклонность в борьбе с врагом и вечность проистекания жизни рода. Поэтому идея организации подобной лаборатории, влияющей на умы и психику человека, не могла не вынашиваться в головах вождей Третьего Рейха.

Перед созданным подразделением стояли две задачи. Первая – изучение древних метафизических дисциплин: астрологии, магии, гипноза, различных культов, фетишей. Вторая, более глубокая и перспективная – разработка концепции психотропного оружия на основе полученных исследований. Сейчас он не был еще готов ответить, смогут ли нацисты в короткие сроки создать оружие массового поражения психотропного характера, но уже знал, что интеллектуальный потенциал этого учреждения был очень высок. Грюнберг не сомневался, что отдельные знания и таланты сотрудников лаборатории активно использовались в локальных операциях. Однако утверждать, что в одном случае здесь поработали специалисты лаборатории, а в другом кто-то стал жертвой роковой случайности, он бы не взялся.

За окном начал накрапывать дождь. Вслушиваясь в его сонный шепот, Рудольф поймал себя на мысли, что думает сейчас о Марлен.

Было в этой женщине что-то притягательное, заставляющее оберштурмфюрера задерживать на ней свой взгляд. Он не хотел бы встретиться в незримом поединке с этой умной, волевой, фанатично пре-

данной работе женщиной-врагом, но сейчас подумал о ней не как о враге, а как о женщине, которую встречал каждое утро. Лицо Марлен, красивое и чуть надменное, в последнее время при встрече, казалось ему, становилось чуть живее, а в голубых глазах появлялись искорки любопытства. Чудилось ему, что за всей этой холодной неприступностью жила какая-то тайна...

Утром оберштурмфюрера Рудольфа Грюнберга вызвали к Фридриху Штумпфу. В кабинете группенфюрера уже находилось двенадцать человек.

– Заходите, Рудольф, – вяло вскинув руку в приветствии, произнес он, увидев появившегося в дверях оберштурмфюрера. – Вы – недостающее звено в нашей дюжине. Господа! – обратился группенфюрер к собравшимся. – Вам сегодня выпала великая честь нанести сокрушающий удар английской империи. Когда в августе этот алкоголик Черчилль послал авиационную армаду, нанесшую удар по святым местам древнего города, где когда-то короновали прусских монархов, он не оставил нам сомнений – Англия за это должна заплатить. Момент наступил. Английской монархии необходимо нанести ответный удар. Но речь идет отнюдь не о военных действиях и, естественно, не о бомбардировках Лондона. У нас есть свои методы. Для этой цели одним из отделов изготовлена точная копия древнейшей из существующих корон английского происхождения. Эта свадебная корона из золота и драгоценных камней, – поднял он сверкнувший холодным желтым огнем широкий обруч, – принадлежала принцессе Бланш – дочери короля Генри IV. Золото и камни, любезно предоставленные спецхраном Майданека, сохранили информацию о людях, которым некоторое время всем этим довелось пользоваться. Их энергетика поможет довести возмездие до логического конца. Бог с нами, господа. Хайль!

Вечером того же дня, возле выгоревшей западной части замка Трех королей, у стен сожженной коронационной кирхи, окруженной караульной ротой войск СС, состоялся театрализованный церемониал. В присутствии трех английских летчиков, сбитых в небе над Кёнигсбергом, свадебную корону, символ чистоты и непорочности Британии, надели на голову беззубой старухе в свадебном платье и обвели ее три раза вокруг сгоревшей кирхи. Сам ритуал закончился тем, что изящную корону, точную копию существующей, со всей силой грохнули о брусчатку двора. Драгоценные камни разлетелись в разные стороны. Их сразу же собрали и поместили в черные кожаные мешочки, специально изготовленные в отделе горбатого Гюнтера.

После оккультного действия, в котором Грюнберг принял непосредственное участие, в небольшой группе приглашенных он заметил Марлен. Лицо женщины ему показалось взволнованным.

– Фройляйн Марлен, – подойдя к ней, улыбнулся оберштурмфюрер, – не хотели бы вы разделить со мной радость нашей будущей победы над саксами?

– О, оберштурмфюрер, – смущенно взглянула на него женщина, – последнее время я делаю много глупостей, пусть будет одной больше, – улыбнулась она.

Пройдя вдоль замка, они спустились в работающий подземный ресторанчик «Блютгерихт», знаменитый средневековой легендой о том, как приговоренный к смерти чародей сбежал, напоив в нем своего палача. В ресторанчике, располагавшемся в винных погребах Королевского замка с множеством тайных комнат, подземных хитросплетений и ниш, в которых в древние времена замуровывали узников, уже находилось с десятков посетителей.

Расположившись за свободным столиком в углу, они сделали заказ. Пока

однорукий прихрамывающий официант не спеша отправился его исполнять, Рудольф, проводив его взглядом, поинтересовался:

– Марлен, как вам сегодняшней вечер?

– Я счастлива, Рудольф! Наконец мерзавцы «томми» получают свое. Это был ад! – взглянув на него, пояснила она. – Столько людей заживо сгорело.

– Ваши родители не пострадали? – помолчал, спросил он.

– Я дочь нации, – без всякого выражения произнесла она, – мои родители были врагами Рейха.

– Извините, Марлен, я не знал, – вздохнул Грюнберг, подумав, что судьба пошутит и свела дочь врагов Рейха и сына врагов народа.

– Вы, Рудольф, – помолчал, взглянула она на него, – не такой, как все.

«Я не могу позволить себе жалость или понимание, – подумал Грюнберг, – любое чувство вроде этих погубит все». Но как он ни противился тому, все явственнее ощущал, что сомнения начинают вкрадываться в его душу, наполняя состоянием, ранее ему незнакомым. Рудольф ловил себя на мысли, что думает о Марлен больше, чем хотелось бы в данной ситуации. Он мысленно пытался отбросить прочь все сомнения и условности, он хотел любить эту женщину, отдавшись всепоглощающему чувству доверия, оберегать ее, обратить жалость во что-то благое и сильное.

Официант принес бутылку «Блютгерихта №7» и два салата с сыром. Розовое вино было душистым и терпким.

– А вы, Марлен, где учились? – поинтересовался он.

– Где я только не училась, – держа бокал в руке, усмехнулась она и задумалась.

Марлен спокойно и методично, будто убирала свою квартиру, начала вспоминать свое прошлое, свою жизнь. Все, что

стоило помнить, и все, что было бы неплохо забыть: детдом с холодностью воспитателей, Союз немецких девушек, где радость должна была приходить почему-то через силу, – сейчас проплывало в ее памяти. Ей хотелось быть гордой, независимой и отчужденной, но не выходило, ее одолевали противоречия. Мужчина ей нравился, с ним было легко и просто. Лидер по своей натуре, сейчас она боролась сама с собой.

За столиком в противоположном углу подгулявшая компания, по всей видимости отпускники формирующегося батальона фольксштурма, стуча по столу кулаками, нестройно, но громко затянули браваый марш:

А перед нами все цветет,
за нами все горит.
Не надо думать – с нами тот,
кто все за нас решит.
Веселыми – не хмурыми –
вернемся по домам,
Невесты белокурые
в награду будут нам.
Все впереди, а ныне –
за метром метр
Идут по Украине
солдаты группы «Центр».

– Перестаньте орать, – попробовал урезонить расшумевшуюся компанию сидевший за широким дубовым столом в самом центре зала мужчина лет тридцати пяти с обожженным лицом.

– Тебе, тыловая крыса, что – не нравится наша песня? – привстал кто-то из гуляк.

Мужчина, не сказав ни слова, на глазах у всех достал из внутреннего кармана фигурку серебряной рыси и поставил на стол. Это была небольшая статуэтка рыси с когтистыми лапами и головкой, окольцованной изящной серебряной цепочкой. Такие небольшие фигурки из серебра

отливались в одной из мастерских лаборатории, их было выпущено немного, и редкий коллекционер знал о существовании этой ритуальной награды, символизовавшей собой защиту таинств лаборатории на острове.

Компания тут же умолкла, а официант поспешил рассчитать всех.

– Камерад, не спеши, – глухим голосом обратился мужчина к официанту, – принеси-ка бутылку «семерки».

Когда заказ был выполнен, мужчина, потянувшись к принесенной бутылке, словно невзначай толкнул ногой стол. Завибрировавшую, грозившую упасть бутылку он подхватил левой рукой.

– «Взвинтил» вино, – немного побледнев, шепнула Рудольфу Марлен.

Мужчина сделал легкий щелчок пальцем по донышку, и пробку буквально вырвало из бутылки.

– Подойди-ка сюда, приятель, – помянул он пальцем привставшего фольксштурмовца. – Пей! – подвинув бутылку, приказал он безропотно подошедшему солдату. Тот, сделав из бутылки три крупных глотка и рухнув под стол, мирно засопел.

– Возьмите его, – приказал обожженный остальным, – и возвращайтесь в свою часть.

– Пойдем отсюда, – потянула Грюнберга к выходу Марлен. – Все могло бы закончиться трагично, – поднявшись на поверхность, объяснила она ему, – если

бы солдаты не знали, что такое знак серебряной рыси.

– Я его видел у нас, – произнес он, – ничего особенного, молчаливый малый.

– Возможно, – кивнула она, – только это один из «прошедших огонь».

– Вздор, Марлен, – усмехнувшись, подзадорил Рудольф. – «Да пусть его омоют все воды», ничего не произошло бы, – ну, повздорили б немножко...

– Нет, – упрямо покачала она головой, – он человек восьмого отдела. Об отделе ходят легенды. Я не знаю, чем там занимаются, но собраны в нем лучшие из лучших, прошедшие умопомрачительные тесты и невообразимые испытания. Знаю, что через отдел прошло около сотни человек и что с ними занимались буддийские монахи. Особые тренировки и ритуалы сделали этих людей практически нечувствительными к боли.

Полученная совершенно случайно информация о сотне хорошо подготовленных людей заставила Рудольфа насторожиться. Он был наслышан о секретном приказе по созданию «Вервольфа».

– Возможно, их готовили, – он сделал серьезное выражение лица, – для охраны вождей Рейха.

– Возможно, – согласилась Марлен: вино сделало ее разговорчивей. – Кстати, – улыбнулась она, – на днях в лабораторию приедет тайно сам рейхсфюрер Гиммлер.

Глава 8

Серым октябрьским утром к Южному вокзалу Кёнигсберга в облаке дыма и пара подошел без опоздания берлинский экспресс. К одному из последних вагонов подъехал небольшой фургон. От фургона до двери вагона было ровно три шага. Как раз на это место тремя неприметными людьми

в штатском и были положены пять пластин толстого стекла, чтобы прибывшие, выходя из вагонов, поставили свою ногу не на землю, а на эти пластины. Окна фургона были наглухо закрыты. Вся встреча длилась считанные минуты, не было ни цветов, ни приветствий. Лишь после того как фургон

отъехал, пять толстых стеклянных пластин были расколоты тяжелым металлическим предметом и тут же убраны с платформы.

Прибывшие в этот день из Берлина рейхсфюрер Гиммлер с двумя офицерами сопровождения и доктор Керстен были отправлены по адресу «Кёнигсберга-13», на остров Кнайпхоф, где рейхсфюрера переодели в гражданскую одежду и предложили изучить маршрутную карту. Эта карта, составленная к моменту его прибытия, включала посещение загадочных мест в городе с четко рассчитанным по времени маршрутом движения. Гиммлер, прибывший в Кёнигсберг для лечения, должен был пройти по этому исцеляющему пути в утреннее время, не вступая в контакт с посторонними людьми.

В основе составленного маршрута лежали тайные знания, большая часть которых была получена еще в средние века в подземной тюрьме Королевского замка, где допрашивали и пытали тех, кто выявлял эти целебные энергетические места и умел использовать их в лечебных целях.

Этот день не предвещал для оберштурмфюрера Грюнберга ничего дурного. Еще накануне он и несколько сотрудников лаборатории были проинструктированы, что в это утро по определенному маршруту будут сопровождать одну важную персону из Берлина и должны исключить любой контакт этого человека с посторонними. Человек, в котором Рудольф безошибочно узнал Гиммлера, довольно уверенно пошел к тому месту, где в средние века располагался монастырь-больница для прокаженных. Дальше маршрут рейхсфюрера пролегал через два моста Кёнигсберга к Штайндаммской кирхе, от нее резко повернул на юго-восток к одной из башен Королевского замка и, попетляв по городским узким улочкам, вернулся на остров Кнайпхоф. Действуя по инструкции, доведя рейхсфюрера до места и передав его внутреннему сопровождению, Рудольф, ругая по чем зря Гиммлера и начинающийся мелкий, нудный дождь, направился к себе. Дождь становился несносным. Потоки воды сделали город неузнаваемым.

В это время человек, приставленный к Гиммлеру, сопровождал рейхсфюрера в комнату, где на оконные стекла голубой и желтой краской были нанесены разнообразные фигурки и знаки, имевшие магическое значение. Подведя сопровождаемого к одному из окон, сотрудник удался. Гиммлер, некоторое время глядя вдаль, видел очертания башен, движение экипажей, ровное течение реки. Но стоило ему посмотреть на стекло и знаковые символы, нарисованные на нем, как вся эта многообразная городская жизнь словно замирала в его сознании.

Войдя в свою комнату, Грюнберг застал в ней пожилого мужчину с большими залысынами, который при его появлении встал из-за стола.

– Здравствуй, мой мальчик, – направился было к нему незнакомец, но, остановившись в полшаге, изменившимся упавшим голосом произнес: «Извините, вы так похожи на Рудольфа».

На лице Грюнберга появилось приветливое выражение, и Керстен, внезапно отрешась от всей своей внутренней жизни, пронизательным привычным взглядом принялся разглядывать стоящего перед ним молодого человека.

– Кто вы? – наконец спросил он.

– Как кто? – удивился пришедший. – Вы же знаете, кто я. Я всего лишь скромный слуга своему Отечеству, напрягающий все свои слабые силы для того, чтобы служение мое было честным. Судьба иной раз не по заслугам помогает мне. Я служу своему Отечеству и отдаю все себя этому служению, помогая ему не словом, а делом, и делаю то благо и добро, которое в моих силах.

Керстен видел по глазам пришедшего, что иного ответа он не получит. Слова, произнесенные им, были ясны и просты. Доктор слышал подобные слова, они много раз звучали над ним и в нем, но меж-

ду тем ему показалось, что он их слышит впервые. В то же время в них было что-то смущающее, словно прозвучал какой-то неясный упрек.

– Вы говорите, добро? – взглянул на пришедшего Керстен. – А вы уверены, что всегда правильно отличали его от зла?

Ответ Грюнберга прозвучал спокойно: – Когда человек долгое время живет вдали от Родины, не согреваясь ее теплом, он окружен ночной темнотой. И в этой темноте, конечно, может принять зло за добро и добро за зло. Но если он душой с Родиной, он не может ошибиться.

– Рудольф жив? – помолчав, спросил Керстен.

– Три месяца назад был в полном здравии, – кивнул собеседник.

– Что же мне с вами, милейший, делать? – задумчиво произнес доктор. – Было бы наивно представить вас рейхсфюреру как моего племянника.

– Знаете, дядя, – усмехнулся Рудольф, – рейхсфюреру, мне кажется, некогда позволять себе заниматься мотивами или разбираться, кто наивен, а кто нет. У нас здесь военный кризис в самом разгаре – или вы, быть может, не заметили этого, доктор?

– Очень остроумно, – взглянув на разведчика, усмехнулся Керстен. – Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудет-ся же это... Вы говорите, судьба? – хитро поглядел он на Грюнберга. – А вот мы сейчас посмотрим: рейхсфюрер или гестапо? Дайте-ка мне монетку.

Рудольф отыскал у себя серебряную монету с Гинденбургом достоинством в пять марок.

– Решка – представлю как племянника. Орел – в гестапо.

Ловко, как если бы частенько этим занимался, Керстен подбросил вверх монету и, смачно поймав, стиснул в кулаке.

– Подойди, – пригласил он Грюнберга. – Решка, повезло, – задумчиво поглядев на монету с некоторым даже разочарованием, проговорил Керстен. – Пусть все идет, как идет. Предоставим это дело судьбе.

Вечером того же дня доктор Керстен представил своего племянника рейхсфюреру Гиммлеру, пребывавшему в хорошем настроении после сна, сморившего его в комнате с раскрашенными стеклами.

За празднично накрытым столом в одном из залов лаборатории находилось десятка полтора генералов и высших офицеров СС. Среди присутствующих Рудольф узнал гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха и коменданта Кёнигсберга Отто Ляша.

– Управление по делам замков в Берлине, – услышал Рудольф слова рейхсфюрера, обращенные к собравшимся, – преподнесло фюреру небольшой макет кёнигсбергского замка, и черный маг Вильгельм Штаульберг в берлинской лаборатории уже работает с этим макетом. Цель, поставленная фюрером, одна – не допустить русскую армию в Восточную Пруссию до 13 апреля 1945 года. По предсказанию Штаульберга, 13 апреля должен произойти великий перелом в пользу Рейха, но при условии, что ни один город Восточной Пруссии не будет взят врагом до этого числа. Вспомните, господа, – высокопарно произнес Гиммлер, – о том, что Кёнигсберг и пруссаки по стечению событий часто являлись на сцену и «путали карты» мировой истории, так же как и роковую точку в судьбе императора Франции Наполеона Бонапарта во время битвы под Ватерлоо поставили «черные прусские конники» генерала Блюхера. Когда Наполеон под Ватерлоо увидел вместо помощи прусскую конницу, он в сердцах воскликнул: «Как жаль, что я не сжег Берлин!» Будем надеяться, что и на этот раз Пруссия не даст сжечь Берлин».

– Фридрих, господа, – покрутил головой рейхсфюрер, отыскивая в кругу собравшихся группенфюрера Штумпфа, – собрал на Кнайпхофе людей, которые, как он полагает, в силу их природных или приобретенных способностей, могут решать задачи глобального масштаба. И что важно – без малейшего участия со стороны Рейха, вообще без всякой помощи извне. Такая вера в безграничные возможности человеческого разума достойна того, чтобы за нее выпить. За группенфюрера Штумпфа! – поднял наполненный бокал Гиммлер. – За человека эпохи нового Возрождения.

– Кстати, Фридрих, – пригубив, отставил он бокал, – как у нас идут дела по линии алкоголика Черчилля и уголовника Рузвельта? – Они должны быть выведены из игры.

– Мы помним, экселенц, – наклонил голову Штумпф, – и прилагаем к этому все усилия.

– И еще, Фридрих, – взглянул в сторону группенфюрера Гиммлер, – я хотел бы услышать твоего пророка Шура. Пусть он развеет туман нашего неведения.

Через некоторое время в зале появился Ганс Шур. Лицо Шура было спокойно, и только худые руки старого пророка, трогавшие висевший на груди амулет, немало подрагивали.

– Ганс, ты и сейчас видишь гибель Рейха? – обратился к старику со снисходительной улыбкой Гиммлер.

– В свое время я писал скромное письмо нашему фюреру, где предупреждал о возможных последствиях войны с Россией. Я люблю Германию, и мне хотелось бы, чтобы у нее не было неприятностей. Ответа, увы, не последовало, – ясновидящий поджал губы, направив на рейхсфюрера черные, без зрачков глаза.

– А ты не хочешь напроорочить мне? – рейхсфюрер был окончательно загнипнотизирован, чувствуя, как по его телу

разливаются сладостные струйки боли. – Я хочу знать мое будущее.

– А вы не боитесь? Лучше не заглядывать в зеркало будущего – оно может быть ужасным.

– Мне нечего бояться, – надменно улыбнулся Гиммлер, – покажи, на что ты способен.

Прорицатель подошел к рейхсфюреру, улыбнулся, прощая фамильярность, взял руку Гиммлера, прикрыл коричневые веки и словно задремал. Его сухие пальцы подрагивали у рейхсфюрера на ладони, а тот снисходительно поглядывал на собравшихся и улыбался. Шур открыл глаза. Они были выпуклые, круглые, с бронзовым отсветом, словно спелые сливы.

– У вас большое будущее, рейхсфюрер, но в мае следующего года вам лучше не встречаться с англичанами.

– За твою шутку мне хочется тебя наградить, – улыбнулся Гиммлер.

Место Гиммлера занял гауляйтер Кох. Прорицатель сжал пальцами его пухлую короткопалую ладонь, закрыл глаза, погрузившись в созерцание неведомого, ненаступившего будущего. Гауляйтер терпеливо ждал, позволяя магу экспери-

ментировать. Ясновидящий открыл глаза – они полыхнули жутким потусторонним светом.

– Путешествие на ледоколе в Данию для вас, херр гауляйтер, таит некую опасность.

Кох, неудовлетворенно пожимая плечами, уступил место военному коменданту Ляшу.

– Вам, генерал, – взглянул на него Шур, – надо бояться числа «тринадцать». Оно будет вас преследовать и после войны.

Рудольф видел, каким непосильным трудом занят старик Шур, как вторгается в запретные миры, производя в них смятение, как рушит закономерность времен, обгоняя череду зарождающихся событий.

– А что ты думаешь о судьбе Кёнигсберга? – холодно поинтересовался Гиммлер.

– Для города будут самыми тяжелыми три апрельских дня, – вяло ответил кудесник, тусклым взглядом поглядев на рейхсфюрера.

– А можешь ли ты угадать свое будущее? – улыбнулся Гиммлер.

– «Как мщение судьбы пророку, – глухим голосом произнес Шур, – все знать и ничего не мочь...»

Глава 9

Подчас прошлое так же трудно объяснить, как предугадать будущее, но так же легко изменить историкам, как меняется один и тот же пейзаж в зависимости от времени суток.

Как художник, Черчилль не любил серое английское небо – это биографы потом будут утверждать, что он прекрасно чувствовал цвет. Сейчас премьер-министр Англии, глядя в окно своего кабинета, не замечал серой, дождливой мглы, нависшей над Лондоном. Причиной такого состояния Черчилля были перио-

дически усиливающиеся головные боли и сводки о наступлении войск Монтгомери, результат которого оказался почти катастрофическим. Сомнение вызывало и наступление Паттона в районе Бастони. Сообщения, приходившие оттуда, были малоутешительными.

Ночь на 6 января 1945 года для семидесятилетнего премьер-министра обещала быть бессонной. Головная боль мешала ему начать писать обращение к Сталину.

Достав бутылку, он плеснул виски в стакан, выпил. Боль немного отпустила.

Улыбнувшись, вспомнил давнее свое выступление в палате общин. Черчилль, назначенный министром финансов, делал первое представление бюджета, обставив его как небольшое театральное действие. Водрузив портфель с бумагами на трибуну, он достал бутылку виски и сказал, наливая стакан: «Прежде чем укрепить ресурсы страны, мне нужно подкрепить собственные ресурсы». Депутаты оживились. Леди Астер, член палаты общин, которую Черчилль называл про себя «старая лядь», сухо заметила: «Нам давно пора следовать американским путем и принять закон о запрете алкоголя». Черчилль поклонился ей и кратко заметил: «Я уважаю ваши благородные цели, однако позволите мне следовать своим путем».

Судьба дала этому человеку слишком много, чтобы ограничиться двумя датами на могильном камне. Итог двадцатилетия своей блестящей карьеры сорокавосьмилетний Уинстон Черчилль подвел со свойственной ему афористичностью: «Я и глазом не успел моргнуть, как оказался без работы, без места в парламенте, без партии и даже без аппендикса». Он был старше своего рано ушедшего отца, и казалось, что все в его жизни уже случилось и все было позади. Побег из бурского плена, больше похожий на приключение, сделал двадцатипятилетнего отставного лейтенанта кавалерии и входящую звезду британской журналистики национальным героем. В двадцать шесть лет – триумфальное избрание в парламент. В тридцать один – переход из партии в партию и министерский портфель. Первая и последняя женитьба – в тридцать три года на американке с таким же именем, как и у матери, – Клементина. Родилась дочь, про которую он не уставал повторять, что она прелестна, а когда его спросили: «Должно быть, она похожа на мать?» – он с гордостью возразил: «Что вы! Вылитая я». Потом –

скандал с суффражистками, которых он возненавидел на всю оставшуюся жизнь, истое рвение на посту министра внутренних дел. Далее была отставка и немедленное возвращение в правительство, уже в качестве военно-морского министра. На этом посту он обнаружил редчайшее свойство – предугадывать технические и технологические аспекты будущей войны. В период Первой мировой войны его жизнь сопровождалась взлетами и падениями в политической карьере. Происходили изменения мира, которые он не хотел замечать. Последовала отставка с поста министра вооружения. Это подвигло Уинстона вместе с Клементиной уехать на юг Франции и взять в руки кисть. Солнечный небосвод Средиземноморья приводил его в такой восторг, что он считал день пропавшим, если не успевал написать хотя бы двух пейзажей. Живопись была прекрасна тем, что занимала только зрение и голова работала над другим, а другое для него было главным. Черчилль рано научился зарабатывать деньги литературным трудом, и это занятие для него стало продолжением политики. Он задумал многотомную эпопею о Первой мировой войне. У него была феноменальная память – помнил все дебаты в парламенте, все подробности хода войны так же хорошо, как тысяча двести строк из книги Маколея о Древнем Риме, которые Черчилль выучил наизусть в школе Харроу и запомнил навсегда. Один из приятелей, навестивших его, поинтересовался:

– Уинстон, чтобы забыть войну, я много рисую. А что делаешь ты?

– Я пишу книгу о войне, – ответил Черчилль.

– Но это же все равно что раскапывать кладбище! – воскликнул приятель.

– Да, – помолчав, согласился Черчилль и добавил: – Однако при этом ожидаю воскрешения.

Многотомник, названный им «Мировой кризис», был скорее отображением личной драмы Черчилля, чем отвлеченным историческим трудом. Изгнанный из правительства в разгар войны, он был потрясен тем, что его принудили стать наблюдателем трагедии, помещенным самым жестоким образом в первом ряду.

Тяжелая память о масштабе трагедии, выявившемся после подведения итогов, жила в его сознании до конца его дней: Британия потеряла миллион человек. Черчилль никогда не интересовался жизнью так называемых простых людей, но обладал живым воображением, а потому представлял погибших миллионом деятельных людей, без которых Англия не может быть такой, какой могла бы стать. В школе он был плохим учеником и учил только то, что ему нравилось. Он любил войну и ее уроки запомнил навсегда. Одним из первых Черчилль понял угрозу, исходившую от гитлеровской Германии, и призвал «забыть тяжелое прошлое и создать тройственный союз с Францией и Россией», но, на беду, не был услышан.

Гитлер сразу разглядел в нем опасного врага, и не было для него лучшего знака, определявшего поведение лондонского правительства: «Если в нем нет Черчилля, из такого правительства можно вить веревки. Если Черчилль вернется – Англия готова воевать».

...Боль вновь дала о себе знать.

«Сколько это будет продолжаться?» – вновь отхлебнув виски, подумал Черчилль. Он должен был еще полгода назад добраться до этих кёнигсбергских колдунов. Головные боли начали его преследовать с тех самых пор, когда секретные службы доложили ему, что с его куклой работают в Кёнигсберге, где-то в районе острова Кнайпхоф. Он плохо знал этот немецкий город, но хорошо знал возможности людей, втыкающих в куклу, похожую на него, серебряные

иглы с янтарными шариками. Еще в Африке Уинстон был наслышан о подобном колдовстве «вуду». К тому же он не хотел, чтобы секреты достались русским, довольно успешно продвигавшимся на фронтах и приближавшимся к границам Восточной Пруссии. Поэтому, планируя прошедшим летом авианалет на город под кодовым названием «Кисть викинга», он лично сам указал примерные цели. По расчетам, сорок тысяч тринадцатикилограммовых бомб «Рыжий викинг», начиненных напалмом, должны были сыграть роль очистительного огня, который превратит город в огромный костер. Но отснятые снимки его огорчили: несмотря на большие разрушения, объект не был уничтожен.

Голова прояснилась, и Черчилль, закулив сигару, взял ручку.

«На Западе идут тяжелые бои», – вкладывая в эти нелегкие слова свои мысли, вывел он первую строчку. Дальше пошло легче: «Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление в районе Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января?»

Текст был представлен Сталину вечером 6 января. Прочитав послание, Главнокомандующий расценил его как деликатный и завуалированный крик о помощи.

Через день Черчилль получил ответ:

«Учитывая положение союзников на Западном фронте, – писал Сталин, – Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января».

Британский премьер не скрывал своей радости в ответе Сталину.

«Я весьма благодарен Вам, – писал он, – за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача».

Историки подсчитали, что Черчилль работал по девяносто четыре часа в неделю, был в курсе всего и научился не вмешиваться в тактические решения военных, не выпуская из рук стратегических задач. Он все время помнил страш-

ную цифру – один миллион. Он шел на конфликт не только со Сталиным, но и с Рузвельтом, чтобы на два года оттянуть открытие второго фронта. Он знал о жертовном героизме Красной Армии, ценил его и по-своему сочувствовал русским вдовам и сиротам. Англия вела войну на многих фронтах, в океане и в небе, она защищала свои имперские интересы, и все же главным для Черчилля было – беречь британцев. Это ему удалось. Во Второй мировой войне Англия потеряла меньше всех из союзников.

Глава 10

Догорал короткий зимний день.

Над незамерзшим Прегелем висела морозная дымка, тянуло промозглой сыростью. Первый, выпавший на Рождество снег растаял, и новый прочно лег только после Нового года.

Сейчас, поджидая Марлен, прохаживаясь взад-вперед вдоль беоега, Рудольф протоптал в снегу узкую тропинку. Марлен задерживалась, что было не в ее привычках.

Поглядывая в сторону, откуда должна была появиться женщина, он анализировал сложившуюся в прошедший день ситуацию.

В чувствах людей, оценивающих сложные исторические события, чаще всего преобладает эмоциональная оценка явлений. Между тем, когда речь заходила о тех событиях, к которым была причастна деятельность лаборатории, оберштурмфюрер Грюнберг внешне оставался холодным и рассудительным. Только однажды, читая в старом фолианте о том, как маги Кнайпхофа по приказу Наполеона Бонапарта в период его русского похода работали с макетом Московского кремля, Рудольф почувствовал подбирившуюся к сердцу тревогу. Сегодня схожее чувство напомни-

ло о себе, когда он проверял закладку тайника у могилы Канта. Специального знака, сообщавшего о том, что для него имеется послание в условленном со Смирновым месте, не было.

В последней шифровке Центру разведчик сообщал, что сорок два человека, составляющие структуру лаборатории (в отличие от тридцати человек лаборатории Берлина), последние три года проводили опыты по реализации многоплановых убийств. Используя исследовательские материалы «Руны домов», строительная организация, возводившая дома по всей Германии, закладывала в геометрическую конфигурацию строений ключ, посредством которого можно было убить живущего в нем человека, если он оказывался вредным и опасным для Рейха. После массированного воздействия на дом через определенные коды низкочастотным электромагнитным полем человек умирал от сердечного приступа или выбрасывался в окно. Грюнберг знал, что среди убитых таким образом были журналисты, писатели и другие люди творческого труда.

Проанализировав свои ощущения, Рудольф пришел к неутешительному для

себя выводу, что чувство тревоги родилось в момент утреннего посещения группенфюрера Штумпфа, обратившего на него внимание после памятного представления Гиммлеру. Чем чаще разведчик встречался со Штумпфом, тем больше укреплялся во мнении, что группенфюрер – величайший наглец и мистификатор, способный «задушить» голову любому человеку. Во время своего посещения Рудольф неожиданно для себя испытал неосознанно возникшее к группенфюреру теплое чувство симпатии и почти сыновнюю привязанность. Находясь в добром расположении духа, угостив Рудольфа французским «Наполеоном» – другого не употреблял, – группенфюрер, изучающе посмотрев на него, снисходительно сказал:

– Умнейшим человеком был автор «Женщины в белом» – Уилки Коллинз. «Тело, – процитировал он, – находится во власти самого всемогущего из властителей – химии...» Это написано, – помолчав, продолжил он, – за десятки лет до того, как военные обратили внимание на химию. Дайте мне химию, – усмехнулся Штумпф, – и, в то время, когда Гете задумывал «Фауста» и сажился за стол, чтобы воспроизводить задуманное, я смог бы, воздействуя на его тело несколькими крупинками, подмешанными в пищу, довести его разум до состояния, при котором его перо начало бы плести несусветный вздор.

Произнеся это, группенфюрер не спеша выдвинул из стены незаметный шкафчик с блестящими цилиндрами, снабженными наклейками: «симпатия», «доверие», «откровенность», «подозрение», «ярость», «недоверие, переходящее в ненависть».

– Ты, Рудольф, не поверишь, – вздохнул группенфюрер, – но эти дурные головы срезали финансирование по аэрозолям. Боже мой, какое было перспективное направление! Впрочем, я знаю, – добавил

задумчиво он, – кому можно уступить некоторые идеи. Правда, стендовые испытания придется проводить на свой страх и риск. Как ты думаешь, Рудольф, почему обычного преступника поймать легче, чем выследить и обезвредить маньяка?

– Но вы, группенфюрер, сейчас тоже не в противогазе, – заметил Рудольф, – мы с вами дышим одним воздухом.

– Дышим, – усмехнулся Штумпф, – да только на меня эта штука не действует.

– Почему? – поинтересовался Грюнберг.

– У меня, видишь ли, другая группа крови, – довольным тоном ответил группенфюрер.

Рудольф допил коньяк. Напряженности не было.

«Вся жизнь станет вертепом с марионетками, – мельком подумал он. – Страшный сон, – встряхнул он головой, – смерть будет понарошку, любовь будет приснившейся, подлость окажется наваждением забывшегося мозга, не будет искренних чувств, высоких побуждений и низменных страстей. Ничего такого в жизни не будет! Будет только сон, видение и морок...»

...Пройдя тропинку до конца, Рудольф развернулся и замер. Стройный силуэт Марлен показался в воротах лаборатории. Заметив его, она приветливо поманила рукой и стремительной походкой направилась в его сторону. Подойдя к нему, Марлен улыбнулась, но в уголках губ сыла какая-то отрешенность. На его немой вопрос она отвела глаза в сторону.

– У меня, Рудольф, сегодня выдался тяжелый день. Пойдем побродим по «философской тропе», – предложила она.

И они не спеша двинулись в наползающую на город ночную мглу по тем улочкам, где когда-то ступала нога великого философа. От многих современников ускользнула одна очень странная черта в его поведении: свои ежедневные утрен-

ние прогулки Кант всегда совершал по одному и тому же маршруту, разнообразя свое движение на так называемой «фило-софской тропе» тем, что шел то по левой стороне дороги, то по правой, то посередине, то волнообразно. Именно так они и бродили в этот тихий зимний вечер по старым узким городским улочкам, пока вновь не оказались на Кнайпхофе.

У могилы Канта Марлен остановилась.

– Я знаю, Рудольф, ты иногда бываешь здесь.

– Это тихое место наводит на размышления, – усмехнувшись, взглянул он на нее. – Что можно понять, измерив череп деревянной линейкой? Странная судьба у этого великого человека, которого даже после смерти не оставляют в покое. Говорят, что философ был точен во всем, и даже в определении собственной смерти.

– Рудольф, ты не совсем прав, – тронула его за руку Марлен, – к расчету своей смерти Кант не имел никакого отношения, дата смерти ему была сообщена в 13 лет, когда у мальчика умерла мать. С четырнадцатого века маги Кнайпхофа делают такие расчеты, используя сложный солнечный рунический календарь. Сфера предсказаний и пророчеств, – улыбнулась она, – была, как это ни странно, не под силу философу.

Очередной раз Марлен и Рудольф остановились почти в центре острова. Рассчитать центр было несложно. Кнайпхоф имел четыре угла, если провести из них диагонали, получалась занятная фигура, состоявшая из стольких же треугольников. Поднявшаяся луна отбрасывала на снег длинные неподвижные тени мужчины и женщины. Рудольф держал Марлен за руку. Он никогда не испытывал такого светлого чувства, которое родилось в нем к этой женщине здесь, на чужой земле среди врагов. Сейчас он видел ее потемневшие глаза, вглядывающиеся в него

вдумчиво и серьезно, и ощущал теплую истому ее руки.

– Я люблю тебя, Марлен, – произнес он вечные слова тоном, которым говорят мужчины единственной женщине на целую жизнь.

– В этом месте, – помолчав, с неподдельной грустью улыбнулась она, – самому заядлому лжецу не удастся обмануть девушек пустыми признаниями. Здесь маги Кнайпхофа могли вычислить самый удачный день для свадьбы и предупредить молодых о том, что могло бы угрожать их счастью.

Обняв, он нежно притянул ее к себе.

– Что же может помешать нашему счастью? – с волнующей теплотой в голосе спросил он.

В этот момент она отстранилась, и луна осветила побледневшее лицо – в ее глазах он увидел страдание.

– У нас нет будущего, Рудольф, – одними губами прошептала женщина, – я знаю, кто ты.

Марлен осторожно освободилась из его объятий и медленно двинулась вперед. Рудольф догнал ее, взял под руку. Какое-то время они шли молча.

– Сегодня из гестапо привезли мужчину – это был русский разведчик, – нарушив тишину, тихо произнесла Марлен, – он был в плохом состоянии, и меня попросили с ним поработать. Когда в гестапо так молчат, – уж ты мне поверь, – значит, что-то знают.

– Помню, Фридрих сказал, что ты у нас крупный специалист, – помолчав, усмехнулся Рудольф и поинтересовался: – Тебе это доставляет удовольствие?

– Глупости, – Марлен обиженно мотнула головой, – считаешь меня уж не знаю кем, никакая я не садистка.

– Извини, – смущенно произнес он и легко рассмеялся, – представил тебя с клещами и всякими там острыми железяками.

– Рассуждения дилетанта, – подобие улыбки озарило ее лицо. – Клещи – это средневековье, а тогда не умели придавать процессу получения информации ни научной основы, ни утонченности. Есть целая наука об этом... – она нахмурилась и тихо обронила: – Я сделала так, что они о тебе никогда не узнают.

Рудольф понял и оценил ее чувства к себе.

– Ты очень рисковала из-за меня, Марлен, – со строгой твердостью произнес он.

Они остановились. Тени их слились... Выпустив Марлен из объятий, он некоторое время молча глядел на нее.

– Что бы ни произошло с нами в дальнейшем, я всегда буду помнить о тебе, Марлен.

Они медленно двинулись вдоль Прегеля. Через некоторое время Рудольф тихо спросил:

– Что с тем мужчиной?

– Они его увезли, – произнесла Марлен.

Глава 11

Верный своему союзническому долгу по отношению к западным державам и учитывая настоятельную просьбу Черчилля, Советский Союз ускорил подготовку новой крупной операции и пересмотрел сроки ее начала.

Борьба за Восточную Пруссию началась 13 января 1945 года наступлением 3-го Белорусского фронта под командованием генерала Черняховского.

Пелена тумана и мокрого снега ограничила видимость и затруднила работу авиации, поэтому вся ответственность за обеспечение наступления легла на артиллерию. Несмотря на двухчасовую артиллерийскую подготовку, значительная часть огневых средств противника уцелела, и наступающие батальоны первого эшелона были встречены плотным орудийно-пулеметным огнем. Сокрушая упорное сопротивление гитлеровцев, войска фронта медленно, но настойчиво продвигались вперед. За две недели кровопролитных боев, в ночь на 27 января, передовые части Красной Армии достигли внутреннего оборонительного обвода крепости Кёнигсберг.

Пытаясь нанести контрудар и зайти в тыл наступающим советским войскам, 3-я танковая армия под командованием

генерала Рауса увязла в снегу. Снежная метель, поднявшаяся накануне, превратилась в настоящий буран. Снег валил, не переставая, заносил дороги и проселки, делая их с каждым часом все непроходимее. Метель сковывала действия немцев. В глубоком снегу буксовали машины, не помогали даже цепи, натянутые на колеса. В сугробах застревали «тигры», «пантеры» и самоходные установки.

Советской кавалерией, имевшей в условиях бездорожья огромное преимущество перед пехотой, контратакующий противник был разбит, и более двадцати тысяч солдат попало в плен.

Переоценивая оборонительную мощь крепости Кёнигсберг, советское командование перенесло направление главного удара на Земландский полуостров, чтобы, полностью овладев им, перерезать идущие из Кёнигсберга на запад сухопутные коммуникации и захватить Пиллау, через который осуществлялось снабжение группы армий «Север» морским путем. 31 января Кёнигсберг был окружен со всех сторон. Однако русские не предприняли никаких мер для быстрого овладения городом. Поэтому штаб 4-й немецкой армии под командованием генерала Мюллера, принявший на себя

после отвода 3-й танковой армии в начале февраля все управление соединениями в Восточной Пруссии, получил приказ прорвать блокаду и отодвинуть линию фронта на северо-восток, чтобы на длительное время обеспечить снабжение Кёнигсберга.

19 февраля немецкие войска, находившиеся в осажденном Кёнигсберге, при поддержке наиболее боеспособной 5-й танковой дивизии СС, начали прорыв. За два дня непрерывных боев они встретились на шоссе Кёнигсберг – Пиллау с войсками, наступавшими с запада. Несмотря на последующие ожесточенные бои, попытка отбросить советские войска до линии Кёнигсберг – Кранц из-за превосходства русских успехов не имела. Все же связь с крепостью немцам удалось сохранить до первых дней апреля.

Для Кёнигсберга наступило некоторое облегчение, вдохнувшее в осажденных новые надежды.

Ночь выдалась беспокойной. Камин остыл. В комнате было прохладно. Безжизненный свет луны, проникая сквозь неплотно закрытую штору, слабо освещал комнату.

Лицо Марлен, попавшее в полосу лунного света, было бледным. Женщина спала тревожно – ворочалась, всхлипывала. Жалея ее, Рудольф понимал, что Марлен и во сне одолевают те же тяжелые мысли, что и его. В думах об их будущем, черты которого были ему не ясны, он почти всю ночь провел без сна.

«Наступает время нового поворота и новых опасностей, которые ждут нас», – думал он. «Опасности эти велики, они охватывают со всех сторон, грозя за малейшую оплошность низвергнуть в Великую пустоту. Но придет время – тучи рассеются, опасности минуют, и вновь

появится солнце», – таковы были предсказания судьбы, основанные на твердых, незыблемых природных указаниях, преподанных ему стариком Шуром.

В конце марта ясновидящего, напомнив о его неудачном предсказании, казнили в гестапо. Шур знал о своем конце. За день до этого старика посетил плотного телосложения мужчина с бритой головой, по внешнему виду напоминавший мясника, который молча показал прорицателю большой стальной гвоздь. После его ухода Шур позвал к себе Рудольфа и, сняв с себя рунический медальон, с которым никогда не расставался, глянув куда-то мимо, протянул его Рудольфу, печально произнес: «Он теперь твой. Ко мне приходил Людвиг...»

Вся деятельность лаборатории содержалась в глубокой тайне. По секретным инструкциям, люди, обладавшие информацией особой важности, и после смерти попадали под особый контроль. Для этого использовался стальной гвоздь Людвиг, который готовился заранее и показывался еще живому человеку. Это был большой гвоздь со шляпкой, который вбивали в лоб покойного.

Известие о смерти Ганса Шура навело Грюнберга на мысль об иллюзорности земной славы. В одной из старых книг было написано, что слава и смерть – сестры. Но из этих двух сестер, в отношении к человеку, слава казалась ему более привередливой, своевольной и несправедливой. Ведь даже тогда, когда, сопровождая его на долгом жизненном пути, она и прикоснется к нему своим легким крылом, нельзя расслабляться ни на миг. Сыскав славу, положиться на нее невозможно – она испытывает человека и всегда находит завистников, желающих его погубить.

Вечером, когда он показал медальон Шура Марлен, она задумалась и, чуть помедлив, молча сняла с себя небольшой

изящный медальон с изображением чудной женской головки.

– Пусть и этот медальон хранится у тебя, – поймав его вопрошающий взгляд, попросила она. – Я тебе когда-нибудь все расскажу.

После этого Марлен какое-то время была молчаливой и задумчивой.

Позднее Рудольф узнал, что на серебряном медальоне изображена богиня Рома – покровительница Рима. Предание о ней гласило, что это была мужественная и жестокая женщина, наравне с мужчиной искусно владевшая мечом, не расстававшаяся с боевым шлемом легионера и во всех сражениях шедшая впереди.

Из рассказа Марлен следовало, что до войны в Кёнигсберге было несколько известных в Европе астрологических школ.

В черный день – 9 июня 1941 года, ровно за 13 дней до начала вторжения в СССР, – в Кёнигсберге не стало ни одного астролога. Большая часть их была арестована и расстреляна, а газеты и журналы

получили указание не печатать астрологических прогнозов.

Причиной уничтожения астрологов Кёнигсберга послужили мистические расчеты лаборатории, сыгравшие в этой акции ключевую роль.

Акция получила кодовое название «Рома», и ее поручили провести женщинам, прекрасно понимая, что именно слабый пол является самой благодатной аудиторией для астрологических внушений и для того, чтобы подчеркнуть, что есть женщины, принадлежащие к высшей расе, не забивающие себе голову всякими предсказаниями. По завершении акции в награду им выдали небольшие изящные медальоны с изображением чудной головки богини – женщины, наводившей ужас на легионы врагов.

– Я не была непосредственной участницей акции, – рассказывала Марлен. – В то время я стажировалась при лаборатории, и моя задача заключалась в ведении документации. Мы, немцы, – педантичная

нация... После смерти Шура этот медальон напоминает мне о моем моральном участии в убийствах невинных людей.

«Жестокое время всегда ищет опоры в древности, – подумал тогда Рудольф, – и, как правило, находит. С приходом к власти нетерпимых людей многое исчезает из жизни. Становится она от этого хуже или лучше – каждый решает для себя сам».

С самого начала своей деятельности в лаборатории «Кёнигсберг-13» внимание Рудольфа привлек к себе Отто Фриш, работавший инженером в техническом отделе. Своей внешностью инженер напоминал жюльверновского профессора того времени, когда наука, не превратившаяся еще в пугало для слабонервного человека двадцатого века, оставалась в глазах многих обывателей безобидной забавой или панацеей от всех бед.

С седой шевелюрой, подчеркнута мягкий и вежливый, господин Фриш, думал Грюнберг, был парадоксом Рейха. До того как попасть в лабораторию, инженер, знаток египтологии, некоторое время находился в войсках Роммеля, в составе специальной группы, занимавшейся в Африке поисками Святого Грааля. Жил инженер с семьей в одном из особняков, где размещались архив и библиотека лаборатории. Когда Рудольф впервые увидел Фриша, он подумал, что этот человек не может быть убийцей – у него было честное, благородное лицо и добрые глаза. Они незаметно сблизились, и как-то инженер пригласил его к себе. Стены комнаты, куда Фриш привел его в нарушение инструкции, были исписаны иероглифами, сопровождавшимися таинственными знаками.

– И вы во всем этом разбираетесь? – кивнул в сторону надписей Рудольф.

– Это тайна Тота, – мельком взглянув на надписи, ответил инженер.

– И что там этот Тот написал? – усмехнулся Рудольф.

– «Я могу послать тебе, если захочу этого, смерть через нос, рот, глаза и уши, ибо я повелитель воздуха, света и звука», – с пафосом процитировал Фриш.

– Однако пренеприятный субъект этот ваш Тот, – заметил полушутя, полусерьезно Рудольф.

– Тот был основателем магии, – пояснил Фриш. – Эти иероглифы я срисовал со стены внутри пирамиды в Сукузу – усыпальницы царей пятой и шестой династии. Это самые старые письмена и формулы, которые известны на земле, из открывающих путь к тайнам древней науки. Вы, наверно, Рудольф, знаете, что египетским жрецам было известно электричество. Я бы прибавил, что эти жрецы знали самые сокровенные силы природы, которые мы только начинаем познавать, и это позволяло им проделывать массу необъяснимых вещей. Едва стал известен текст надписи, я многое начал понимать. Кое-что из расшифрованного мною нашло практическое применение. Помните, Рудольф, поговорку, – улыбнулся он, – «Свечу не задует, но в гроб уложит»? Это о сквозняке, – пояснил он. – Гостевой стульчик, на котором вы так удобно сидите, может быть идеальным орудием убийства, посади я вас к открытому окну.

В спинке стула Рудольф рассмотрел маленькие дырочки, словно проделанные древесными жучками, двигавшимися по сложному узору.

– Трех минут довольно, – пояснил Фриш, – чтобы ваши легкие стали черными.

Сколько потом Рудольф ни пытался разговорить Фриша, больше информации от загадочно улыбавшегося инженера получить ему не удалось.

Сейчас, лежа рядом с Марлен и думая о ней, о Фрише, Рудольф понимал, как

глубоко изменил фашизм человеческое в немцах.

«Нет вернее способа подчинить человека, – вспомнил Рудольф высказывание группенфюрера Штумпфа, – чем переломить его логику, как сухую палку, и дать взамен новую. Он вцепится в нее, словно слепой в посох. В сущности, –

подводил черту группенфюрер, – так и действовали Будда, Христос, Мухаммед и наш фюрер».

«Но новая логика, навязанная своим соотечественником Гитлером, – думал Рудольф, – была изначально нечеловечески ужасна своим воздействием на людские души».

Глава 12

Конец марта и начало апреля в Кёнигсберге выдались теплыми. Снег стаял, а ветра, налетевшие с залива, обсушили серую брусчатку мостовых. Пение птиц перемешивалось с приглушенными звуками канонады, доносившейся со стороны Земландского полуострова, где под ударами советских войск таяли остатки 4-й немецкой армии. Сжималась немецкая оборона у полуострова Бальга, где шли нерекрашающиеся бои.

Окруженный со всех сторон, Кёнигсберг впал в обреченное, мучительное ожидание. Радио захлебывалось призывами из Берлина сражаться до последнего защитника крепости. Предпринятая в западной части города попытка локального прорыва, на которой настаивали, прежде всего, местные руководители фашистской партии, стремившиеся спасти свою жизнь, провалилась.

Ввиду серьезности обстановки, складывавшейся в городе, в лаборатории на острове начались планомерные работы по временному свертыванию ее деятельности. В разных местах городских подземелий проводились закладки тайников, в которых размещались наиболее ценные материалы и разработки.

Утром оберштурмфюрера Грюнберга вызвал к себе в кабинет группенфюрер Штумпф. В кабинете Штумпфа царил хаос: шкафы и сейфы были раскрыты, на большом столе груды высились подготовленные к упаковке в ящики папки с документами.

Войдя в кабинет, Рудольф встретил совершенно незнакомого Штумпфа. Последние бессонные ночи, проведенные группенфюрером в лаборатории, наложили отпечаток на его внешность. Перед Грюнбергом предстал худой, жилистый, моложавый немец с надменным выражением усталого лица. Рудольф долго пытался понять, кого напоминает ему группенфюрер Штумпф в новом его обличье, пока, наконец, не вспомнил картину Репина «Не ждали». В лице группенфюрера, как и в лице возвратившегося из ссылки каторжанина, был стыл немой вопрос ожидания.

– Что делать, оберштурмфюрер? Худею, – не оставил без внимания недоумение Рудольфа Штумпф, – так сказать, меняюсь вместе с Рейхом.

– С Рейхом? – удивился Грюнберг.

– С Рейхом, – подтвердил группенфюрер, – жилистые да костистые легче переносят голод и невзгоды. Полнота, оберштурмфюрер, ассоциируется в сознании народа с удовлетворением плотских страстей. К толстякам относятся снисходительно во времена относительного благополучия, но их начинают ненавидеть во времена лишений и политической нестабильности.

Пройдясь по кабинету и немного помолчав, он глухо произнес:

– Дерьмовое это дело – проигрывать войну, – и брезгливо поморщился. – На фронте – там хоть героизм проявить можно. А так, – взглянул он на Рудольфа, – что остается де-

лать нам, скромным служителям Рейха, в складывающейся ситуации? Только читать древние рукописи и скорбеть.

В лице Штумпфа что-то дрогнуло.

– Для меня сейчас лучшее – уйти в отставку, – окрепшим голосом, в котором чувствовалась выношенность решения, произнес он, потерев пальцами виски. – Мне не обязательно оставаться в Германии. Я хочу приобрести остров где-нибудь в Полинезии, подальше от цивилизации. Я бы позаботился, чтобы ненужные люди меня не беспокоили, открыл бы на острове школу предсказателей и спокойно провел там остаток своей жизни... Как там у Гете? – после паузы произнес он. – «Находят счастье, где покой и воля».

Глядя на Штумпфа, Рудольф пытался понять его внутреннее состояние. Грюнберг интуитивно почувствовал в этой рискованной открытости группенфюрера таящуюся опасность.

– И как вы думаете это осуществить в сложившейся ситуации? – открыто взглянул он на Штумпфа.

– Я знаю, о чем вы подумали, Рудольф, – сверкнул глазами группенфюрер.

Слова «я знаю, о чем вы подумали», таили в себе опасность, и Грюнберг решил разрядить напряженную обстановку.

– Я готов составить вам на острове компанию, – улыбнулся он, – хоть сейчас, прямо из кабинета.

Штумпф не прореагировал на эту фразу и серьезно продолжил:

– Я не могу оставить Рейх, оберштурмфюрер, – тихо произнес он, – пока не исчерпаю всех своих и чужих возможностей, – бросил Штумпф быстрый взгляд на Грюнберга, – я не могу, как гауляйтер Кох, сойти с дистанции. Мной уже отданы необходимые приказы отделам на случай захвата города русскими.

– Город еще надо взять, – возразил Рудольф. – Но, прежде чем вы поставите мне задачу, так сказать, исчерпаете мои

возможности, я бы хотел знать, хотя бы в общих чертах, конечную цель.

– Я, Рудольф, не могу вам приказывать, но, в случае положительного решения моего вопроса, я научу вас видеть сквозь стены, – взглянул на него Штумпф, – гипнотизировать с помощью стеклянного шарика булавки, приколотой к галстуку, предсказывать ближайшее будущее по положению луны относительно креста любой кирхи, определять верность женщины по левой стороне листа фикуса, научу гадать по глазу рыси.

– И разбираться в формулах Тота? – улыбнувшись, спросил Грюнберг.

– Обещаю, оберштурмфюрер, – проникновенно, искренне, как и положено при обмане, произнес группенфюрер, – я знаю, вас беспокоят формулы Тота. Я расскажу про них, хотя не думаю, что вам это, оберштурмфюрер, доставит удовольствие. Итак, перейдем к вашему заданию. Вы, Рудольф, понимаете, для чего я вас вызвал?

– Я думаю, вам необходим анализ пророчеств Шура, – попробовал угадать Рудольф.

– Мне не нужен предсмертный бред этого старика, оберштурмфюрер, или, как вас там... Грюнберг? – тихий, напряженный голос группенфюрера прозвучал для Рудольфа, словно громовой голос шарфюрера на плацу. – Ваша задача заключается не в том, чтобы сообщить мне, кто победит или кто проиграет, – это мне и без вас известно, – а в том, чтобы предоставить мне все возможные и невозможные варианты окончательного исхода. Я думаю, – открыл карты группенфюрер, – ваши шведские или английские друзья могут в этом оказать необходимые услуги. Я ясно излагаю свои мысли, оберштурмфюрер?

Грюнберг внутренне расслабился. Он понял, что заблуждение Штумпфа по поводу его принадлежности к шведской

или английской разведке может сыграть положительную роль в его дальнейших действиях.

– Вы хотите не прогадать, группенфюрер? – поинтересовался Грюнберг.

– Я думаю, вы правильно начинаете оценивать обстановку, Рудольф, и, надеюсь, вы мне поможете.

– А если нет? – взглянул на Штумпфа Грюнберг.

– До сих пор речь у нас шла о прянике, – поглядел в окно группенфюрер, – мне бы не хотелось говорить о кнуте, оберштурмфюрер. Единственное, что могу сказать, – это не смерть, это гораздо хуже.

– Формула Тота? – поинтересовался Грюнберг.

– Нет, – улыбнулся Штумпф, нажимая скрытую кнопку звонка.

Через некоторое время дверь кабинета открылась, и вошла Марлен.

– Вы что-то хотели, группенфюрер?

– Нет, девочка, – многозначительно взглянул на Грюнберга Штумпф, – просто проверка связи. Вы свободны.

Судьба вновь испытывала Рудольфа. Он почувствовал, что Штумпф на этом этапе игры находится на несколько ходов впереди, и ему, во что бы то ни стало, необходимо было уравнять шансы.

– Я согласен, – помолчав, ответил Рудольф, – но не все зависит от меня. Потребуется какое-то время на подготовку.

– С умным человеком и поговорить приятно, – рассмеялся Штумпф. – Я не ставлю жестких сроков, оберштурмфюрер, но сами понимаете, затягивать нет смысла, – серьезно закончил Штумпф.

– Вы правы, группенфюрер, – кивнул головой Рудольф, – времени у нас мало, но мой радист погиб, и мне нужна ваша помощь в налаживании связи.

Рудольф в своих действиях решил использовать запасной вариант своего отхода через море, разработанный в начале подготовки операции. В тексте зашифро-

ванной радиogramмы, которую он отправил в центр, разведчик сообщал, что его командировка подходит к концу, и просил встретить его в заданном квадрате Балтийского побережья с «ценным грузом».

В ответе центра говорилось, что в ночь с седьмого на восьмое апреля в указанном месте его с «грузом» будет ждать лодка.

Вечером, накануне своего ухода, Грюнберг встретился с Марлен в бомбоубежище лаборатории. Встреча была недолгой. Земля дрожала, и в бомбоубежище были слышны разрывы снарядов и бомб, падающих на город. Обнявшись, они стояли молча, пытаясь быть одним целым еще какое-то время.

– Я люблю тебя, Марлен, – наконец произнес Рудольф, – и не хочу тобой рисковать. Мы должны уйти сегодня ночью.

– Сколько? – всего лишь спросила она.

– В нашем распоряжении час-два, не больше, – ответил Рудольф.

– Ты еще вернешься, – твердо сказала она и перебила, когда он попытался что-то произнести, – с тобой будет все в порядке, можешь поверить мне, я разбираюсь в таких вещах. У нас еще будет будущее – я это чувствую.

– У нас мало времени, Марлен, – целуя ее, произнес он.

Слезы душили женщину и, взглянув на него, она понимающе кивнула головой...

После того как остатки немецкой армии были оттеснены на полуостров Бальга, советские войска начали решительный штурм Кёнигсберга. После продолжавшегося несколько суток обстрела города и ввода в бой многократно превосходящих сил, поддержанных мощнейшим артиллерийским огнем и ударами многочисленных авиационных соединений, когда в воздухе находилось одновременно до тысячи самолетов, войска прорвали немецкую оборону вокруг Кёнигсберга и приблизились к центру. В ночь с 7 на 8 апреля завязались кровопролитные бои

на улицах уже горевшего во многих местах города. Просьбу коменданта города о том, чтобы разрешить гарнизону прорываться из города на запад, Гитлер отклонил. Вскоре, расчлененный на отдельные изолированные группы, гарнизон лишился централизованного управления.

Большая часть пути Грюнберга и Штумпфа пролегла под землей. Свет их фонарей, выхватывая из темноты средневековую кладку ходов и разветвлений, терялся в глубине. В некоторых местах им приходилось идти по колено в воде.

Из холодных и сырых подземелий Рудольф со Штумпфом выбрались на окраине города. Грохот боя продвигался к центру. Поправив тяжелый солдатский вещмешок, Штумпф, лучше ориентирующийся на местности, указал направление, и они, прикрытые темнотой, короткими перебежками, обходя стороной опасные участки, двинулись в сторону побе-

режья. Незадолго до рассвета Рудольф и Штумпф оказались в нужном квадрате. Со стороны моря они увидели условный сигнал, и вскоре к берегу причалила надувная лодка. Подобрал людей, она быстро развернулась.

Через полчаса лодка подошла к субмарине. Крепкие руки матросов помогли подняться Грюнбергу и его спутнику на ее борт. Сняв вещмешок, Штумпф, разминая затекшие плечи, огляделся вокруг.

– Проходите, сэр, – по-английски предложил встречающий вахтенный офицер, жестом указав на рубку корабля.

Когда до рубки оставалось пройти несколько метров, Штумпф разглядел на ней знак советской гвардии. От неожиданности он замер. Это длилось несколько секунд. Взмах руки – и его вещмешок исчез в морских волнах. Подбежавшие люди схватили его, но, извернувшись, он прихватил зубами край воротника, где была вшита ампула с ядом, и через мгновение обмяк в их руках.

Глава 13

В ночь с 9 на 10 апреля комендант крепости генерал Ляш решил положить конец этому аду и начал переговоры о капитуляции, которую подписал в своем бункере №13. Узнав о капитуляции Кёнигсбергского гарнизона, Гитлер заочно приговорил Ляша к смертной казни, а его семью подверг репрессиям. Гауляйтер Восточной Пруссии, Эрих Кох, тайно покинувший город еще в середине января и посещавший его время от времени на самолете-разведчике, обеспечивая себе алиби, обещал Гитлеру выстоять на Земландском полуострове и на косе Нерунг. В конце апреля гауляйтер бежал в Данию на ледоколе, приготовленном заранее для этой цели.

Летом 1945 года, когда поверженный Кёнигсберг уже остыл от военных пожаров, в него стали тайно проникать загадочные люди, которые селились в развалинах. Когда их расспрашивали, кто они и откуда, то большинство из них не могло вспомнить ни прежнего места жительства, ни своего имени и фамилии. Те, кто занимался фильтрацией немецкого населения, не обращали на них внимания, ведь после страшного штурма многие лишились рассудка и потеряли память. Чаще всего этих людей встречали в центре города, на Кнайпхофе и у Королевского замка. Казалось, они бесцельно бродили по развалинам, искали съестное и никому не причиняли вреда. И только посвященные могли знать, что эти люди вовсе не сумасшед-

шие или контуженные, какими их считали, а на самом деле кенигсбергские тайные команды, осуществлявшие похоронные ритуалы поверженного города, его таинственных мест, точек энергетической силы и тайных колдовских знаний «Кёнигсберга-13».

Они работали в этом городе после его падения, неистово уничтожая знаковую систему на отдельных домах, сбивая ритуальные пластины и тайные карты с инженерных коммуникаций города, оставшихся в сохранности. Проникая в подвалы, эти люди выламывали рунические знаки с кованых дверей. Главная их задача состояла в том, чтобы максимально уничтожить всю визуальную тайную знаковую информацию в исторической части города с той целью, чтобы тайные знания о Кёнигсберге не попали в руки русских. Иными словами, они уничтожали своеобразный алфавит, без знания которого невозможно было прочесть эту книгу – «Кёнигсберг-13».

Узнали обо всем этом после того, как в одном из подвалов русскими солдатами был задержан мужчина со следами старых ожогов на лице, с абсолютно отсутствующим взглядом. Одет он был неплохо и уж никак не оставлял впечатления бродяги, побирающегося в поисках съестного. Обыскивая его, увидели на груди странную татуировку из древних тибетских знаков и рунических символов. Этот человек впоследствии стал своеобразным начальным звеном расшифровки той информации, которую нес в себе «Кёнигсберг-13».

Совершенно случайно в продолжении этой истории всплыл инженер Фриш.

Осенью 1945 года в центре города, на Монетной площади, пожилой немец, держа в руках небольшую кожаную папку, обменивал часы на продукты. Так делали очень многие немцы: часы были ходовым товаром. Но этот продавец, похоже, ни-

когда не занимался таким делом. Часы у него купил молодой русский офицер, и продавец, волнуясь, стал уговаривать его взять папку и просил непременно показать ее своему начальству.

Когда офицер пришел в свою воинскую часть и раскрыл папку, он увидел, что в ней собраны подробные документы и схемы инженерных сооружений Кнайпхофа. Он также обнаружил на титульном листе адрес владельца и маленькую приписку с намерением о встрече по указанному адресу.

Молодой офицер неплохо владел немецким языком, и случившееся его заинтриговало. Просматривая документы, он обратил внимание на то, что многие из них были помечены грифом «Кёнигсберг-13» и имели достаточно сложную знаковую систему.

Настало время встречи. В старинном немецком особняке на первом этаже горел свет. Офицер прошел в дом, поднялся на второй этаж, где его ожидал человек, передавший папку с документами. Хозяин дома сказал, чтобы его называли «инженер», и не уточнил ни своего имени, ни фамилии.

Он показал гостю фотографию своей семьи, пропавшей во время штурма города, и попросил его посодействовать в ее поиске. Взамен он обещал раскрыть некоторые секреты лаборатории.

Хозяин и гость расстались. Позднее выяснилось, что этот особняк «инженера», быть может, был самым интересным зданием в лаборатории с уникальной библиотекой и собранием древних вещей. Самого хозяина дома убили на следующий день после визита русского офицера. Он был найден с перерезанным горлом в одном из подвалов особняка.

Позднее вокруг этого особняка закипели поистине великие страсти. Предлагалось даже провести буровые работы до глубины в 100 метров в саду этого зда-

ния. Офицер, который вступил в контакт с «инженером», был вынужден сменить фамилию и впоследствии принять участие в нетрадиционных экспериментах по обнаружению секретных документов «Кёнигсберга-13».

Некоторые сотрудники лаборатории после войны, перебравшись в США, нашли новых хозяев.

Несложно представить, как они при помощи электронных средств массовой информации, проникая в каждую квартиру, могли влиять на состояние умов населения целых стран, выбирать за него и для него политических лидеров. Но и здесь было найдено «противоядие», вызывающее обратное действие. Так, в некоторых странах была замечена ничем, казалось бы, не объяснимая гибель ведущих тележурналистов и людей, организовывавших психотропные кампании. Следов убийц никто найти не мог.

По всей видимости, тайны лаборатории «Кёнигсберг-13» продолжают существовать.

Тихомиров-старший прожил на даче до глубокой осени. В погожие дни бродя по тропинкам сбросившего листву просветленного сада, он не раз мысленно возвращался к статье, прочитанной в газете, пытаясь ответить на вопрос: хорошо это или

плохо, что память о «Кёнигсберге-13» вернулась?

Он не был уверен, что ответ есть, и не был уверен, что его необходимо знать, потому что полученный ответ неминуемо ставил бы перед ним новый, горький вопрос: а нужно ли было ему уходить в ту памятную ночь?

Этот вопрос мучил Тихомирова до сих пор...

В одну из своих прогулок он, попав под дождь, промок, и, приболевшего, сын забрал его к себе. Болеть было скучно, и Константин поставил перед его диваном большой телевизор, подключенный к спутниковой антенне. Показав отцу, как управляться с пультом, сын шутливо заметил: «Теперь работай, батя».

Пощелкав пультом, Тихомиров, глядя на экран, подумал: «Хороша техника, в войну бы такую».

Переключив пару каналов, он сделал свой выбор на программе, где показывали международный симпозиум организации «Врачи без границ». Он рассеянно слушал о проблемах разных регионов планеты, пока его внимание не привлекла молодая женщина-врач, поднимавшаяся на трибуну. Оператор показал ее крупным планом, и Тихомиров, не расслышавший фамилии, впился в экран глазами. Было в этой далекой молодой женщине, в жесте ее руки, улыбке и глазах, приближенных камерой, что-то знакомое и родное...

14 февраля – 28 марта 2005 года

ПЕТР ЖУКОВ

ВОТ И ВСЯ МОЯ РОДНЯ

На дальнем Западе России,
Который близок мне и мил,
Есть городок под небом синим –
Он Черняховском назван был.

Здесь мой причал, моя обитель,
И здесь мне жить до гроба дней.
Но на меня родня в обиде
За то, что редко вижусь с ней.

На городском стою погосте,
В руках моих букетик роз –
Сюда к жене пришел я в гости,
И не сдержать мне горьких слез.

Печаль в душе не утихает,
И подступивший к горлу ком
В который раз напоминает
Уже о кладбище другом.

Давно в земле Калининградской,
Что стала для меня святой,
Родной отец в могиле братской
Лежит под мраморной плитой.

На поле брани всенародном,
Тогда еще в чужом краю,
Он был сражен в сорок четвертом
Под Шталлупёненем в бою...

Все так сложилось в этом мире:
Кто взят болезнью, кто войной, –
В земле сырой свои «квартиры»
Им предоставил мир иной.

Быть может, в день поминовения
Могильных я коснусь оград,
Где спят на Брянщине в деревне
Родные – мать, сестра и брат.

Пора их праху поклониться.
Коль не сумею – Бог простит...
Мне б рядом с ними поселиться,
Но Запад держит, как магнит,

Как жизни памятная вежа,
Что сердцем чувствую, скорбя.
И два мне близких человека
Отпустят вряд ли от себя.

Да будет всем земля им пухом,
Навеки ставшая родной!
С косою костлявая старуха
Теперь охотится за мной.

Она бредет, как тень, по следу,
Но стоит ли ее корить?..
Я завтра в Нестеров уеду –
Хочу с отцом поговорить.

КАТИЛОСЬ ГОРЕ ПО СТРАНЕ

Спешили к фронту поезда.
И было отроду тогда
Братишке три и пятый – мне.
Война катилась по стране...
Отец был в сорок первом призван,
Чтоб растоптать змею фашизма,
Ей жало вырвать навсегда.
И он бы вырвал – но, когда
Над нею штык поднял прицельно, –

Змея ужалила смертельно...
На миг какой-то упредила.
В сорок четвертом это было.
Как сообщалось в похоронке,
Он от родной вдали сторонки,
Присяге верный, пал в апреле.
С братишкой мы осиротели.
Ему шестой и восемь – мне.
Катилось горе по стране...

МНЕ СЕГОДНЯ СООБЩИЛИ...

Недавно я впервые побывал на могиле своего отца – гвардии младшего сержанта Жукова Николая Ульяновича, который погиб 28 октября 1944 года и похоронен в поселке Бабушкино Нестеровского района Калининградской области. Работники Черняховского горвоенкомата помогли мне разыскать это место.

Нет, не уснуть мне до рассвета,
Когда пришла такая весть:
В районе Нестеровском где-то
Поселок Бабушкино есть.

И там, исполнив долг солдатский,
Присяге верный до конца,
Лежит отец в могиле братской
С фашистской порцией свинца.

Он был сражен в сорок четвертом,
За счастье наше в битве пал.
Его среди живых и мертвых
Я много лет везде искал.

И вот сегодня сообщили,
Что он нашелся, наконец...
Брожу, взволнованный, в ночи я
И встречи жду с тобой, отец.

И не уснуть мне до рассвета
В такую трепетную тишь:
В поселке Бабушкино где-то
Ты под березками лежишь.

Они в почетном карауле
Стоят бессменно в честь тебя,
Корнями к холмику прильнули,
Над павшим воином скорбя...

Но есть на Брянщине береза –
Она глядит куда-то вдаль,
Роса на ветках будто слезы, –
Никак не выплачет печаль,

И журавли пролетом с юга
Трубят над нею каждый год...
То мать моя – твоя супруга
С войны тебя живого ждет.

...Давно уж куплены билеты,
И мы спешим на поезд сесть...
В районе Нестеровском где-то
Поселок Бабушкино есть.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Здесь воронки от бомб –
Незажившие раны –
Кровоточат еще
На колхозных полях.
И сегодня сюда
Собрались ветераны
Поклониться товарищам,
Павшим в боях.

Над могилой березы
Склоняются низко,
Чтоб листвой золотистой
Героев укрыть.

И как будто осыпан
Гранит обелиска
Орденами, что им
Не успели вручить.

Я спросил ветерана:
– Скажите, папаша,
Почему так березы
Багряны не в срок?
– Одна тысяча двести
Товарищей наших
Окропили их кровью
Своею, сынок.

Потому и сияют они,
Как рябины,
Что потери у нас
Были здесь велики... –
Так ответил седой
С орденами мужчина,
Показав мне на рощу
Протезом руки.

И как будто бы там,
На холме опаленном,
Я увидел гвардейские
Роты вдали:
Все деревья вздымались
Подобно знаменам –
Одна тысяча двести
В бессмертье шли.

ФРОНТОВИКАМ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Фронтовики меня просили:
– Скажи, поэт, о нас в стихах,
Как мы врагов свинцом косили,
Как пал поверженный рейхстаг.

Скажи, что мы готовы снова
Встать на переднем рубеже...
Ну где ж найти такое слово,
Чтобы пришлось вам по душе?

Ведь не был я войны участник,
Не довелось в огне бывать.
Я вам от сердца в этот праздник
Могу лишь только пожелать,

Чтоб ордена всегда носили
На боевой груди своей –
И пусть глядит на вас Россия
Глазами ваших сыновей.

А лучше бы ко Дню Победы
Навечно высечь на скале:
– Спасибо вам, отцы и деды,
За жизнь и счастье на Земле!

АЛЕКСАНДР ГАХОВ**Из цикла «ГРУСТЯТ И ПЛАЧУТ СИРЕНЕВОГО МАЯ ХОЛОДА...»**

* * *

Расцветают сады каждый год по весне,
Возвращаются вновь перелетные птицы,
Но, как вечная память о страшной войне,
Майской ночью вдали полыхают зарницы...

Разве думалось мальчикам страшной поры,
Что не всем повезет с той войны возвратиться,
Что без них навсегда опустеют дворы
И состарит печаль материнские лица?

Разве думалось мальчикам тем, что война,
На которую рвались, боясь, не успеют,
Назовет всему цену и даст имена?..
В лихолетье все мальчики быстро взрослеют.

Разве думалось мальчикам, рвущимся в бой,
То, что слава всегда в категории вечной
И огромной страны неизвестный герой
Соберет их в полки на дороженьке Млечной?

Расцветают сады каждый год по весне,
Дарят павшим мальчишкам большие букеты,
И слезинки дождя, что звенят в вышине, –
Словно вечная, горькая память об этом.

* * *

Вгрызалась рота в темноту,
Кострами землю согревая.
Спешила – завтра поутру
Проляжет здесь передовая.

На кон война поставит жизнь,
Разделит на живых и мертвых –
Судьбы своей не избежишь,
В щелях не спрячешься промерзлых.

А где-то там, в ночной глуши,
Затеплив светоч у иконы,
За их спасение души
Молились матери и жены.

Объединяя их в одно,
Роняя слезы звезд над полем,
Небес стальное полотно
Им не сулило легкой доли...

И, заплетая виражи,
В большом огне не видя брода,
В том отпевании души
Языческое было что-то.

Два раза брали высоту,
Два раза поднялась пехота,
Неся, как знамя на ветру,
«Ура» и матерное что-то.

Два раза брали высоту
У той сожженной деревушки,
И слышно было за версту,
Как тяжело вздыхали пушки.

А после боя, заглушив
И злость и боль в затылке бритом,
Солдаты – кто остался жив –
Справляли тризну по убитым.

Присев у скорого огня
И помянув из мятой кружки,
Шли под гармонь, забыв себя,
Вприсядку с озорной частушкой.

* * *

Наперекор неписаным законам,
Наперекор придумавшим вину, –
Солдатский треугольник за иконой
От без вести пропавшего в войну.

И, забирая строчками сухими,
Письмо протянет между нами нить,
И, прочитав его, узнаю имя,
Что оживет и будет вечно жить.

Но нет могилы – проявить заботу
Над канувшим во тьму среди огня, –
Лишь сердце вдруг защемит отчего-то,
Навеяв грусть печали на меня.

* * *

В чужой земле, отпетые ветрами,
В архивных списках числясь наградных,
Лежат они – о ком скупая память
В молчании минутном помнит их.

Лежат они – кто Прагу спас и Краков,
Кто пал за Будапешт, кто брал Берлин, –
На всей земле не хватит красных маков
И горечи краснеющих рябин.

Всей жизни человеческой не хватит,
Чтоб перечислить всех через года, –
Не потому ли так грустят и плачут
Сиреневого мая холода?

* * *

Там, где волны, сутулясь, выносят на берег янтарь,
Где на дюнах гудят на ветру корабельные сосны,
На краю у земли и Европы лежит этот край –
Тот, в котором живу и с которым судьбою я сросся.

Не святою водою, а кровью живой в сорок пятом
Окрестил эту землю мой дед, уподобясь мессии,
Всю войну под завязку прошедший в пехоте солдатом,
И отсюда бабулю нашла похоронка в России.

На судьбу не пеняю за крутость ее и за милость –
То, что было, то было, назад никого не вернешь, –
Но у братских могил, там, где юность их в бронзе застыла,
Ты ясней понимаешь, зачем в этом мире живешь.

Игорь ЕРОФЕЕВ

ПУШКИ БИЛИ ПО ГОРОДУ...

*Наши пушки по городу били
Из леса прямой наводкой,
Калеча дома чужие –
Кто их тогда жалел?
Город охал и выл от страха
Перекошенной болью глоткой,
И в огне становился меньше,
И на наших глазах старел...*

...Город ежился в черном теле –
Перебили хребты мостам, –
Самолеты искали цели
По церковным его крестам,
Раскаленная черепица
Градом сыпалась на солдат..
Ждет Победы Москва-столица –
Не дождался ее комбат.

Не дожждаться ее пехоте,
Что стремилась на Ильменхорст..
И кому ж умирать охота
Здесь, от дома за тыщу верст?
А солдаты, сводивши счеты,
Город сбрасывали с земли.
Наши две штурмовые роты
Больше сделали, чем могли.

Мы спасались за спины-стены,
Сбились улицы в очаги, –
Только городу все едино,
Для него все бойцы – враги.
И остался в бою он крайним
И сворачивался в клубок,
И саднил обожженным камнем
Старой ратуши рваный бок.

Брошен город в глубокой коме,
Весь покрытый пеплом Помпей, –
Потонув в артиллерии громе,
Оказался в плену Цефей.
Здесь остались убиты реки
С немецкой еще водой,
Здесь остались на поле «зэки»
Из штрафного с передовой.

Здесь убили сады и скверы,
Выжгли лики в святых местах,
Здесь осталась распятой вера
В обособленного Христа.
Здесь в дыму потерялись тени
От деревьев и фонарей,
Здесь остались в домах ступени,
Только нет в них уже дверей...

Только городом он остался –
Искореженным, но живым.
Как бы там он ни назывался –
Стал для тех и других своим.
А когда-то он был красивым
И крещенным не раз огнем.
Пусть родился он не в России,
Но она родилась в нем.

Только здесь ей, широкой, тесно:
Кирхи – вверх, а Россия – вширь, –
Ей всегда не хватает места,
Ей такое бы, как Сибирь..
Но вместилась в немецком теле,
Приспособившись под гранит.
Бог, живущий на самом деле,
Город наш до сих пор хранит.

* * *

И пристрелялись,
И вроде тихо.
Вкопались в землю..
Беда ли, лихо,

Фугас ли, мина –
Одна малина, –
А у комбата
Убило сына...

Идем в атаку
Под перекрестный.
Горела церковь,
Горели сосны.
Под черным небом –
Чужое знамя:
И разродились
Поля крестами,
Укрылись птицы
За облаками..
Мы жили насмерть:
Москва за нами,
И вся Россия –
За поворотом..
И снова «тигры»,
И гибнет рота,
Огнем прижата,
Лежит пехота:

Никак не выбить
Врага из дота.
Поднялись снова –
Шалеют пули, –
И в лоб на танки..
Не отвернули.
В дыму не видно –
Земля ли, небо?
Диск к автомату –
Дороже хлеба.
И обжигали
Стволами руки..
– Держись, ребята!
– Зажали, суки..
...Страну спасала
Пехоты рота.
Страну большую –
До поворота...

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ВОЙНЫ?

Что осталось от войны?
Беспокойные немые сны
старого фронтовика,
Поэта опаленная душой
неистребимая строка,
Выцветшая похоронка
среди фотографий деда,
Защищенная долгой памятью
великая Победа,
Выбитые на мертвом граните
далекие имена,
Выжившая волею всех
большая страна,
Окопы, стершиеся
о зазубрины городов,
Подписанный кровью Берлин
и выстоявший Гдов,
Танки, с постаментов
охраняющие скверы,
Мир, не мыслимый
без надежды и веры,
Раскрытые взрывами настезь
створки свода
И выпавший сверху насмерть
Сын Бога...

Любовь МАЗАЛОВА

МЕДАЛЬ ЗА МОЛОДОСТЬ

Посвящается отцу, П.Х.Кириллову

Забрали на войну тебя
 безусым пареньком,
 И ты пошел сражаться,
 покинув отчий дом.
 И долго-долго поезд
 тебя куда-то вез,
 И было жалко матери
 и горьких ее слез.
 В учебный полк направили –
 учили воевать.
 Ты дал присягу Родине –
 тебе она что мать.
 Просились вы, мальчишки:
 – На фронт бы поскорей!
 А командир все медлил –
 щадил чужих детей.
 Но наступил и твой черед –
 и ты, уже солдат,
 Со взрослыми в одном строю,
 и нет пути назад.
 В Румынию и Венгрию
 забросила война,
 И ты для лет своих, солдат,
 хлебнул тогда сполна.
 В тылу освоил пулемет,
 Отвага в бой вела,
 И пуля там тебя нашла,
 что острая стрела.

Но ты ее не замечал –
 ведь бой в разгаре был, –
 Стрелял по немцам сгоряча,
 о ране позабыв.
 И на глазах твоих в висок
 был ранен лучший друг.
 В порыве страстном победить
 захватывало дух.
 Ты друга подхватить успел
 и рану бинтовал,
 Хотя в твоей груди свинец
 дышать уж не давал.
 В твои шестнадцать полных лет
 ты ранен, но ты жив,
 И, слава Богу, в том бою
 успешным был прорыв.
 Отправили вас в госпиталь,
 чтоб раны подлатать,
 Чтоб снова соколы могли,
 шутил хирург, летать.
 Немного подлечился –
 и снова ты в строю,
 Отдав частичку жизни
 за Родину свою.
 Сражался ты отчаянно,
 не струсил в том бою,
 И я б дала тебе медаль
 за молодость твою!

Вячеслав БОБРИК

ВДОВЫ

Горя вдоволь,
 Нет мужей –
 И «мужают» вдовы,
 И становятся сильнее...
 Горе ли измерить –
 Хватит на века,
 Не бросают верить
 Поседевшие слегка...

Матери и жены,
 Бесконечно верные –
 Внутренне, со стоном,
 Самой крепкой верою!..
 Вдовы... Вдовы...
 Надо их понять! –
 Поучиться надо,
 Как любимых ждать!..

Женщины простые
 Рядом ли пройдут –
 Русские святы:
 Все с надеждой ждут!

Ирина МЯЛИЦИНА,
 ученица 7а класса средней школы №8

ШЕСТЬДЕСЯТ ПОБЕДЕ!

Шестьдесят Победе – эта дата
 Греет души наши и сердца.
 Тем, кто нам ее принес когда-то,
 Благодарны люди до конца:
 И солдату в огненной траншее,
 Генералу, давшему приказ,
 И девчонке в старенькой шинели,
 Что несла всех раненых в санчасть.
 Наравне со взрослыми ребята
 Положили жизни, не щадя,
 Чтобы были счастливы когда-то,
 Кто родился много лет спустя.
 Будем помнить тех, кто дал нам право
 Жить в России и любить ее.
 Будем чтить Победы нашей Славу
 И в веках преумножать ее!

Сноски

К статье Игоря Ерофеева «Взятие Инстербурга»
¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 20456, д. 43, лл. 294-295.
² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 798, лл. 53-54.
³ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 798, лл. 53-54.
⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 101, л. 18.
⁵ Архив МО СССР, ф. 2115, оп. 35752, д. 1, л. 24.
⁶ Архив МО СССР, ф. 814, оп. 3163, д. 3, л. 24.
⁷ Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2593, л. 752, л. 82.
⁸ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 757, л. 65.
⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 798, л. 66.
К статье Виктора Хабибуллина «Ратный подвиг гвардейцев»

¹ Масленников Иван Иванович (1900-1954), генерал армии (1944), Герой Советского Союза (1945). В Великую Отечественную войну командовал рядом армий, войсками Северо-Кавказского и 3-го При-

Источники

К статье Игоря Ерофеева «Взятие Инстербурга»
Записи бесед с участниками штурма Инстербурга
К статье Виктора Хабибуллина «Ратный подвиг гвардейцев»
Записи бесед с ветеранами 16-й гвардейской дивизии, материалы переписки с ветеранами, их родственниками, очевидцами событий.
К статье Игоря Ерофеева, Галины Каштановой-Ерофеевой «Город с генеральским званием»
Документы из архивного отдела администрации муниципального образования «Черняховский район».
Документы из фондов Музея боевой славы им. И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра г.Черняховска.
Документы из фондов музея историко-краеведческой информации

Основная литература

К статье Игоря Ерофеева «Взятие Инстербурга»
Альтман М.Л., Жмылев Н.А. Штурм Инстербурга // Коммунист, 1969, №126, 129, 132, 138, 141, 144, 147, 150, 153, 156; 1970, №7, 9, 13, 16, 19, 22.
Баграмян И.Х. Так шли к победе. — М.: Воениздат, 1988.
Бирковский В.Г. История нашего края. — Калининград, 1990.
Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941-1945. — Рига: Лиесма, 1969.
Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. — М., 1985.
Галицкий К.Н. В боях за Восточную Пруссию. — М.: Наука, 1970.
Дриго С.В. За подвигом — подвиг: О Героях Советского Союза — участниках Восточно-Прусской операции. — Калининград, 1984.
История Второй мировой войны 1939-1945. В 12-ти т. Т.10. — М.: Воениздат, 1979.
Калганова Э.М. Историческое значение разгрома и ликвидации восточно-прусского плацдарма фашистской агрессии // Становление и развитие Калининградской областной партийной организации и области. — Калининград, 1977.
Кояндер Е. По приказу «Рубина» // Коммунист, 1981, №61(4896), 23 мая.

Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941-1945. — М.: Воениздат, 1985.
Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов и др. — Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002.
Прежние названия населенных пунктов Калининградской области: Справочник для краеведов. — Калининград: БИТЕКАР, 1991.
Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. — М.: Воениздат, 1975.
Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. М.: Высшая школа, 1985.
Самсонов А.М. Вторая мировая война, 1939-1945: Очерки важнейших событий. — М.: Наука, 1990.
Советская Военная Энциклопедия: в 8-ми т. Т.2. — М., 1976.

балтийского фронтов. В 1945г. — заместитель главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке.

² Еременко Андрей Иванович (1892-1970), Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944). В годы Гражданской войны в Красной Армии. Во время Великой Отечественной войны командовал войсками Брянского, Юго-Восточного, Сталинградского, Южного, Калининского, 1-го и 2-го Прибалтийских, 4-го Украинско-го фронтов и ряда армий. В 1945-1958гг. командовал войсками ряда военных округов.

³ Баграмян Иван Христофорович (1897-1982), Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1977). В Великую Отечественную войну командовал армией, с 1943 года — войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. В 1955-56гг. заместитель министра обороны СССР, в 1956-1958гг. начальник Военной академии Генштаба. В 1958-68гг. заместитель министра обороны СССР — начальник Тыла Вооруженных Сил.

Источники

ЦГБ им. А.П. Чехова.
Документы из фондов музея боевой славы средней школы №1.
Документы из личного архива М.И. Костиной.
Документы из личного архива А.Е. Зайцевой.
Записи бесед с ветеранами Великой Отечественной войны, первыми переселенцами и старожилами г.Черняховска.

К материалу Дмитрия Смирнова «О тайной войне и явной победе»
Материалы, предоставленные руководителем краеведческого музея школы №6 Т.А. Малиновской.
Запись беседы с М.А. Костиной, руководителем отряда красных следопытов «Искатель» средней школы №1 в 1960-е годы.
Публикации в Черняховской районной газете «Коммунист».
Материалы рубрики «Воскресение» Г.Ф. Разумного (газета «Полюс», с 2000г. «Полюс+ТВ»).
Шиловский Е.А., Таленский Н.А., Васильев А.В. Восточно-Прусская операция Красной Армии. 1945 г. / Сб. статей. — М.: Воениздат, 1946.
Штурм Кёнигсберга: Сборник. — Калининград, 1985.

К статье Игоря Ерофеева, Галины Каштановой-Ерофеевой «Город с генеральским званием»
Багров Н. Волнующая встреча // Коммунист, 1969, №147(3110), 5 декабря.
Белан Н.А. Черняховск. — Калининград: Кн. изд-во, 1964.
Бахтигреева Г., Бахтигреева Л. Остановись, задумайся…: Сб. стихов. — Калининград: ГП «КТ», 1997.
Белоусов И. Яркая жизнь // Коммунист, 1966, №78(2574), 28 июня.
Бельх В. Факельное шествие // Коммунист, 1973, №21(3608), 17 февраля.

Белякова В. В боевом строю // Коммунист, 1975, №31(3830), 11 марта.
Блаkitный Л. Повесть о дорогом друге юности и комсомольских лет Иване Черняховском (1920-1924 и 1945 годы) // Мой город Черняховск, 2003, №8.
Бондаренко С. Как это было… // Мой город Черняховск, 1999, №4.
Борт О. В музее полководца // Коммунист, 1976, №78(4133), 29 июня.
Бюст генерала армии Черняховского // Коммунист, 1950, №133(451), 5 ноября.
Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. — 2-е изд., испр. и доп. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
В честь полководца // Коммунист, 1986, №21(5636), 18 февраля.
Гречишников П. «Черняховск» в рейсе // Коммунист, 1970, №93(3212), 1 августа.
Гурова Е. Памятные встречи // Коммунист, 1975, №21(3920), 18 февраля.
Гусаров А. Беседы о полководце // Коммунист, 1975, №21(3920), 18 февраля.

Даниленко В. Герои не умирают // Коммунист, 1976, №22(4077), 19 февраля.
Данилов В.С. Море и юность: Стихи. — Калининград: Кн. изд-во, 1977.
Два интервью на фестивале: Гостеприимна земля черняховская // Коммунист, 1981, №77(4912), 27 июня.
Денежжина М. Живой родник памяти // Калининградская правда, 2005, №16(199), 1 февраля.
Дриго С.В. Его имя носит наш город // Коммунист, 1966, №12(2508), 28 января.
Иванов В. Гости из Москвы // Коммунист, 1969, №86(3049), 17 июля.
Иван Данилович Черняховский: Краткая биографическая хроника / Сост. И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-Ерофеева. — Черняховск, 2005.
Исаева Л. Встреча гостей с родины героя // Коммунист, 1974, №22(3765), 16 февраля.
История Второй мировой войны 1939-1945. М.: Воениздат, 1977.
Карева С. Памяти полководца // Коммунист, 1981, №77(4912), 27 июня.
Киселев А. Молодость и зрелость полководца. — М.: Политиздат, 1971.
Ковалева В. На родине полководца // Коммунист, 1968, №21(2829), 17 февраля.
Колганова Э.М., Строкин В.Н. Страницы памяти. — Калининград: Кн. изд-во, 1985.
Костенко Ю. Ведут коммунисты // Коммунист, 1969, №128(3091), 23 октября.
Костин И. Вклад моряков «Черняховска» // Коммунист, 1969, №143(3106), 27 ноября.
Костина М. Встреча следопытов // Коммунист, 1969, №120(3083), 4 октября.
Костина М. Его именем… // Коммунист, 1986, №21(5636), 18 февраля.
Костина М. Память сердца // Коммунист, 1987, №77(5848), 27 июня.
Костина М. Эстафета памяти // Запад России, 1996, № 2(16).
Книга Памяти. Часть первая: Вспоминают ветераны — участники боев за Инстербург и Кёнигсберг / Сост. И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-Ерофеева. — Черняховск, 2004.
Крюков М. Талантливый военачальник // Коммунист, 1970, №20(3139), 17 февраля.
Локтионов П. Пусть всегда будет мир // Коммунист, 1981, №73(4908), 20 июня.
Лунин А. Трубка. Рассказ // Мой город Черняховск, 1999, №4.
Мечта заветная. Из воспоминаний сестры И.Д. Черняховского Анастасии Даниловны Дуб // Коммунист, 1966, №78(2574), 28 июня.
Михайлов Л. Памятник полководцу // Калининградская правда, 1976, 29 июня.
Награда за мужество // Коммунист, 1969, №99(3062), 16 августа.
Никишин В. Черняховский // За Родину, 1987, 17 ноября.
Петров А. В колхозе имени героя // Коммунист, 1976, №78(4133), 29 июня.
Плесовских Л. Девять дней одного рейса: по законам морского товарищества // Коммунист, 1969, №128(3091), 23 октября.
Полунина В. У памятника полководцу // Коммунист, 1968, №23(2831), 22 февраля.
Пономаренко Г. На родине полководца // Коммунист, 1986, №74(5689), 20 июня.

На фотографиях из семейных архивов ветеранов и портретных снимках 2005 года (вклейки):

На первой странице — И.А. Балаев, Р.И. Бандурина
На второй странице — И.Л. Чертилин, С.В. Бирюков
На третьей странице — В.В. Фесенко, В.Т. Ефимчик
На четвертой странице — М.А. Фильшин, Г.С. Гречко
На пятой странице — Н.С. Горбунов, С.Ф. Сараев

Пример для молодежи. Из воспоминаний первой учительницы полководца — Любови Александровны Донец // Коммунист, 1966, №78(2574), 28 июня.

Разумный Г. Пять памятников генералу Черняховскому // Запад России, 1996, №2(16).
Розенблюм Я. Клятва верности // Коммунист, 1969, №122(3085), 9 октября.
Самая западная: Сб. документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. В 4-х вып. / Сост. В.М. Арнаутovich, А.И. Климова, Э.М. Колганова и др.; Редкол.: …В.С. Исупов (гл. ред.). — Калининград: Кн. изд-во, 1980.
Солдатов О. Встреча с фронтовиками // Коммунист, 1981, №77(4912), 27 июня.
Строкин В.Н. Памятники ратного прошлого: Путеводитель по памятным местам Калинингр. обл. — Калининград: Кн. изд-во, 1995.
Талантливый полководец // Коммунист, 1975, №21(3920), 18 февраля.
Татаренко Л.С. Иван Черняховский: Сказание о полководце. — Киев: Молодь, 1985.

Трояновский П. Генерал Черняховский // Советская Россия, 1985, №119(8770), 24 мая.
Фесовец Б. Сын славного народа: Поэма // Коммунист, 1977, №76(4287), 25 июня; 1979, №77(4600), 28 июня.
Фесовец Б. Почетное звание // Коммунист, 1981, №77(4912), 27 июня.
Фесовец Б. Память сердца // Коммунист, 1986, №75(5690), 21 июня.
Фоменко Г. Фестиваль дружбы в Черняховске // Коммунист, 1986, №75(5690), 21 июня.
Фролов П. Навечно в строю // Коммунист, 1986, №21(5636), 18 февраля.
Цешковская В. Сын своего народа // Коммунист, 1966, №21(2517), 18 февраля.
Черняховский О.И., Василевский И.А. Школьникам Черняховска // Полус+ТВ, 2005, №8(507), 28 января.
Чурилова Е. Верность клятве // Коммунист, 1975, №21(3920), 18 февраля.
Шарипов А.А. Черняховский. — М.: Воениздат, 1971.
Шарипов А.А. Черняховский. — М.: Молодая гвардия, 1978. — (ЖЗЛ).
Шарипов А.А. Судьба полководца. — М.: Воениздат, 1988.
Штурм Кёнигсберга: Сб. материалов. — Калининград: Кн. изд-во, 1966.
Юрьева Н. Рассказы в ритме истории // Запад России, 1996, №2(16).

К материалу Дмитрия Смирнова «О тайной войне и явной победе»
Альтман М.Л., Жмылев Н.А. Штурм Инстербурга // Коммунист, 1969, №126, 129, 132, 138, 141, 144, 147, 150, 153, 156; 1970, №7, 9, 13, 16, 19, 22.
Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е, т.29. — М., 1978.
Данишевский И.М., Таратута Н.В. Война. Народ. Победа. Часть 2. — М., 1984.
Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. — М., 1987.
Мельников Д., Черная Л. Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер. — М., 1981.
Шарипов А. Судьба полководца. — М., 1988.

На шестой странице — Ю.Г. Кинчина, В.П. Зыков
На седьмой странице — Н.И. Тихов, А.И. Сиротина
На восьмой странице — И.Ф. Шпаков, Л.Д. Малкова
На девятой странице — Е.Г. Козловская, А.И. Ломакин
На десятой странице — Н.Х. Корсунь, В.В. Лядов

Алле – р.Лава	Нассер Гартен – пос.Портовое в Балтийском районе г.Калининграда
Алленштайн – г.Ольштын, Польшая республика	Неттинен – пос.Красная Горка Черняховского района
Ангерап – р.Ангерап	Нойкурэн – г.Пионерский (ж.-д. станция Пионерский Курорт)
Альтхоф – пос.Портовый, Черняховск	Нойнишкен – пос.Привольное Черняховского района
Ауловёнен – пос.Калиновка Черняховского района	Норкиттен – пос.Междуречье Черняховского района
Биркен (Гросс Бершкаллен) – пос.Гремяче Черняховского района	Пагелинен – пос.Перелесное Черняховского района
Биркенвальде – пос.Сосновка Нестеровского района	Пелленингкен – пос.Загорское Черняховского района
Вашенингкен (Вашинген) – пос.Торфяное Неманского района	Пилькаллен – пос.Добровольск Краснознаменского района
Вайдлякен – пос.Ельники Черняховского района	Прегель – р.Преголя
Вальтеркемен – пос.Ольховатка Гусевского района	Ратсхоф – Октябрьский район г.Калининграда; станция Западное-Новое
Велау – пос.Знаменск Гвардейского района	Розенталь – пос.Низменное Черняховского района
Вирбельн – пос.Жаворонково Черняховского района	Роминтен – пос.Радужное Нестеровского района
Гайтцунен – пос.Новая Деревня Черняховского района	Роминтенская пустошь (Роминтер Хайде, Роминтенская пуца) – большой лесной массив в приграничных районах Польши (сохранил название «пуца Роминтска») и Калининградской области (лес Красный, на территории которого находится государственный природный заказник «Виштынецкий»)
Георгенбург – пос.Маевка, Черняховск	Росталь – пос.Круглое Черняховского района
Гиллишкен (Инстерблик) – пос.Приречное Черняховского района	Тапиау – г.Гвардейск
Гольдап – г.Гольдап, Польшая Республика	Тильзит – г.Советск
Гумбиннен – г.Гусев	Тройбург – г.Олецко, Польшая республика
Грауден – пос.Дорожное Черняховского района	Фридланд – г.Правдинск
Грюнхайде – пос.Калужское Черняховского района	Фридрихштайн – пос.Каменка Гурьевского района
Гросс Роминтен – пос.Краснолесье Нестеровского района	Фришес-Хафф – Калининградский залив
Гросс Скайгиррен – пос.Большаково Славского района	Хейльсберг – г.Лидзбарк-Варминьски, Польшая Республика
Даркемен – г.Озерск	Цвион (Георгенталь) – пос.Доваторовка Черняховского района
Ереллен – пос.Воротыновка Черняховского района	Шилленен – пос.Победино Краснознаменского района
Жиллен (Шиллен) – пос.Жилино Неманского района	Ширвиндт – пос.Кутузово Краснознаменского района
Жилийтшен – пос.Нагорное Черняховского района	Шприндт – пос.Кирова, Черняховск
Зеепотен – пос.Голубево Гурьевского района	Шталлупёнен – г.Нестеров
Зесселякен – пос.Придорожное Черняховского района	Штеркенингкен – пос.Совхозное Черняховского района
Ильменхорст (Абелишкен) – пос.Белкино Правдинского района	Эйткунен – пос.Чернышевское Нестеровского района
Инстер – р.Инструч	
Инстербург – г.Черняховск	
Каралене (Луизенберг) – пос.Зеленый Бор Черняховского района	
Краупишкен (Брайтенштайн) – пос.Ульяново Неманского района	
Краупишкemen – пос.Шоссейное Черняховского района	
Лабиау – г.Полесск	
Лётцен – г.Гижицко, Польшая Республика	
Мульдшен (Мульден) – пос.Перевалово Правдинского района	

ВЕРСТЫ ВРЕМЕНИ

Игорь Ерофеев

Взятие Инстербурга	12
Они вели на штурм	31

Виктор Хабибуллин

Ратная слава гвардейцев	36
-----------------------------------	----

Игорь Ерофеев, Галина Каштанова-Ерофеева

Город с генеральским званием	43
--	----

ЖИВОЙ ГОЛОС ИСТОРИИ

«Вам – юным моим друзьям...» <i>В.А. Алексенко</i>	72
Письмо солдату, не вернувшемуся с войны. <i>Таня Лаптева</i>	74
«Здесь живет моя память...» <i>И.Н. Тишкевич</i>	74

Людмила Охота

Страницы юности суровой	77
Громят врага отважные танкисты	80
Хранить и помнить вечно	81
Золото любви	83
Как молоды мы были...	85
На все воля божья	87
Победа бессмертных сил	89
Я дышу, и значит – я живу	93
Повезло...	95
Жить и жить бы на свете	97
Нагадала цыганка: «Будешь счастливо жить...»	99
Всем смертям назло	100
Малиновый звон	102
Пусть оно будет чистым...	104
Отвага, достоинство, честь	106
Три юбилея четы шпаковых	108
Рвался в бой не ради славы	110

Светлана Кожевникова

В тылу врага	112
------------------------	-----

Дмитрий Смирнов

О тайной войне и явной победе	117
---	-----

Книга исповедей о войне

Прошлым тоже надо жить. <i>А.С. Боева (Пономарева)</i>	123
Мы этот мир спасали. <i>И.С. Еремихин</i>	125
От воспоминаний меня охватывает ужас... <i>Р.В. Богомолова</i>	128
Я всегда была взрослой... <i>А.С. Загоруйко (Пономарева)</i>	128
Я спасала жизнь. <i>Е.С. Фирсанова (Хребтова)</i>	129

У них нечеловеческие головы. <i>Н. Ярошевич</i>	130
Не надо войны... <i>Н.А. Балусова</i>	131
Так хочется пожить по-человечески... <i>О.Н. Бабичева (Пантелеева)</i>	133
Берегите мир! <i>Н.Н. Чаркина (Глазница)</i>	134
Дневник военного детства. <i>Т.А. Левченкова-Лыткина</i>	135
Екатерина Юферева	
Разговор с бабой Шурой	139
Александра Бурова	
Трофейный батальон	140
Утром Девятого мая	141
Виктор Хабибуллин	
Дорогами войны	142
Последнее утро войны. <i>В.А. Габрух</i>	146

ЯЗЫКОМ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Александр Гахов	
Операция «Волхвы». <i>Приключенческая повесть</i>	150
Петр Жуков	
Вот и вся моя родня	197
Катилось горе по стране.	197
Мне сегодня сообщили...	198
У братской могилы	198
Фронтовикам в День Победы	199
Александр Гахов	
Из цикла «Грустят и плачут сиреневого мая холода...».	199
Игорь Ерофеев	
Пушки били по городу...	202
«И пристрелялись...»	202
Что осталось от войны?	203
Любовь Мазалова	
Медаль за молодость	204
Вячеслав Бобрик	
Вдовы	205
Ирина Мялицина	
Шестьдесят Победе!	205
Сноски	206
Источники	206
Основная литература	206
Фото на наклейках	207
Указатель географических наименований	208

